

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС
Том 7. № 4/2021

DISCOURSE
Volume 7. No. 4/2021

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2021

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 71225.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издается с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197376, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

Ю. А. Дубовский, д-р филос. наук, проф., Пятигорский государственный ун-т, Пятигорск, Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатъев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

И. Б. Руберт, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгеева, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филос. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; этика; логика; философия науки и техники; социальная философия; философская антропология; философия культуры).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (германские языки; теория языка; прикладная и математическая лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "Press of Russia" catalogue 71225.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Prof. Popov Str., St Petersburg 197376, Russia.
Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Yurii A. Dubovskiy, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Irina B. Rubert, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint-Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskaia, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, ethics, logic, philosophy of science and technology, social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of culture);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (Germanic languages, language theory, applied and mathematical linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

- Shcherbak N. F.** Hermeneutics and its New Tendencies: to the Question of Aesthetic Paradigm Change 5
Ковалева Т. В. Социально-философские подходы к формированию современных социогуманитарных экспертиз 17
Андреев Д. В. Меланхолия и кризисное мировосприятие как ситуация человека «в своем времени» в первой трети XX в. 33

СОЦИОЛОГИЯ

- Дерюгин П. П., Баннова О. С., Камышина Е. А., Ярмак В. Е., Салфетник К. Е.** Социодинамика цифрового капитала студентов в условиях эпидемиологического кризиса COVID-19: опыт смешанной стратегии эмпирического исследования 45
Колянов А. Ю. Искусственный интеллект в медиадискурсе 2010-х гг. 58
Помозова Н. Б. Социологический дискурс-анализ концепции «китайская мечта» 68
Василькова В. В., Трекин П. А. Фейки о коронавирусе: коммуникативные технологии конструирования ложных сообщений 79

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Рамантова О. В.** Ценностные смыслы в текстах категории «Intelligent Travel» 92
Степанова Н. В. Когнитивно-дискурсивное исследование миграционного дискурса (на материале англоязычных медиатекстов) 104
Урусова Н. А. Интердискурсивность биофигионального повествования: образ Петербурга в романе М. Брэдбери «To the Hermitage» 119
Ильинова Е. Ю., Волкова О. С., Литвинова В. А. Дискурсивные стратегии косвенного извинения в англоязычном межличностном общении 131
- Правила представления рукописей авторами** 145

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

- Shcherbak N. F.** Hermeneutics and its New Tendencies: to the Question of Aesthetic Paradigm Change 5
Kovaleva T. V. Analysis of Humanitarian Technologies of Expertises in Solving of Socio-Cultural Dilemmas 17
Andreenko D. V. Melancholy and Crisis Worldview as the Situation of Man "In His Time" in the First Third of the XX Century 33

SOCIOLOGY

- Deryugin P. P., Bannova O. S., Kamyshina E. A., Yarmak V. E., Salfetnik K. E.** Sociodynamics of Students' Digital Capital in the Context of the COVID-19 Epidemiological Crisis: an Experience of a Mixed Strategy of Empirical Research 45
Kolianov A. Yu. Artificial Intelligence in Media Discourse of 2010s 58
Pomozova N. B. Sociological Discourse-Analysis of the "Chinese Dream" Concept 68
Vasil'kova V. V., Trekin P. A. Fakes about Coronavirus: Communicational Technologies for Constructing False Messages 79

LINGUISTICS

- Ramantova O. V.** The Value Semantics in "Intelligent Travel" Discourse 92
Stepanova N. V. Cognitive-Discursive Study of Migration Discourse (Based on English-Language Media Texts) 104
Urusova N. A. Interdiscursivity of Biofictional Narration: the Image of Petersburg in M. Bradbury's "To the Hermitage" 119
Ilyinova E. Yu., Volkova O. S., Litvinova V. A. Discursive Strategies of Indirect Apology in English-Language Personal Communication 131

УДК 130.2; 811; 81.4

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2021-7-4-5-16>

Оригинальная статья / Original paper

Hermeneutics and its New Tendencies: to the Question of Aesthetic Paradigm Change

Nina F. Shcherbak✉

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

✉n.sherbak@spbu.ru

Introduction. The work examines the main vector of development of contemporary literary and hermeneutics studies. The main aim is to show how the view of the text has changed and what are the important tools in the process of its interpretation.

Methodology and sources. Firstly, various philosophical and literary approaches to texts are considered. One of the main ideas behind the research method is the comparison of the modernist, post-modernist and meta-modernist paradigm in the process of text interpretation. Another important aspect is the consideration of symptomatic and surface reading, as an important tool in the discussion of whether the text bears any meaning apart from the directly deducible and what is the most contemporary if not the best way of interpreting it. Most texts analyzed are literary examples, mainly taken from Anglophone literature.

Results and discussion. The results of the research state a number of tendencies in the view of contemporary hermeneutics. Among the general conclusion of the shift from modernist to post-modern and meta-modern patterns in the narrative. Regarding the process of text interpretation what is stated is a general tendency to see the surface level of the text as bearing all the necessary and important meanings. The older and more conservative approach of bringing meaning into the text is also at work, depending on the traditions. Elimination of text interpretation (or denying it its original importance) is also an important point of view, as it states that a literary text explains more than any supporting attempt of its explanation. Another important feature is a tendency of a modern literary text to adopt characteristics of poetry. The psychoanalytic view is competing with post-modernist or meta-modernist view.

Conclusion. Metamodernist tendency, surface reading and attention to the literary text itself, and not its further explanation seems to be the core of a contemporary view of literary texts, their interpretation and, hence, meaning.

Keywords: metamodernism, post-modern, surface reading, symptomatic reading, Lacan, Deleuze.

For citation: Shcherbak N. F. Hermeneutics and its New Tendencies: to the Question of Aesthetic Paradigm Change. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 4, pp. 5–16. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-5-16.

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 22.06.2021; adopted after review 08.07.2021; published online 24.09.2021

© Shcherbak N. F., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Герменевтика и ее новые тенденции: к вопросу об изменении эстетической парадигмы

Н. Ф. Щербак✉

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉n.sherbak@spbu.ru

Введение. В работе рассматривается основной вектор развития современных литературоведческих и герменевтических исследований. Основная цель состоит в том, чтобы показать, как изменился взгляд на текст и каковы важные инструменты в процессе его интерпретации.

Методология и источники. Во-первых, рассматриваются различные философские и литературные подходы к текстам. Одной из основных идей, лежащих в основе метода исследования, является сравнение модернистской, постмодернистской и метамодернистской парадигм в процессах интерпретации текста. Вторым важным аспектом является рассмотрение феноменов «симптоматического» и «поверхностного» чтения как важного инструмента в обсуждении того, несет ли текст какой-либо смысл, кроме непосредственно выводимого или прямого, и каков самый современный, если не лучший, способ интерпретации текста, его прочтения. Большинство анализируемых текстов являются литературными, представляют собой примеры англоязычного художественного дискурса.

Результаты и обсуждение. Результаты исследования определяют ряд тенденций в отношении взгляда и развития современной герменевтики. Среди общих выводов – переход от модернистских к постмодернистским и метамодернистским паттернам в нарративе. Что касается процесса интерпретации текста, здесь констатируется общая тенденция рассматривать поверхностный уровень текста как несущий все необходимые смыслы. Исключение критической составляющей при интерпретации текста является одной из основополагающих точек зрения, поскольку художественный текст сам по себе объясняет больше, чем любая поддерживающая попытка его объяснения. Отчетливо выражена тенденция современного художественного текста перенимать характеристики поэзии. Психоаналитическая точка зрения на текст конкурирует с философской интерпретацией текста.

Заключение. Метамодернистская тенденция, поверхностное чтение и внимание к мельчайшим деталям художественного текста, а не к его объяснению, по-видимому, составляют ядро современного взгляда на литературные тексты, их интерпретацию и, соответственно, смысл.

Ключевые слова: метамодернизм, постмодернизм, поверхностное письмо, симптоматическое письмо, Лакан, Делёз.

Для цитирования: Щербак Н. Ф. Герменевтика и ее новые тенденции: к вопросу об изменении эстетической парадигмы // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 4. С. 5–16. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-5-16.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 22.06.2021; принята после рецензирования 08.07.2021; опубликована онлайн 24.09.2021

Introduction. The article attempts to describe the main tendencies observed in the development of contemporary narrative paradigm, which takes place along the main patterns seen in literary criticism development as well. Firstly, the general change from modern to post-

modern techniques is observed, which allows authors to gradually shape texts and give them metamodernistic patterns. Metamodernism is the general contemporary aesthetic paradigm that could be applied to the analysis of literary texts as well as general art and cultural patterns development. Secondly, it is worth mentioning that the view of text interpretation has changed fundamentally in the last ten years. This concerns not only the general shift towards text interpretation rather than text construction, but also the focus on surface and symptomatic reading as good examples of the main tools of text interpretation.

Methodology and sources. Literary texts analyzed include examples of Anglophone literature which provides a good scope for texts analysis and for identifying common patterns that are observed in texts. The biographical, multi-textual, structural and semantic approaches are taken as the basis for the analysis and evaluation of literary patterns.

Modernism, Post-Modernism, Metamodernism. At some point in history an important contribution into the development of hermeneutics was done by I. Hassan (1987) [1] when he outlined main differences between a modernist and post-modernist text, stating the main principles of major shift in aesthetic paradigm. The tendencies were labelled as the change from “inclusion” to “exclusion”, the “surface” substituting the “depth”, “silence” coming in place of “speech”, “open structure” being more important for a literary text than a “closed structure”. The continuation of the principles observed could be continued. Most vivid examples have been identified and named. Among them the change from the traditional “representational” pattern observed in grand narratives of the past, and its change into “difference” and “repetition” pattern, the view put forward by Gilles Deleuze [2]. The general observation that a post-modern text will be characterized by irony and sarcasm, instead of the traditional, a more straightforward and realistic view, is also quite evident. Concentration on the method, rather than the content, the narrative and not only the story, the self-reflective position of the writer, is what makes the post-modern style different from the modernist style. Post-modernism is also characterized by its position “against the rules and norms”, in many ways it is anti-political and anti-totalitarian.

When T. Vermeulen and R. van den Akker [3] in their famous *Notes on Metamodernism*, explained the difference between a post-modern and a meta-modern text, they ascribed it to style, and talked about naivety and neo-romantic idealism of the present, which came instead of post-modern mind set and skeptical apathetic view of everything, which they then summed up as “pragmatic idealism”, called elsewhere as “new naivety” [4]. Metamodernism advocates “the structure of a feeling”, which is certainly a difference in comparison to “self-governing” and “ironic” post-modern tradition. Vermeulen and van den Akker also explain the temporal relations in post-modernism, when they talk about a-topical nature of it, the so-called “atopic metaxis”: “Thus, if the modern suggests a temporal ordering, and the postmodern implies a spatial disordering, then the metamodern should be understood as a spacetime that is both neither ordered and disordered” [3, p. 12]. Such a view of time and space subsystems allow to talk about the “unstable” nature of metamodern text. This characteristic is seen in its other, the so-called “oscillation” principle of metamodernism, that allows any meaning to statement to take its opposite and then “return to its original” [5]. In other words, any word or phrase could signify the opposite. Khrushcheva [5, pp. 2–19] offers a scheme of metamodern tendencies development that includes “cold and hot” or “oscillation” principle as the core characteristics of any meta-modern pattern. One can also talk about “compression of sound” in music, which in literary texts corresponds to the

general principle of a poem substituting a novel [5], and “hieroglyph” coming instead of the Joyce’s “riverrun” (2 root combination in one word). The hieroglyph (or the “compression of sound”) principle allows to see to what extent any text could be reduced to its pictural equivalent, or how a long story could be represented in the most schematic way. In music such “compression” is realized by means of compressing a musical phrase, reducing it to a single sound, or the trembling noise of “poor internet connection” taken for a sound and melody in its own right. This schematic view of language (a letter being as important as a line or a phrase) has a well established tradition and past. In music these are New Music principles of combining the noises and sounds in any contemporary music piece. In literature it is experiments that were undertaken by modernist and post-modernist writers (elimination of cases in Russian by Khlebnikov, experiments with many languages, principles of polylingualism in James Joyce’s works).

One more important principle of metamodernism is “total or global citation” [6, pp. 24–25] that allows to play and change famous or classical patterns in any possible way. Remixes and general remaking principle characterise a contemporary piece of writing very well. This is also in tune with a contemporary tendency of editors and publishers who constitute a major part of any book production. In post-modern writing editors start playing a minor part in novels, gradually becoming participants of the writing process. Nabokov, for instance, puts information about editors in prefaces of his books, this is a post-modern play. This includes certain allusions to famous names that allow to constantly “eliminate” the creator, ascribing his work to somebody else. Yet for a meta-modern writers editing and publishing is a major part of the book production and interpretation process.

Symptomatic reading. A most vivid example of a contemporary most famous critical article on hermeneutics has been published under the title *Surface Reading* [7]. It numerates different possibilities in approaching the text, stating that the text itself provides enormous scope for information, and it is not necessary at all to bring meaning into it, as it reveals enormous depths just by offering the content. The analysis of *the Purloined Letter* by Edgar Poe at some point was a good example of this kind of text processing. Lacan and Derrida famously discussed Edgar Poe’s short story, looking for hidden as well as “surface meanings”. “When symptomatic readers focus on elements present in the text, they construe them as symbolic of something latent or concealed; for example, a queer symptomatic reading might interpret the closet, or ghosts, as surface signs of the deep truth <...> that cannot be overtly depicted. Symptomatic readings also often locate outright absences, gaps, and ellipses in texts, and then ask what those absences mean, what forces create them, and how they signify the questions that motivate the text, but that the text itself cannot articulate” [7, p. 3]. The authors continue citing *The Political Unconscious* (1981) by Fredric Jameson in which he argued that only weak, descriptive, empirical, ideologically complicit readers attend to the surface of the text. He insisted that the “strong” critic must rewrite and therefore reinterpret the narrative in terms of mastercodes, disclosing its status as ideology, as an imaginary resolution of real contradictions [7, p. 5]. An interesting conclusion in this article is that (the idea was taken from a rarely cited statement Michael Foucault made about his relationship to archives): rather than dig for “relations that are secret, hidden, more silent or deeper than ... consciousness,” he advised “to define the relations on the very surface of discourse” [7, p. 13]. In other words, the style of writing, the colour of print, as well as the pattern itself, the architectural style reveals more than one can induce or deduce by

means of looking deep into the text and extracting meanings from there. The conclusive element of this research [7] was to show that any text says more than any critic could explain. The critical reviewer work then is to study the artwork, but, paradoxically, apply minimum of art criticism.

Culture, history and political correctness. The historical view allows to see main tendencies of development observed in Anglophone literature. One of the main features could be labelled as attention to women's writing which is often identified separately. Another important trend is the appearance and continuation of what is labelled as post-colonial writing, with its own tradition and methods of identification.

Women's writing is clearly identified by many critics and literary analysts into a separate category [8, 9]. The latest wave of feminism allowed women writers not to "compete with men" or "have an attempt to be on the same cognitive level", but to form their own identity. In this respect the attention to different topics and themes that women writers are clearly showing is evident. The complex identity that a contemporary woman writers is exposing is a variety of different topics she is interested in, including, work, family, love, all the possible collisions and contemporary problems and issues at hand.

Post-colonial writing is another topic widely developing in Anglophone literature [10, 11]. Fanon, a famous theoretical analyst of post-colonial literature suggested a model (similar to the one that Showalter offered [9] in her women's writing analysis. Similarly, Fanon and Boehmer talk about three stages of post-colonial writing development. In line with this understanding of Franz Fanon's views, Boehmer considers a three-level scheme of anti-colonial struggle: 1) colonial assimilation; 2) the "violation" phase that includes "the restoration of the author's identity through the restoration of cultural traditions" and 3) "struggle" – "the thinking author, the original resident of the colony", who begins an active struggle for the restoration of freedom, the assertion of his political role, the opposition to colonial aggression [12, p. 345]. This theoretical assumption, thus gives a possibility for identifying main patterns of the narrative development.

To sum up. It is important to view the contemporary shift in hermeneutics as taking into account the general digitization principle, the view of change of general post-modern principle into metamodernistic one. It is equally important to see that the contemporary tendency in the process of text interpreting lies in the ability to see the text as it is, with some possible "deduction" of hidden meanings, yet with a more "naïve" and spontaneous view of what is there and how it is written. The topical side of contemporary literature allows to see "politically correct" these being important or relevant in literary works. Women's writing as well as post-colonial writing, specific attention to cultural details will become a focus of attention.

Results and discussion. Results of this research is the analysis of contemporary Anglophone literature. The general patterns observed could be classified according to different models and schemes, but regarding the main patterns there are certain characteristics that could be observed and which claim to be the philosophy of hermeneutics.

Music of the narrative. The general principle of the narrative as if "approaching the music" in its form or imitating it, has been stated by many post-modern critics. This tendency has started with modernist poets proclaiming the power of the language, its potential. This feature was very evident in modernist poetry, which today falls into the category of hyper-modern literature (metamodern is only part of it). Some time ago, for the classical innovator of the verse,

T. S. Eliot [13, 14], it was not the feelings of the poet, but the essence of the language that made poetry so special: “There is the third aspect, under which it is proper to consider a poet, a third kind of judgement which may be passed upon him in his later years, the material for which is not only his poetry, but the principle of writing which he has exemplified and defended <...> The business of the poet is to be more conscious of his own language, than other men, to be more sensitive to the feeling, more aware of the meaning of every word he uses, more aware of the history of the language and of every word he uses than other men. He needs however to know as much as he can of several other languages: because one advantage of a knowledge of other languages is that it make us understand one own language better” [15, p. 24]. This view allows to see the general tendency of the prosaic texts today to pay attention to the smallest detail of the narrative, the rhyme, the rhythm, the eco-elements, the possible mirror-like reflection of wording, its multi-meaning etc. In a way this is very similar to the “oscillation principle” described in meta-modernist texts. The ability of the phrase to signify one thing, and then refer to a situation in a more metaphorical way, with the interpreter in the end opting for the initial interpretation:

Once, when I was collecting the black peas, about to go home, the old woman got hold of my hand. I thought she was going to bite me. She looked at my palm and laughed a bit. “You’ll never marry,” she said, “not you, and you’ll never be still”. She didn’t take any money for the peas and she told be to run home fast. I ran and ran, trying to understand what she meant [16, p. 7].

The fragment is about a girl who is talking to an old woman. The direct meaning is that both of them exchange idea. The old woman though is also attempt to fortune-tell and by looking at the girl’s palm predicts that she will never marry. The explicit wording “you’ll never be still” allows to hypothesize that the old woman possesses more power, authority, understanding than an average person. The fact that a girl “will never be still” is a correct kind of statement, as no one is ever “still”. The general kind of statement creates a feeling of suspension, which is intensified by means of repeating the words “I ran and ran”. This kind of intensification allows the narrative to be iconically dense [17]. The fact of referring to “impossibility of getting married” from a wider context suggest certain degree of trauma of the main character. Symptomatic reading allows to infer extra meanings. Yet, when going through the spectrum of all the possible interpretations, the reader looks at the text again, he or she realizes that the first (direct) meaning is also possible and it is even far more important: the situation just describes the fact of a young girl being thoughtful and talking to an old woman. No extra meanings are offered. Therefore, the text speaks for itself, and not further interpretations are important or needed. It is like music and the value of it is in the process of reading only. The pleasure and understanding you get from reading is the biggest value of it in its own right.

Compression of sounds. An interesting example of the sound experiments in prosaic texts is provided by Gilbert Adair (1944–2011), a Scottish novelist, a poet, a film critic, and a journalist, who was most famous for the translation of a G. Perec’s postmodern novel *A Void*, a novel in which the letter “e” is not used. He became famous for the films adapted from his novels, including *Love and Death on Long Island* (1997) and *The Dreamers* (2003). Adair lived in Paris. His early works of fiction included *Alice Through the Needle’s Eye* (following Alice’s Adventures in Wonderland). From this short account it is quite clear, that the idea of the “change” or “remake” of the famous *Alice’s Adventures in Wonderland* is, on the one hand, a

reference to Lewis Carroll, on the other hand, it is a reference to a famous book *Logic of Sense* (1969) written by Deleuze, a classic philosopher of post-structuralism. The book *Logic of Sense* offers thirty paradoxes followed by four appendices that contain five previously published essays, including *Plato and the Simulacrum*. The ideas and concepts offered by Deleuze were quite revolutionary at a time, as the philosopher challenged the norms and rules of traditional narrative, offering the new ones for developing post-modern narrative and semiotics later applied for the analysis of films and music. For Deleuze, *Alice's Adventures in Wonderland* were the main basis for describing the paradoxes, to introduce the break from traditional representation technique, to establish “new rules” of cause-effect connections, to apply the concept of rhizome. The fact that Adair spent time in France when ideas expressed by Deleuze were especially famous, certainly speaks for itself. *Alice Through the Needle's Eye* by Adair is in many ways a continuation and exploration of the topic offered by Deleuze, including reflections, mirror like images, double meanings, shadowing, distortions of narrative perspectives, everything that the 20th century narrative is so famous for.

Moreover, it is worth mentioning that meta-modernist “shimmering” could be recognized in Adair's writing as well. The translation of Perec's novel *A Void* with its “missing letter” is a good example not only of Adair's interest in language, but also of his attempt to construct the meta-modernist “compressed” narrative.

“Addressing a letter” as a subject matter or theme, has its own history. The famous *The Scarlet Letter*, historical fiction by American author N. Hawthorne (1850) is a book that was widely recognized and used in a number of contexts to explore not only Puritan Massachusetts Colony during the 17th century, but also the idea of a “letter” itself. “A letter” is a concept that has a meta-textual dimension. It could guide a text, and in post-modern tradition, even a human life. A topic is so important for the 20th century. If the *Scarlet Letter* explores the themes of legalism, sin, and guilt, 20th century narrative would always use the letters concept for meta-textual reflections. Writers and novels interested in this issue include works by British and American writers like James Joyce (*Finnegan's Wake*), Tolkien, Rowling, *The Confidence Man* by Herman Melville (in which you get a mixture of different language experiments). All of these authors write texts that “speak” on the nature of text construction. This process constitutes the meta-textual dimension of the 20th century narrative, and is also interesting for Adair.

In a similar way, the fact of Adair's translation of the novel that misses letter “e” is not only an experiment with words and their potential, it is a certain “follow-up” to the tradition of text-exploration. Post-modernists viewed the text as the only reality that exists. The supremacy of texts was of high importance. Linguistic and literary theories were trying to prove that the text and language being isolated from reality, build up their own norms. Missing one letter seems to be an attempt to demonstrate the author's and the translator's full control of the language, almost creator's limitless potential.

Technology and the humane in the contemporary world. The topic of human versus technological has been widely discussed in literature. Contemporary advances in technology allow to speak about a new stage in the development of mankind. However, the topic of the humane naturally remains far more important.

Firstly, it is worth mentioning that the beginning of the 21st century has been marked by all the possible technological advances. Yet, the value of it for a lot of writers remains to be

questioned. Britain is the country where Darwin theories started, hence, it is the country where the role of a man and his power developed at large during the 19th century. Francis Bacon and his inductive method is another vivid example of the British interest in science, showing that it is the country where science and history of science actually started. However, the contemporary world view allows to hypothesize that science at the same time is an area that worries, as the power of man has been largely overestimated. Secondly, an important thing to mention is that the state of the art literature and cinema, theatre and art is about opting for neo-romanticism, pragmatic idealism, as the technological side of life can't (and should not) completely eliminate the humane needs.

A good literary example is a novel *Frankissstein, a Love story* (2019) by J. Winterson or *Spare and Found Parts* (2016) by Sarah Maria Griffin. Both of these novels are a good example of contemporary women's writing. At the same time, it shows a certain evident change and shift of topics raised and identified as important. Sarah Maria Griffin's novel was written well before the beginning of corona-virus epidemic, yet the main theme of it is life of people after the epidemic. The main characters are metonymically associated with different body parts, and one of the main characters is associated with one's heart, and is actually one's heart that is ticking. This topic is most important, as it introduces the humane dimension.

Winterson's novel [18] explores the gender issue as well as the moral issue, making an accent on the capacity of poetry, language, literature and culture in general to bring out and cultivate the cultural dimension. Sara Maria Griffin's novel explores a topic of almost physical property of organs, the starting passage goes like: "Just under the surface of the waves where the ocean met the land, a hand without a body reached out for someone to grab it" [19, p. 1]. The author puts forward the idea of all the misconceptions about emotions (as being superior or inferior to intellect). She discusses (directly or indirectly) acute hearing and ability to feel the invisible, as the qualities lost.

J. Winterson's novel [18] is far more artistic. It explores the fluid gender characters living at present. One of them is a surgeon, and the other one – a scientist. The author organizes her novel in a way that it has two historical planes. One is present, and the other one is two centuries ago. The scene is set in Switzerland and the main characters are Byron, Marry Shelley, other famous poets of the Romantic era. The title refers to the monster Frankenstein that was famously described by Mary Shelley at the age of eighteen. The appearance of a monster developed by a scientist always raises the question of to what extent science and technological advance allow people to remain humane.

Is culture and technological advancement equal (in some literature the opposition is referred to as civilization versus culture). Mary Shelley was a famous woman writer of the 19th century. By introducing her into the narrative, J. Winterson raises another question, of how a woman writer was forced to become a monster in the times when it was almost impossible for her to form her identity. Hence a monster is in many ways a distorted image of a woman writer. "Frankissstein" as a title has got another interesting feature. The three "s". In a way it is a good illustration of the meta-modernist principle of "compression" of sound, the author's deliberate attempt to "compress" a text and reduce it to a hieroglyph, the most picturesque manifestation of the world. The tree "s" allow to "compress" the whole story into this strange "whistle of wind". "Stein" as a root also refers (implicitly) to Gertrude Stein, a famous writer, host and owner of the

famous saloon in pre-War Paris, who was friends with James Joyce, Ezra Pound, Picasso, and whose image is so well described in Hemingway's *The Moveable Feast* (1964).

The title of J. Winterson's book raises a question of the power of the language and its role in the life of humans. Language is an innate capacity, yet it is something that distinguishes us from animals. Language bears traces of the world culture, its main patterns. The issue raised in *Surface Reading* about symptomatic reading and ability of the language and speech to reveal so many details about human psyche is evident. Language and well-established language of a poet is capable to show the complexity of the world, its difficult nature.

Psychoanalytic elements in hermeneutics and its application. An interesting focus in this respect could be attached to psychoanalysis tendencies observed in hermeneutics. One of the most influential articles on the discourse of madness by S. Felman [20] explores the notion at length discussing the novel by Henry James *The Turn of the Screw*. The possibility of looking at the text from the psychoanalytical perspective allows to see certain traces of madness not only in characters, but in the overall pattern of the story (in the novel it is compared to a psychoanalytical session).

One of the "posed yet answered" questions remains the metaphysical question of the traditional tree versus rhizome vision of connections. As postulated by Deleuze [2] the connection established (including that between events) could get further than the individual importance of the combination of an individual or a character being portrayed in the text. The fact of manifesting a character as an object, in other words showing him or her as having numerous aspects of possible identities is very characteristic of contemporary fiction. This is a pattern well seen in *Spare and Found Parts* (2016) by Sarah Maria Griffin.

When researchers compared Lacan and Deleuze, they pointed out at the fact that Deleuze goes further than Lacan in his view of "non-organic life of things". Hallward summarizes the difference between a more "personal view of Lacan" and a more "detached view of Deleuze" in the following way. "The main stratum that binds human beings together is the organism, meaning and interpretation, subjectification and submission" [21]. It is important for us to "know how the individual can transcend his form and his syntactic connection with the world" in order to become a transparent ark for this "non-organic life of things that burns us <...>, which is the divine presence in us, the divine relation in which we are alone with God as a source of light" [21, p. 2]. The general task is to follow the process of redemptive withdrawal, which is simultaneously an escape from all established limitations and a re-inclusion in absolute certainty of infinite creative power. This redemption takes place through the development of the "three virtues – insensitivity, indistinguishability, and impersonality. Reduce yourself to an abstract line, a characteristic feature, in order to discover your zone of indistinguishability with other features, and thus penetrate into the impersonality of the creator: you started the formation of the whole world, because you suppressed everything that made it difficult to slide between entities..." [21, pp. 1–23].

This sort of research allows to view major pieces of writing, for instance *The Despair* by V. Nabokov (1932, 1965) through the psychoanalytical perspective. The famous story of an entrepreneur Hermann who kills his double Felix explore the post-lacanian view of the Other and its manifestation in the literary text. The murder thus always the end of the "mirror" stage of characters' mutual exploration and self-indentification. Its appearance and elimination is always a sign of the psyche and identity exploration. The mirror equally allows to see the endless

corridor of possible manifestation of the person's identity. This brings into sharp focus the question of to what extent the view of the "plot" (the murder, for instance) could be equaled to the overall impression from the book, which (in case of Nabokov) bring forward a different idea altogether. The murder being the metaphor of an artistic act (good or bad, done by a genius or a mediocre person), or the murder being one of the possible ways of setting the plot, making it a detective story. The purpose of the books being completely different, showing the manifestation of cultural patterns that are interwoven in the narrative, making it a story of Pushkin's *the Queen of Spades*, or Sologub's *Small Demon*, or Dostoevsky's novel being revisited.

Conclusion. Main conclusions are that the main tendency of contemporary hermeneutics is to concentrate on surface reading and symptomatic reading which allow to trace cultural, historical patterns of the development of different aesthetic paradigms. Psychoanalytic perspective is very influential, though the competing post-modern tools of post-structuralist analytical framework are also significant. Deleuze looks at individuals as part of a non-organic world, that allows to explain how the machine-like characters would appear in contemporary fiction, and how the motif of the humane versus the machinery will be functioning. Metamodernism in literature, art and music reveal the concepts of "global quotation", "compression of sound and word", "oscillation", "new nativity", "new simplicity", "poetry instead of a novel" as ways of dealing with contemporary tendency of over-reduction and over-simplification of the form.

REFERENCES

1. Hassan, I. (1987), "Toward a Concept of Postmodernism", *The postmodern turn: essays in postmodern theory and culture*, Ohio State Univ. Press, Columbus, USA, pp. 84–96.
2. Deleuze, G. (1998), *Razlichie i povtorenie* [Différence et Répétition], Transl. by Man'kovskaya, N.B., Yurovskaya, E.P., Petropolis, SPb., RUS.
3. Vermeulen, T. and van den Akker, R. (2010), "Notes on Metamodernism", *Journal of Aesthetics and Culture*, vol. 2, iss. 1, pp. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.3402/jac.v2i0.5677>.
4. Groys, B. (2015), *O novom. Opyt ekonomiki kul'tury* [Über das Neue. Versuch einer Kulturökonomie], Transl. by Zborovskaya, T., Ad Marginem Press, Moscow, RUS.
5. Khrushcheva, N.A. (2020), *Metamodernizm v muzyke i vokrug nee* [Metamodernism in and around music], Ripol-classic, Moscow, RUS.
6. Lavrova, S.V. (2013), «Logika smysla» novoi muzyki. *Opyt strukturno-semanticheskogo analiza na primere tvorchestva Khel'muta Lakhennanna i Salvatore Sharrino* ["The logic of meaning" of new music. The experience of structural and semantic analysis on the example of the work of Helmut Lachenmann and Salvatore Sharrino], SPbSU, SPb., RUS.
7. Best, S. and Marcus, S. (2009), "Surface Reading: An Introduction", *Representations*, vol. 108, no. 1, pp. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1525/rep.2009.108.1.1>.
8. Fetterley, J. (1978), *Resisting reader. A feminist approach to American literature*, Indiana Univ. Press, Bloomington, USA.
9. Showalter, E. (1997), "Towards a feminist poetics", *Twentieth century literary theory*, in Newton, K.M., MacMillan, N.Y., USA, pp. 216–219.
10. Fanon, F. (1952), "The Negro and Psychopathology", *Black Skin, White Masks*, Éditions du Seuil, Paris, France, pp. 141–209.
11. Fanon, F. (1965), *The Wretched of the Earth*, Macgibbon and Kee, London, UK.
12. Boehmer, E. (1989), "Postcolonialism", *Modern Literary theory*, in Rice, Ph. and Waugh, P. (eds.), Bloomsbury Academic, London, UK, pp. 340–361.

13. Eliot, T.S. (1975). "Tradition and the Individual talent", *Selected Prose*, in Kermode, F. (ed.), Harcourt, Brace, Jovanovich, N.Y., USA, pp. 37–44.
14. Eliot, T.S. (1975), "The functions of criticism", *Selected Prose*, in Kermode, F. (ed.), Harcourt, Brace, Jovanovich, N.Y., USA, pp. 68–76.
15. Pound, E. (1963), *A Collection of critical essays*, in Salton, W. (ed.), Prentice Hall, N.J., USA.
16. Winterson, J. (1991), *Oranges are not the only fruit*, Vintage, London, UK.
17. Hiraga, M.K. (1994), "Diagrams and metaphors: Iconic aspects in language", *Journal of Pragmatics*, vol. 22, pp. 5–21.
18. Winterson, J. (2019), *Frankissstein: a Love Story*, Vintage Digital, Rochester, UK.
19. Griffin, S.M. (2016), *Spare and found parts*, Greenwillow books, London, UK.
20. Felman, S. (2003), "Writing and Madness. Literature, philosophy, psychoanalysis", *Meridian. Crossing Aesthetics*, in Hamacher, W. (ed.), Stanford Univ. Press, Palo Alto, California, pp. 141–183.
21. Hallward, P. (2010), *Deleuze and Psychoanalysis. Philosophical essays on Deleuze's debate with psychoanalysis*, Leuven Univ. Press, available at: <http://s357a.blogspot.com/2012/02/vs.html> (accessed 28.02.2021).

Information about the author.

Nina F. Shcherbak – Can. Sci. (Philology) (2015), MA in English language teaching (Lancaster, UK), Associate Professor at the Department of English Philology and Cultural Studies, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St. Petersburg 199034 Russia. The author of more than 150 scientific publications, monographs and books. Area of expertise: contemporary literary theory, narratology, cognitive linguistics. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8725-9717>. E-mail: n.sherbak@spbu.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hassan I. Toward a Concept of Postmodernism // *The postmodern turn: essays in postmodern theory and culture*. Columbus: Ohio State Univ. Press, 1987. P. 84–96.
2. Делёз Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н. Б. Маньковской, Э. П. Юровской. СПб.: Петрополис, 1998.
3. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism // *J. of Aesthetics and Culture*. 2010. Vol. 2, iss. 1. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.3402/jac.v2i0.5677>.
4. Гройс Б. О новом. Опыт экономики культуры / пер. с нем. Т. Зборовской. М.: Ad Marginem Press, 2015.
5. Хрущева Н. А. Метамоде́рнизм в музыке и вокруг нее. М.: Рипол-классик, 2020.
6. Лаврова С. В. «Логика смысла» новой музыки. Опыт структурно-семантического анализа на примере творчества Хельмута Лахенманна и Сальваторе Шаррино. СПб.: СПбГУ, 2013.
7. Best S., Marcus S. Surface Reading: An Introduction // *Representations*. 2009. Vol. 108, no. 1. P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1525/rep.2009.108.1.1>.
8. Fetterley J. *Resisting reader. A feminist approach to American literature*. Bloomington: Indiana University Press, 1978.
9. Showalter E. *Towards a feminist poetics // Twentieth century literary theory / ed. by K. M. Newton*. N. Y.: MacMillan, 1997. P. 216–219.
10. Fanon F. *The Negro and Psychopathology // Black Skin, White Masks*. Paris: Éditions du Seuil, 1952. P. 141–209.
11. Fanon F. *The Wretched of the Earth*. London: Macgibbon and Kee, 1965.
12. Boehmer E. *Postcolonialism // Modern Literary theory / ed. by Ph. Rice, P. Waugh*. London: Bloomsbury Academic, 1989. P. 340–361.
13. Eliot T. S. *Tradition and the Individual talent // Selected Prose / ed. by F. Kermode*. N. Y.: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1975. P. 37–44.

14. Eliot T. S. The functions of criticism // Selected Prose / ed. by F. Kermode. N. Y.: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1975. P. 68–76.
15. Pound E. A Collection of critical essays / ed. by W. Salton. N. J.: Prentice Hall, 1963.
16. Winterson J. Oranges are not the only fruit. London: Vintage, 1991.
17. Hiraga M. K. Diagrams and metaphors: Iconic aspects in language // J. of Pragmatics. 1994. Vol. 22. P. 5–21.
18. Winterson J. Frankissstein: a Love Story. Rochester: Vintage Digital, 2019.
19. Griffin S. M. Spare and found parts. London: Greenwillow books, 2016.
20. Felman S. Writing and Madness. Literature, philosophy, psychoanalysis // Meridian. Crossing Aesthetics / ed. by W. Hamacher. Palo Alto, California: Stanford University Press, 2003. P. 141–183.
21. Hallward P. Deleuze and Psychoanalysis. Philosophical essays on Deleuze's debate with psychoanalysis. Leuven University Press, 2010. URL: <http://s357a.blogspot.com/2012/02/vs.html> (дата обращения: 28.02.2021).

Информация об авторе.

Щербак Нина Феликсовна – кандидат филологических наук (2015), доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 150 научных публикаций, монографий и научно-популярных книг. Сфера научных интересов: современная литературоведческая теория, нарратология, когнитивная лингвистика. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8725-9717>. E-mail: n.sherbak@spbu.ru

Социально-философские подходы к формированию современных социогуманитарных экспертиз

Т. В. Ковалева✉

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉trandafir@yandex.ru

Введение. Цель написания статьи: показать социально-философскую основу гуманитарных экспертиз и продемонстрировать, какую роль они играют в жизни общества и мира при решении актуальных социально-культурных дилемм. Задачи: дать исторический анализ теоретического обоснования социально-философских основ экспертологии для гуманитарной сферы, обосновать роль и назначение гуманитарных экспертиз для общества и профессиональных организаций.

Методология и источники. Методологически данная работа основывается на социально-философском анализе работ известных социологов и философов XX–XXI вв., которые создали методологические основы для гуманитарных экспертиз, а также на представлении трех гуманитарных экспертиз с выделением их отличительных особенностей.

Результаты и обсуждение. Благодаря разработанным методам и методикам в социологии, культурологии и т. д. были созданы различные новые подходы для научного исследования проблем общества и последствий влияния на него научно-технического прогресса. Данные методы и методики, лежащие в основе гуманитарных экспертиз, позволили перешагнуть субъективизм индивидуума и рассмотреть социально-культурные явления объективно, основываясь на фактах и обосновании социального действия. Предложенный Э. Дюркгеймом практический социологический метод исследования фактов дал возможность объединить силы специалистов в разных областях для выявления причин появления нормальных и патологических факторов и их анализа. М. Вебер в свою очередь обозначил методологические основы социального действия, с помощью которых можно объективно выделить основные действия, выработанные данным обществом. Функциональный анализ социальных и культурных продуктов Р. Мертона и выделение этического компонента микро- и макропорядка Дж. Ритцера окончательно сформировали основу современных гуманитарных экспертиз: социогуманитарной, гуманитарной и этической.

Заключение. Когда роль науки в жизни общества становится главенствующей, необходимо владеть такими методами, методиками и технологиями, с помощью которых можно контролировать незаконное использование научных достижений, выявлять неэтичное поведение ученых и каждого члена общества. Основная направленность этих экспертиз – контроль за неэтичным поведением профессионалов, защита интересов и здоровья людей.

Ключевые слова: социальные факты, социальное действие, гуманитарные экспертизы, социальные и культурные продукты, этика.

Для цитирования: Ковалева Т. В. Социально-философские подходы к формированию современных социогуманитарных экспертиз // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 4. С. 17–32. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-17-32

© Ковалева Т. В., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-011-00124 «Трансформация нравственной культуры под влиянием нейронаук»).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 09.03.2021; принята после рецензирования 18.06.2021; опубликована онлайн 24.09.2021

Analysis of Humanitarian Technologies of Expertises in Solving of Socio-Cultural Dilemmas

Tatiana V. Kovaleva✉

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

✉trandafir@yandex.ru

Introduction. The aim of the article is to show the socio-philosophical basis of humanitarian expertises and to demonstrate an important role of these technologies in the life of society and the world for solving of current socio-cultural dilemmas. We set ourselves the following tasks: to conduct a socio-philosophical justification of the theoretical foundations of moral expert science, to define three types of humanitarian expertises, to identify the range of their application, to show the significance of their application for society and for professional organizations.

Methodology and sources. This work methodologically is based on a socio-philosophical analysis of the works of well-known sociologists and philosophers of the XX-XXI centuries who created the foundation for humanitarian expertises as well as on a comparative analysis of the three expertises with the identification of their deferential characteristics.

Results and discussion. Thanks to the developed methods and methodologies in sociology, cultural studies, etc., various new approaches were created for the scientific study of the society problems and the consequences of the influence of scientific and technological progress on it. These methods and methodologies which are the basis of humanitarian technologies, allowed us to step over the individual subjectivity and to consider objectively socio-cultural phenomena, based on facts and on the justification of social action. Suggested by Emile Durkheim's practical sociological method of investigating facts made it possible to combine the forces of specialists in different fields to identify the causes of the appearance of normal and pathological factors and to analyze them. Whereas, M. Weber outlined the methodological foundations of social action with the help of them it is possible to objectively identify the main actions developed by this society. The methods and techniques formed the basis of the humanitarian technologies of three examinations: socio-humanitarian, humanitarian and ethical. There is still no term under which they can be combined so the author's this article proposed the term – humanitarian. The humanitarian is from the word humanity (humanity), that is, what is inherent in all people including society and its actions. Functional analysis of social and cultural products by Robert Merton and show of ethics micro and macro order by George Ritzer had formed the foundation for modern humanitarian expertises: social humanitarian, humanitarian and ethical.

Conclusion. When the role of science in the life of society becomes dominant, it is necessary to have such methodologies with which it will be possible to control the illegal use of scientific achievements, to identify unethical behavior of scientists. The main focus of these expertise is to control the illegal activities of professionals, to protect the interests and health of people.

Key words: social facts, social action, humanitarian expertises, social and cultural products, ethics.

For citation: Kovaleva T. V. Analysis of Humanitarian Technologies of Expertises in Solving of Socio-Cultural Dilemmas. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 4, pp. 17–32. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-17-32 (Russia).

Source of financing: The work was supported by a grant of Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-011-00124 "Transformation of moral culture under the influence of neurosciences").

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 09.03.2021; adopted after review 18.06.2021; published online 24.09.2021

Введение. Для теоретического обоснования содержания и направленности гуманитарных технологий экспертиз необходимо обратиться к методикам и методам социальных фактов Эмиля Дюркгейма и социального действия Макса Вебера.

Методология и источники. Впервые изучение и обоснование социальных фактов было предложено Дюркгеймом в работе «Правила социологического метода». Он утверждал, что социальные факты (социальные институты, семья, брак, язык, религия и т. д.) – это реальные, объективные явления, основанные на принципе причинности. Их изучение как внешних явлений позволяет судить о «социальной реальности, обнаруживая потребности, волнующие общество» [1]. Э. Дюркгейм предложил искать признаки для разделения фактов на нормальные и патологические, поскольку без методического их обоснования легко ошибиться в интерпретации ассоциации на обыденные понятия, как вид, орган, функция, здоровье, болезнь, причина, цель. Социальная методика позволяет «видеть» социальные факты в социальных явлениях как научные данные, благодаря этому гуманитарные технологии экспертиз, построенные на этой методике, позволяют экспертам исследовать факты и давать объективное экспертное заключение. Благодаря ей гуманитарные экспертизы, основываясь на конкретных фактах, могут иметь практическое применение, которое направлено на поддержание основных двух принципов – объективности и независимости от любых влияний. Понимание различий нормальных и патологических фактов позволяет лучше управлять «поведением» [1] людей в обществе.

Причины исследования фактов Дюркгейм видел в исследовании «даже самых мелких социальных обычаев», ведь «социальная жизнь зависит от внутренних причин» [1]. Однако чуть позднее стало ясно, что изучение и учет только социальных факторов не дает полной научной картины без учета культурных и этнографических аспектов. Марсель Мосс расширил диапазон фактов, дополнив их культурными элементами и продуктами. В ходе исследования жизни некоторых племен [2] М. Мосс изучил их этикетные отношения, моральные нормы, традиции и пр., которые оказались очень важны в оценке социального функционирования любого сообщества. Он, как и Дюркгейм, проводил сравнительный анализ фактов, которые позволяли получить объективные научные данные. Мосс показал, что изучать рыночные отношения можно только через анализ культурных и социальных фактов.

В свою очередь М. Вебер, проводя социальные исследования общества, предложил определение социального действия как «действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [3]. Социальное действие в свою очередь имеет определенные основы – это конструированный тип смысла действия, реактивная граница между осмысленным действием и поведением, рационально ориентированное целенаправленное действие, правильное толкование мотива поведения и т. д.

Вебер считал, что социальное действие не ограничено временными рамками и количеством людей, вовлеченных в совместное действие, однако не все действия могут быть

социальными, например, некоторые причины поведения, связанные с физиологией и психическими состояниями, поскольку они не всегда социальны. Социальное действие может быть социальным, «если и поскольку оно принимает во внимание поведение других (людей)» [3]. Любое действие должно иметь мотив, однако хоть он и определяет его характер, он не всегда очевиден. Вебер предлагает отталкиваться от характеристики действия, чтобы четко выявить мотив по целенаправленности. Это расширяет диапазон исследовательской деятельности, поскольку эти критерии могут характеризовать не только действие социальное, но и культурное, этическое, экономическое, политическое и т. д. Тем самым данный подход становится универсальным для многих направлений исследовательской мысли. Следуя классификации Вебера, можно рассмотреть особенности социального действия как положения нормативного поведения, которое требуется от любого человека в социальном обществе или в профессиональном сообществе:

- Все усилия и интересы связаны с другим человеком, на которого направлено это действие.
- В любой (профессиональной) деятельности нет смысла доказывать то, что уже доказано и считается истинным.
- Социальные (профессиональные) отношения строятся на основе взаимности, чтобы соблюдалась «взаимная соотнесенность поведения сторон». Стабильность в традициях, обычаях приводит к стабильности в ожидании поступков большинства, т. е. к единообразию поступков, что приводит к стабильности существования всего общества.
- Действия людей «традиционно» повторяются, поскольку они закреплены в культуре, морали, привычках и т. д. Но отнюдь не в праве как таковом.
- Это живая, гибкая структура. Изменения взглядов, привычек, образа жизни становятся новым мотивом, который приводит к изменению содержания действия.
- Формируется социальное отношение с помощью кодексов (профессионального) поведения на основании долга. По Веберу это максимумы, которые обеспечивают в обществе «порядок» и рациональное поведение большинства людей.

Поскольку гуманитарные экспертизы используются чаще в профессиональных сферах, принцип долга Вебера о взаимности и рациональности поведения очень актуален. Этическое поведение в обществе и профессиональной сфере он определяет как «норму человеческого поведения, пользующегося предикатом “хорошее” в нравственном отношении...» [3]. При анализе поведения профессионала Вебер делает упор на мотивы требования системы. Таким образом, поведение профессионала можно объяснить правилами и нормами, выработанными данной системой, к которой он принадлежит, что должно учитываться при составлении этических профессиональных кодексов. Но поскольку социальные системы и институты разные, Вебер предлагает учитывать каузальность между усредненным поведением в обществе и профессиональным для того, чтобы регламентировать порядок. Также он отмечает, что нарушение социального порядка вызовет реакцию третьих лиц, мнение которых в процессе экспертизы также необходимо учитывать, поскольку результат деятельности профессионала может затрагивать интересы сторонних людей, вовлеченных в его профессиональную активность. Речь идет об учете всех рекомендаций Вебера при составлении кодекса экспертной деятельности.

Американский социолог Роберт Мертон в своей работе «Социальная теория и социальная структура» обосновал теоретические основы к созданию гуманитарных экспертиз. Он предложил проведение функционального анализа социальных и культурных продуктов. По его мнению, этот анализ является «эффективным для решения определенных интеллектуальных или социальных проблем...» [4]. Оценивая исследовательские возможности разных наук, Р. Мертон замечает, что для естественных и точных наук есть различные инструменты проведения того или иного анализа в спорных случаях; у социологии и других гуманитарных дисциплин их нет, но должны быть, чтобы решать конфликты. Он отмечает, что при решении конфликта, в споре наиболее уязвимыми оказываются когнитивные проблемы, поскольку их легко можно представить в искаженном виде. Это происходит из-за понимания сущности функций и дисфункций в научной или профессиональной полемике. К функции можно отнести те социальные и культурные элементы, которые помогают слаженной работе исследуемой социальной или культурной системы, а дисфункции – те, которые не только не вписываются в нее, но и мешают ее работе. При этом надо учитывать тот факт, что «социальные обычаи или настроения могут быть функциональными для некоторых групп и дисфункциональными для других в одном и том же обществе» [4]. Подобно Аристотелю, Мертон строит свою методiku на основе «золотой середины», которая укладывается в идею М. Вебера и П. Сорокина об обобщенных «закономерностях среднего уровня, применимых ко многим людям, группам и культурам» [4]. Только усредненные значения могут дать объективную картину в исследовании.

Благодаря идее Мертона о взаимодействиях на разных уровнях в сравнительном анализе стало возможным выделение микро- и макроуровней, в которых при взаимодействии малых/больших социальных групп и официальных институтов, организаций возникают социально-культурные проблемы, которые можно успешно решить с помощью гуманитарных экспертиз. Они способны игнорировать стереотипы, которые создают ложное субъективное представление о значении тех или иных социальных и культурных элементов. Ведь не каждая девиация дисфункциональна, а комфортность – функциональна. Для гуманитарных экспертиз деформации (расхождения, противоречия, напряжения) системы являются объектом исследования, поскольку они несут в себе изменения для нее. Мертон предлагает рассмотреть в качестве объекта исследования такие: культурные ценности, действие социальных механизмов, действие психологических механизмов, функциональное значение различных нефинансовых вознаграждений, замена «чувства безопасности» на «честолюбие» как приоритетную ценность, изменение правил взаимодействия ради расширения области экономических и политических возможностей для людей, лишенных их ранее, и т. д.

В конце XX в. Джордж Ритцер, основываясь на идее интегрированной парадигмы А. Эделя и Дж. Гуревича, предложил многоуровневый социальный анализ изучения социально-культурных проблем на макро- и микроуровнях (от индивидуального мышления к мировым системам). Он считал, что «<...> проблему взаимосвязи микро-, макроуровней нельзя рассматривать в отрыве от объективно-субъективного континуума. Все социальные явления как микро-, так и макропорядка – объективны или субъективны» [5]. Гибкая многоуровневая система взаимосвязей макрообъективных и субъективных, а также микрообъективных и субъективных уровней дает возможность гуманитарным экспертизам действовать более мобильно, поскольку они способны определить и вычлениить суть проблемы

с разных ракурсов и создать многомерное представление о всех ее аспектах. Ритцер закрепил за макросубъективным уровнем «масштабные нематериальные явления – например, нормы и ценности» [5]. Данная классификация позволила расширить диапазон исследования благодаря учету, анализу отклонений и изменений моральных ценностей общества и каждого члена профессионального сообщества через их поступки и проступки. Например, использование корыстного мотива при вынесении экспертного заключения экспертом и раскрытие данного проступка может привести к подрыву авторитета всего экспертного сообщества. Таким образом, индивидуальный проступок может повлиять на авторитет всех экспертов. Подобная ситуация может быть в любой профессиональной сфере и бытовой жизни людей.

Таким образом, социальные факты Дюркгейма, обоснование социального действия Вебера и функциональный анализ социальных и культурных продуктов Мертона стали важной основой гуманитарных экспертиз. Ритцер в свою очередь дал возможность ввести этический компонент в анализ многоуровневых систем микро- и макропорядка, создав предпосылки к выстраиванию понимания значимости этики экспертизы и моральной оценки поведения людей в разных сферах своей деятельности.

Результаты и обсуждение. Сегодня существует три вида гуманитарных экспертиз: социогуманитарная, гуманитарная и этическая. Наиболее известная и применяемая во многих гуманитарных сферах – этическая. Социогуманитарная активно используется в социологии, психологии, педагогике, праве и т. д. Надо отметить, что эта экспертиза появилась недавно и вызывает много трудностей с пониманием ее назначения и применения. Гуманитарная экспертиза сложна в исполнении и используется для анализа мировых этических проблем.

Социогуманитарная экспертиза сформировалась в 10-е гг. XXI в. Первоначально ее считали синонимом гуманитарной экспертизы. «Идея и концепция социогуманитарной (гуманитарной) экспертизы как важного механизма сохранения человеческого потенциала в современных условиях принадлежит многим ученым и специалистам, среди которых Н. Н. Авдеев, И. И. Ашмарин, Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьев, Р. М. Петрунева, Д. А. Покровский, Ф. С. Сафуанов, Г. Скирбекк, Г. Л. Смолян, Г. Н. Солнцева, Г. Б. Степанова, П. Д. Тищенко, Г. Л. Тульчинский, Б. Г. Юдин и многие другие» [6, с. 66]. Группа московских философов в статье 2016 г. «Социально-гуманитарная экспертиза функционирования национальных депозитариев биоматериалов» выделяет социогуманитарную экспертизу как самостоятельное направление в научных технологиях. «Широкая социально-гуманитарная экспертиза науки может осуществляться в процессуальном, результативном, ценностном и системном планах, каждый из которых имеет свою специфику. Она необходима на разных этапах научного познания, и прежде всего на уровне оценки возможного использования результатов научного знания и их влияния на развитие общества и человека. Наиболее важным здесь является понимание того, что такая экспертная оценка должна проводиться в рамках самого процесса работы над той или иной научной проблемой, а не сводиться к оценке уже осуществленных следствий» [7, с. 10]. Данная экспертиза направлена на управление наукой и научными учреждениями в решении социальных задач как форма социального управления. Она должна стать «мостом» между наукой и обществом. Благодаря ей разрабатываются методики, позволяющие внедрять научные достижения, минимизируя этическую напряженность из-за коммерциализации науки.

Социогуманитарная экспертиза может использоваться как доказательная база, т. е. правовое средство противодействия, при раскрытии различных преступлений, нарушений, когда юридическая экспертиза оказывается недостаточной или результаты ее спорны. В зависимости от характера нарушений она может иметь лингвистическую (семиологический анализ) и/или психологическую и/или социальную направленность. Она может проводиться как основной вид экспертизы, так и вторичный или дополнительный. Например, таможенной инспекции необходимо проверить ввозимую литературу на предмет экстремистского содержания или информационные материалы сомнительного содержания. В этом случае принято применять комплексную социогуманитарную экспертизу (методика А. Я. Винникова) [8]. Центральное экспертно-криминалистическое таможенное управление приглашает сторонних квалифицированных специалистов в этой области для проведения исследования изъятой литературы. Понятие «комплексность» определяется возможностью и необходимостью обращаться к экспертам других гуманитарных направлений – конфликтологии, религиоведения, этики, социологии, философии и т. д. Проблема такой экспертизы – в преодолении предвзятого отношения экспертов к исследуемым объектам (тексты и иллюстрации) или субъектам (авторы текстов/иллюстраций) в русле обозначенного расследования и стремления найти любые доказательства по данному вопросу. Эпистимический изъян (самообман) довольно сложно выявить, особенно если это комплексная и последовательная экспертиза, где задействовано большое количество экспертов из разных областей знаний.

Биоэтика и биомедицинская этика могут использовать социально-гуманитарную экспертизу как дополнительную к основным двум экспертизам – гуманитарной и этической. Эти две экспертизы призваны решать последствия применения научно-технических достижений в обществе. Возникающие при этом этические дилеммы являются последствиями несовершенства науки и реакции на них общества в социальном и культурном планах. Принимая во внимание единство цели при применении этих экспертиз, необходимо учитывать разнонаправленность и глобальность их задач, масштабность их применения, охват аудитории, требования к экспертам, характер заказчиков и пр. Исходя из таких особенностей, с самого начала в научном сообществе было принято решение разделить эти экспертизы по одному весоному признаку, который предложил Ритцер, – это этический компонент микро- и макропорядка, – тем самым создав предпосылки к выстраиванию понимания значимости этики экспертизы и моральной оценки поведения людей в разных сферах своей деятельности и влияния результата их действия на профессиональное сообщество и на общество в целом.

Гуманитарной экспертизой, по мнению профессора И. И. Ашмарина [9, с. 203] и академика И. Т. Фролова, принято считать ту экспертизу, которая ориентирована на объективную этическую оценку часто встречающейся конкретной ситуации в биологии и медицине. «<...> гуманитарная экспертиза “напрашивается” прежде всего там, где отсутствуют формализованные критерии и характеристики, апробированные нормативные акты, алгоритмы и проч. Иными словами, гуманитарная экспертиза опирается не столько на нормы, сколько на ценности и ориентирована не столько на “предметы”, сколько на технологии. В этом, пожалуй, одно из основных отличий гуманитарной экспертизы от профессиональных экспертных акций» [10].

Сегодня диапазон ее применения расширился до анализа социокультурных дилемм, возникающих в разных гуманитарных (научных) сферах. В интернет-источниках ее часто называют социокультурной и сводят к узкому пониманию ее назначения – исследование социальной жизни общества. Однако хочется обратить внимание на особое ее назначение – это преодоление субъективизма в анализе многократно повторяющихся морально-этических дилемм в разных обществах. Суть применения этой экспертизы в том, чтобы предоставить максимально объективные критерии для решения этических задач, охватывающих «гуманитарную» деятельность человека.

Обычно гуманитарная экспертиза используется международными экспертными комиссиями и комитетами, которые обладают статусом независимых общественных организаций. Например, Международный комитет по биоэтике (МКБ) [11], Всемирная комиссия по этике научных знаний и технологий (КОМЕСТ) [12] при ЮНЕСКО, миссии ВОЗ, МВА и т. д. Среди рассматриваемых этими организациями проблем можно встретить такие, как справедливый доступ каждого человека во всех странах к необходимым ресурсам, например, доступ к вакцине против COVID-19 и деликатный подход в принятии решения, когда социальная ответственность представителей коммерческих структур отходит на второй план перед возможностью получения максимальной прибыли. На сайте МКБ можно найти и другие актуальные проблемы за несколько лет, например, биоэтическое реагирование на положение беженцев (2017), принцип использования совместных благ (2015), современное родительство, т. е. «взаимодействие между социальными и технологическими достижениями и их влияние на появление новых обликов и форм родительства, в том числе воздействие на трансграничную практику и репродуктивную справедливость» (2018–2019) и т. д. Принятые резолюции не ориентированы на конкретную страну и народ, скорее это реагирование на определенную мировую этическую проблему, которая затрагивает большинство стран.

Гуманитарная экспертиза – это выражение профессионализма представителей разных наук, которые работают над поиском причин, породивших данные проблемы в смежных сферах (мировой экономики, политики, социологии, культуры, науки и т. д.), и стремятся к успешному их решению. Например, Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ)¹ сосредоточивает свое внимание на этических проблемах детей во всем мире, связанных с защитой их здоровья, безопасностью, гендерной дискриминацией, доступом к ресурсам и обучению и т. д. Исследуя проблему детской бедности в мире, эксперты организации выделяют общую тенденцию – нарушение принципа справедливости, которое следует из неравного распределения экономических средств в странах Европы и Центральной Азии [13]. Президент Совета Европы Шарль Мишель отмечает, что «<...> мы не должны повторять ошибок прошлого: чрезмерной эксплуатации наших природных ресурсов. Мы злоупотребили этими ресурсами и поставили нашу планету – и наше биоразнообразие – на грани гибели. Поэтому мы также не должны злоупотреблять данными – нашим новым ресурсом XXI в. Однако в последние годы мы стали свидетелями злоупотребления персональными данными – чрезмерным использованием данных компаниями в погоне за прибылью. Или государствами, как Китай, с целью контроля над своими гражданами. Мы должны разумно использовать наши новые цифровые ресурсы, чтобы защитить “среду” наших основных

¹ United Nations International Children’s Emergency Fund.

ценностей – демократии и индивидуальных свобод» [14]. Очевидно, что гуманитарная экспертиза строится на основе принципов общечеловеческих ценностей мирового сообщества для достижения гармонии сосуществования всех людей. Она направлена на нахождение истины для решения насущных социальных и культурных проблем. Другими словами, активное использование гуманитарной экспертизы, социальная консолидация и ориентация на этические регулятивы современного научного познания позволят мировому сообществу правильно распоряжаться результатами научно-технического прогресса в преодолении современных моральных дилемм.

Большой вклад в объяснение необходимости гуманитарной экспертизы внес этик Б. Г. Юдин. Его коллега А. А. Воронин в статье «Б. Г. Юдин о гуманитарной экспертизе и вызовы нейрореволюции» (2018 г.) постарался дать определение гуманитарной экспертизы: «Гуманитарная экспертиза (ГЭ) – принципиально междисциплинарная, гуманитарно ориентированная, компетентная, но в то же время учитывающая интересы потенциальных акторов, прогностическая, кодифицирующая ответственность, подсчитывающая потенциальные риски, систематическая исследовательская и консалтинговая деятельность специального сообщества экспертов и более широких кругов заинтересованных лиц» [15, с. 93].

Этическая экспертиза изначально создавалась для предотвращения злоупотреблений в экспериментальной медицине. Юдин писал: «Этическая экспертиза <...>, во-первых, проводится в рамках специально для этого создаваемой и существующей структуры – этического комитета и, во-вторых, имеет достаточно четко определенные цели. Этические комитеты существуют в каждом научном учреждении, проводящем биомедицинские исследования с участием человека или животных» [16].

Современная медицина во внепандемийный период ориентирована на индивидуальный подход в лечении пациентов. Этот сложный подход можно сравнить с экспериментом, поскольку он строится на применении огромного выбора новых лекарственных препаратов, малоосвоенных техник, технологий и оборудования. В связи с этим возникают новые биоэтические и биомедицинские проблемы, которые решаются на уровне государственных этических комитетов и комиссий. Например, в больницах и стационарах такие комиссии будут называться Локальные этические комиссии (ЛЭК). Они призваны решать проблемы коммуникации врача и пациента, разбирать неэтичное поведение врача или медперсонала и т. д. Конечно же, историческая традиция использования этической экспертизы остается в современной научной исследовательской практике. В научно-исследовательских институтах она применяется более активно, поскольку в этой области действуют международные стандарты, которые жестко регламентируют работу исследователя и следят за соблюдением прав испытуемых.

Международные медицинские организации ВОЗ, МВА и др. тоже используют этическую экспертизу для создания декларативных актов, которые перерабатываются в разных странах с учетом политических, экономических и социально-культурных особенностей. Например, массовая вакцинация – это вынужденный акт, который осуществляется правительствами разных стран в связи со сложившейся обстановкой, однако все понимают, что эта мера небезопасна. Никто не может предсказать ответ на вакцину организма отдельного человека, длительность действия иммунитета и пр. В связи с этим рекомендации медицинских общественных организаций, мероприятия по сдерживанию и локализации пандемии

коронавируса не являются официальным предписанием, а лишь требуют принятия ответственности каждого правительства за судьбу всех людей в мире и принятию тех мер, которые они посчитают наилучшими для своих граждан.

Этическая экспертиза используется для анализа биоэтических прикладных проблем, таких как аборт, эвтаназия, евгеника, клонирование и пр. в рамках внутреннего законодательства, культурных взглядов и традиций, социальных особенностей каждой страны. Для решения таких биоэтических проблем используют опыт и знания специалистов страны в необходимых сферах научной деятельности под руководством и надзором этического комитета при Министерстве здравоохранения. Результаты этической экспертизы всегда будут направлены на пользу конкретного общества, сообщества или группы людей.

Биомедицинские этические дилеммы можно условно разделить на две группы: к первым относятся проблемы, присущие любому историческому отрезку, поскольку они связаны с культурно-социальными аспектами жизни данного общества и на сегодняшний день их решение еще не найдено; вторые появились недавно и связаны с бурным темпом научно-технического прогресса.

К первому типу проблем можно отнести:

- Право человека на жизнь. Когда человек становится человеком? Аборты.
- Право человека на смерть. Эвтаназия. Суицид.

Ко второму типу проблем можно отнести:

- Репродуктивные технологии. Посмертные дети. Фетальная терапия. Стерилизация. Контрацепция.
- Клонирование. Генная инженерия. Расшифровка генома.
- Право человека на тело. Трансплантация.
- Нейроэтика. НЛП. Проблемы психиатрии. Наркомания и алкоголизм.

В связи с тем, что этические кодексы разных профессиональных групп были написаны по модели Клятвы Гиппократова, то и этические принципы, разработанные для медицины, лежащие в основе этической экспертизы, стали возможны для применения их при решении морально-этических дилемм в других профессиональных областях. Юдин так трактовал суть и назначение этой экспертизы: «Этическая экспертиза исследований защищает не только испытуемых, но и самих исследователей, поскольку позволяет им разделять бремя ответственности <...> По мере расширения практики биомедицинских исследований происходит совершенствование и усложнение деятельности субъектов экспертизы – этических комитетов. <...> Сама непрерывная эволюция практики этической экспертизы обусловлена тем, что эта практика порождает множество проблем, таких, как противоречия между независимостью и компетентностью членов этического комитета, нередкий формализм и т. п.» [16].

Конечно, в первую очередь этическая экспертиза необходима для деонтологических профессиональных направлений – для врачей, психологов, журналистов, спасателей, пожарных и т. д. Это те профессии, которые имеют антропологический характер и связаны с жизнью и благополучием человека. Нацеленность на человека дает право распоряжаться их жизнями и при этом требует от специалиста максимальной ответственности за каждый свой шаг. Такая ответственность должна регламентироваться нормативными актами и возможностью проверки с помощью экспертизы. Многофункциональность применения

этической экспертизы способствовала тому, что некоторыми биоэтиками была предложена идея переименовать ее в моральную экспертизу [17]. Однако в профессиональном сообществе эту идею не поддержали. Сейчас этическая экспертиза остается наиболее известной и востребованной технологией из трех, выше указанных, поскольку является инструментом решения внутренних профессионально-этических проблем не только на микроуровне локальных государственных институций, но и в международных общественных организациях. Подтверждение тому мы можем встретить на сайтах ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ и т. д. в разделе, посвященном работе этического комитета каждой из этих организаций. Профессиональное сообщество или общество разрабатывает необходимые для правильного функционирования свои внутренние этические нормы и правила.

Так, например, медицина как сложный многофункциональный организм использует этическую экспертизу для решения различных морально-этических конфликтов внутри рабочего коллектива и с внешним сторонним партнером или контрагентом. В основе решения любого конфликта профессиональных интересов лежит экспертная оценка нарушений моральных принципов, например: коллегиальности (нездоровая конкуренция, страх непрофессионализма, превалирование личных интересов над профессиональными и пр.), врачебной тайны и конфиденциальности (передача карты больного и разглашение диагноза третьим лицам), автономности личности (отсутствие информированного согласия при лечении), добровольности (намеренный обман или введение в заблуждение больного с предоставлением ему ненужных процедур или лекарств) и свободы принятия решения (отсутствие выбора услуг).

В процессе трудовой деятельности межличностные моральные дилеммы возникают из-за пересечения личностных нравственных установок, которые формируются человеком через воспитание, культуру, и гласных и негласных норм профессиональной среды, где он работает. Обычно нормы профессиональной этики становятся нормами, определяющими повседневную жизнь человека-профессионала. С помощью этической экспертизы экспертами или специалистами внутри самой организации может быть выработано наиболее справедливое решение в пользу самого уязвимого участника конфликта. Выбор между независимой командой экспертов и профессионалами, работающими на организацию, где произошел конфликт, остается в рамках доверия участников конфликта к собранной экспертной комиссии или комитету. Исходя из опыта работы локальных этических комиссий, можно с определенной долей уверенности говорить о выборе в пользу независимых членов комиссии. Подчиненное положение сотрудников или их заинтересованность в данной организации рано или поздно вынудит их принять решение в пользу администрации этого учреждения, в обход всех фактов и обстоятельств. Ставка на одного независимого эксперта не всегда оказывается верной, поскольку его независимость остается номинальной. Обычно он приглашается из-за своей лояльности к одной из заинтересованных сторон. Причиной таких действий может служить оправдание страха перед подрывом авторитета организации среди представителей профессионального сообщества.

Несмотря на то, что мнение эксперта может быть ошибочным, оно все же лучше, чем мнение неспециалиста, поскольку в нем вероятность ошибки будет меньше, а значит, и меньше погрешностей [18]. Например, руководители, чиновники или общество вынуждены полагаться на мнение экспертов, поскольку образование не позволяет оценить достоинство

доводов, представленных им экспертами. Отсутствие доверия к мнению экспертов приводит в этом случае к ошибочным решениям, некомпетентному руководству и многочисленным финансовым потерям. Руководитель без должного образования и компетенций вынужден окружить себя экспертами в данной области и полагаться на их знание и навыки. Необходимость в определенном количестве экспертов объясняется тем, что любая экспертиза основывается на специализации, поэтому эксперт в одном направлении будет дилетантом в другом. В каждой области есть свои авторитеты, которым доверяют эксперты, добровольно соглашаясь на статус неспециалиста. Данный акт демонстрируется цитированием авторитета при написании книг и журнальных статей. Действительно, эксперт не сможет быть себе авторитетом в принципах, на которые он опирается в собственных исследованиях. Заявление о своей компетентности, например, в физике и в ремонте автомобиля, в медицине и психологии, требует принятия ответственности за свои слова, в противном случае мнение такого эксперта будет подвергаться сомнению и проверке.

Эксперты должны соблюдать принцип коллегиальности, полагаясь на мнение других экспертов, чтобы можно было подтвердить чужим доказательством свои утверждения в своей узкой специализации. Умение прислушиваться к разным мнениям должно быть несомненным качеством эксперта. Даже специалисты должны полагаться на то, что им говорят другие эксперты в рамках своих собственных дисциплин. Некоторые исследования невозможно провести в одиночку или сделать выводы на основании учета одной стороны проблемы. Например, попытка измерить продолжительность жизни частицы кварка-с занимает около 300 человек/лет, для такого сложного процесса не найдется постоянного штата физиков с необходимым опытом для выполнения эксперимента [19]. Ни один физик не в состоянии измерить продолжительность жизни частицы кварка-с самостоятельно, не опираясь на исследования других ученых, его предшественников.

Этическая экспертиза может быть и методом, и технологией прикладной этики, в рамках которой все ее участники (добровольные и недобровольные) становятся моральными субъектами, и мотивы их поступков становятся объектами оценочного внимания других моральных субъектов. Потому выбор аксеологических подходов становится приоритетным актом взаимодействия между субъектами, помещенными в особые обстоятельства. В связи с этим утверждение А. Ю. Согомонова о нравственном плюрализме в этической экспертизе основательно. «В мире громадных различий, социальной и политической контрастности дискурсивность и консеквенциализм становятся доминантными этическими парадигмами. И в этической экспертизе в том числе. Достаточно даже беглого просмотра экспертно-гуманитарных текстов на любую тему, чтобы обнаружить, что главным нравственным стансом экспертов выступает анализ возможных гуманитарных последствий от тех или иных общественных инноваций. Чистый консеквенциализм. Однако хорошо известно, что практически все моральные теории, сформулированные в парадигме консеквенциализма, – релятивистские по сути своей и дают нам нравственные ориентиры лишь *ad hoc*. Что может считаться этически правомерным в одних случаях, не может считаться таковым в других. И это хорошо, как мне кажется, для этической экспертизы (ибо она идет от факта) и – вполне возможно – разрушительно для классической морали (ибо она отталкивается от императива)» [20, с. 36].

Плюрализм нравственных установок общества, профессиональных сообществ требует применения в этической экспертизе однозначного аксиологического подхода, который уста-

навливал бы четкую точку опоры для эксперта или группы экспертов, работающих над одним делом, и неспециалистов. Е. В. Беляева отмечает: «Сущность этической экспертизы отнюдь не сводится к бинарной оценке: добро – зло. Она призвана прояснить, на базе каких именно ценностей будет совершено то или иное социальное действие. Как известно, плюрализм нравственных установок современного общества представляет собой острейшую проблему» [21, с. 46]. Чисто теоретически это так, но в практическом применении должны быть четко разработанные рекомендации об этическом поведении эксперта в своей профессии. Отсутствие четко обозначенной линии поведения эксперта в проведении экспертизы дает повод для выбора неверной стратегии, появления эпистемического изъяна в отношении эксперта-неспециалиста, а также подрыва авторитета экспертного сообщества, которое имеет право по умолчанию выбрать любую позицию по отношению к неспециалисту или поменять ее в ходе экспертизы без объяснения своих действий.

А. А. Сычев пишет о необходимом диалоге: «В соответствии с разработанными стратегиями решения данной проблемы этическая экспертиза должна представлять собой диалог по обретению консенсуса, открытые процедуры рационального дискурса, направленные на прояснение нормативно-ценностных представлений участников, на осознание ими своих нравственных целей. Этическая экспертиза может осуществляться на различных теоретико-методологических основаниях» [22, с. 25]. При этом очевидно, что диалог неспециалиста и эксперта может вылиться в монолог последнего, поскольку неспециалист не обладает должным пониманием решения проблемы, чтобы подтвердить или опровергнуть представленные доводы. Обычно неспециалист преследует определенную цель – доказать любыми путями свою правоту, а не выяснить плюрализм точек зрения эксперта.

Заключение. На сегодняшний день создано три вида гуманитарных экспертиз. Самая востребованная из них этическая экспертиза, которая имеет многофункциональный характер, поскольку может использоваться в государственных биоэтических комитетах и комиссиях для анализа и решения насущных морально-этических проблем конкретного общества, а также – регулировать этическое поведение профессионала или профессионального сообщества. Гуманитарная экспертиза должна обеспечить максимально объективные критерии для решения этических задач, охватывающих «гуманитарную» деятельность человека. Эту экспертизу используют для анализа глобальных этических проблем мировые общественные организации.

Социогуманитарная экспертиза сформировалась недавно. Основной ее направленностью является управление наукой и научными учреждениями в решении социальных задач, как форма социального управления. Когда роль науки в жизни общества становится главенствующей, необходимо иметь такие технологии, с помощью которых можно будет контролировать незаконное использование научных достижений, выявлять неэтичное поведение ученых. Основная направленность этих технологий – контроль за противоправной деятельностью профессионалов, защита интересов и здоровья людей.

Все эти экспертизы призваны улучшить жизнь каждого человека, выявлять причины этических искажений, анализировать их и предоставлять лучший алгоритм выхода из кризисных состояний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дюркгейм Э. Правила социологического метода. URL: <https://www.rulit.me/books/metod-sociologii-read-104323-21.html> (дата обращения: 06.01.2021).

2. Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. URL: http://anthro-economicus.narod.ru/files/Moss_Present.pdf (дата обращения: 20.01.2021).
3. Вебер М. Основные социологические понятия. URL: https://bookscafe.net/read/veber_maks-osnovnye_sociologicheskie_ponyatiya-66052.html#p1 (дата обращения: 01.02.2021).
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е. Н. Егоровой, З. В. Кагановой, В. Г. Николаева, Е. Р. Черемиссиновой. М.: АСТ: Хранитель, 2006.
5. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002.
6. Петрунева Р. М., Васильева В. Д. О методологии комплексной социогуманитарной экспертизы инженерно-проектировочных решений // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. С. 65–70.
7. Социально-гуманитарная экспертиза функционирования национальных депозитариев биоматериалов / Е. В. Брызгалина, К. Ю. Аласания, В. А. Садовничий и др. // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 8–21.
8. Социогуманитарная экспертиза преступлений на почве ненависти / О. Н. Коршунова, А. Я. Винников, Н. М. Гиренко и др. СПб.: Норма, 2005.
9. Ашмарин И. И. Надпрофессиональные смыслы гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 4. С. 202–205.
10. Становление исследований по философской биоэтике в нашей стране // Институт философии РАН. URL: <https://iphras.ru/page24514316.htm> (дата обращения: 27.02.2021).
11. Международный комитет по биоэтике // ЮНЕСКО. URL: <https://ru.unesco.org/themes/etika-nauki-i-tehniki/ibc> (дата обращения: 15.06.2021).
12. Всемирная комиссия по этике научных знаний и технологий // ЮНЕСКО. URL: <https://en.unesco.org/themes/ethics-science-and-technology/comest> (дата обращения: 15.06.2021).
13. Ликвидация детской бедности // ЮНИСЕФ. URL: <https://www.unicef.org/eca/ru> (дата обращения: 15.06.2021).
14. Digital sovereignty is central to European strategic autonomy – Speech by President Charles Michel at “Masters of digital 2021” online event // European Council of the European Union. 2021. 3 Feb. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/02/03/speech-by-president-charles-michel-at-the-digitaleurope-masters-of-digital-online-event/> (дата обращения: 15.06.2021).
15. Воронин А. А. Б. Г. Юдин о гуманитарной экспертизе и вызовы нейрореволюции // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 91–102. DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2018.3.8>.
16. Юдин Б. Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / под ред. В. А. Лукова. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. С. 214–237.
17. Hardwig J. R. The Role of Trust in Knowledge // J. of Philosophy. 1991. Vol. 88, no. 12. P. 693–708. DOI: <https://doi.org/10.2307/2027007>.
18. Hardwig J. R. Toward an Ethics of Expertise // Professional Ethics and Social Responsibility / ed. by D. E. Wueste. Lanham: Rowman & Littlefield, 1994. P. 83–101.
19. Согомонов А. Ю. Два вектора этической экспертизы в современном мире // Прикладная этика: экспертный потенциал: сб. ст. / под ред. В. И. Бакштановского, В. В. Новоселова. Вып. 41. Тюмень: ТюмГУ, 2012. С. 30–39.
20. Белова Е. А. Экологический мониторинг, контроль и экспертиза. Гродно: ГрГУ, 2008.
21. Беляева Е. В. Экологическая и этическая экспертиза социального объекта // Прикладная этика: экспертный потенциал: сб. ст. / под ред. В. И. Бакштановского, В. В. Новоселова. Вып. 41. Тюмень: ТюмГУ, 2012. С. 40–52.
22. Сычев А. А. Экспертиза: моральная или этическая? // Ведомости прикладной этики. 2012. № 41. С. 14–29.

Информация об авторе.

Ковалева Татьяна Викторовна – кандидат философских наук (2007), доцент кафедры этики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: экспертология, биоэтика, биомедицинская этика, философия биологии, метаэтика. E-mail: trandafir@yandex.ru

REFERENCES

1. Durkheim, E., *Pravila sotsiologicheskogo metoda* [The rules of the sociological method], available at: <https://www.rulit.me/books/metod-sociologii-read-104323-21.html> (accessed 06.01.2021).
2. Mauss, M., "Essay on the gift. Form and basis of exchange in archaic societies", *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii* [Societies. Exchange. Personality. Works on Social Anthropology], available at: http://anthro-economicus.narod.ru/files/Moss_Present.pdf (accessed 20.01.2021).
3. Weber, M., *Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya* [Basic sociological concepts], available at: https://booksafe.net/read/weber_maks-osnovnye_sociologicheskie_ponyatiya-66052.html#p1 (accessed 01.02.2021).
4. Merton, R. (2006), *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure], Transl. by Egorova, E.N., Kaganova, Z.V., Nikolaev, V.G. and Cheremissinova, E.R., AST: Khranitel', Moscow, RUS.
5. Ritzer, G. (2002), *Sovremennye sotsiologicheskie teorii* [Modern Sociological Theories], 5th ed., Piter, SPb., RUS.
6. Petruneva, R.M. and Vasilieva, V.D. (2010), "On Methodology of Complex Social and Humanitarian Expert Examination of Engineering and Designing Decisions", *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 65–70.
7. Bryzgalina, E.V., Alasaniya, K.Yu., Sadovnichii, V.A. et al. (2016), "The Social and Humanitarian Expertise of Functioning of the National Depositories of Biomaterials", *Voprosy Filosofii*, no. 2, pp. 8–21.
8. Korshunova, O.N., Vinnikov, A.Ya., Girenko, N.M. et al. (2005), *Sotsiogumanitarnaya ekspertiza prestuplenii na pochve nenavisti* [Socio-humanitarian examination of hate crimes], Norma, SPb., RUS.
9. Ashmarin, I.I. (2006), "The supra-professional meanings of humanitarian expertise", *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 202–205.
10. "Formation of research on philosophical bioethics in our country", *Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences*, available at: <https://iphras.ru/page24514316.htm> (accessed 27.02.2021).
11. "International Bioethics Committee", *UNESCO*, available at: <https://ru.unesco.org/themes/etika-nauki-i-tehniki/ibc> (accessed 15.06.2021).
12. "World Commission on the Ethics of Scientific Knowledge and Technology", *UNESCO*, available at: <https://en.unesco.org/themes/ethics-science-and-technology/comest> (accessed 15.06.2021).
13. "Ending child poverty", *UNICEF*, available at: <https://www.un.org/ru/ethics/> (accessed 15.06.2021).
14. "Digital sovereignty is central to European strategic autonomy – Speech by President Charles Michel at "Masters of digital 2021" online event" (2021), *European Council of the European Union*, 3 Feb., available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/02/03/speech-by-president-charles-michel-at-the-digitaleurope-masters-of-digital-online-event/> (accessed 15.06.2021).
15. Voronin, A.A. (2018), "B.G. Yudin about humanitarian expertise and the challenges of neurorevolution", *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 91–102. DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2018.3.8>.
16. Yudin, B.G. (2006), "From ethical expertise to humanitarian expertise", *Gumanitarnoe znanie: tendentsii razvitiya v XXI veke. V chest' 70-letiya Igorya Mikhailovicha Il'inskogo* [Humanitarian

knowledge: development trends in the XXI century. In honor of the 70th birthday of Igor Mikhailovich Ilyinsky], in Lukov, V.A. (ed.), *Izd-vo Nats. instituta biznesa*, Moscow, RUS, pp. 214–237.

17. Hardwig, J.R. (1991), "The Role of Trust in Knowledge", *Journal of Philosophy*, vol. 88, no. 12, pp. 693–708. DOI: <https://doi.org/10.2307/2027007>.

18. Hardwig, J.R. (1994), "Toward an Ethics of Expertise", *Professional Ethics and Social Responsibility*, in Wueste, D.E. (ed.), Rowman & Littlefield, Lanham, USA, pp. 83–101.

19. Sogomonov, A.Yu. (2012), "Two vectors of ethical examination in the modern world", *Prikladnaya etika: ekspertnyi potentsial* [Applied ethics: expert potential], in Bakshtanovskii, V.I. and Novoselov, V.V. (eds.), iss. 41, UTMN, Tyumen, RUS, pp. 30–39.

20. Belova, E.A. (2008), *Ekologicheskii monitoring, kontrol' i ekspertiza* [Environmental monitoring, control and expertise], YKSUG, Grodno, Belarus.

21. Belyaeva, E.V. (2012), "Environmental and ethical examination of a social object", *Prikladnaya etika: ekspertnyi potentsial* [Applied ethics: expert potential], in Bakshtanovskii, V.I. and Novoselov, V.V. (eds.), iss. 41, UTMN, Tyumen, RUS, pp. 40–52.

22. Sychev, A.A. (2012), "Expertise: Moral or Ethical?", *Vedomosti prikladnoi etiki* [Applied Ethics News], no. 41, pp. 14–29.

Information about the author.

Tatiana V. Kovaleva – Can. Sci. (Philosophy) (2007), Associate Professor at the Department of Ethics, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: moral expertology, bioethics, biomedical ethics, philosophy of biology, metaethics. E-mail: trandafir@yandex.ru

Меланхолия и кризисное мировосприятие как ситуация человека «в своем времени» в первой трети XX в.

Д. В. Андреев✉

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*

✉postpostmetameta@yandex.ru

Введение. Оформление модерна в первой трети XX в. связано с частным мироощущением человека этой эпохи, и главной метафорой индивидуального ощущения «своего времени» является меланхолия. Кризисный характер данного исторического периода формирует призму меланхолического мировоззрения. Целью данной работы является обоснование причин восприятия меланхолии как феномена, отчасти вызванного проблемой индивидуального переживания времени. Взаимосвязь меланхолии и модерна уже отмечалась в литературе, данный же текст ставит новый вопрос: каков темпоральный характер этого взаимовлияния?

Методология и источники. Ключевую роль в трактовке понятия меланхолии играют тексты авторов начала XX в.: В. Беньямина, посвященные Ш. Бодлеру, и работа З. Фрейда «Скорбь и меланхолия». Вопрос темпоральности в работе интерпретируется через референс к феноменологической традиции, а именно в отсылке к современному феноменологическому анализу депрессивного расстройства в работе Д. Сика.

Результаты и обсуждение. Автор приходит к выводу, что ощущение взаимосвязи меланхолии и эпохи крайне характерно для человека первой трети XX в., свидетельства чему можно найти в философско-культурной рефлексии этого периода. Кризисное мировосприятие нашло отражение в литературе, живописи, кинематографе, философии, социальной теории и т. д. Таким образом, возможно представление меланхолии как феномена, отчасти вызванного проблемой индивидуального переживания времени. Меланхолия возникает, если кризисное мировосприятие дополняется переживанием циклической темпоральности, исчезновением будущего, озабоченностью прошлым, пассивностью или изоляцией.

Заключение. Если эти элементы объединяются в совокупность, формируется тотальное мироощущение, в котором события реального мира усиливают меланхолию. В этом смысле, с феноменологической точки зрения, меланхолия – это не столько состояние, сколько динамический процесс.

Ключевые слова: меланхолия, модерн, модернизм, современность, темпоральность, мировосприятие, феноменология.

Для цитирования: Андреев Д. В. Меланхолия и кризисное мировосприятие как ситуация человека «в своем времени» в первой трети XX в. // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 4. С. 33–44. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-33-44

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 19-18-00342 «Человек в своем времени: проблематизация темпоральности в европейском интеллектуальном пространстве первой трети XX века»).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 17.05.2021; принята после рецензирования 18.06.2021; опубликована онлайн 24.09.2021

Melancholy and Crisis Worldview as the Situation of Man “In His Time” in the First Third of the XX Century

Dmitrii V. Andreenko✉

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

✉postpostmetameta@yandex.ru

Introduction. Shaping modernity in the first third of the twentieth century is tied to the private worldview of the person of this era in which the main metaphor of the individual perception of “their time” is melancholy. The crisis of this historical period forms the prism of melancholic worldview. The goal of this article is to substantiate the reasons for the perception of melancholy as a phenomenon caused in part by the problem of individual experience of time. The relationship between melancholy and modernity has already been noted in the literature, but this text raises a new question – what is the temporal nature of this mutual influence?

Methodology and sources. A key role in the understanding of melancholy is played by the texts of authors of the early 20th century: Walter Benjamin, devoted to Charles Baudelaire and the work of Sigmund Freud “Mourning and Melancholy”. The issue of temporality in the work is interpreted through the reference to the phenomenological tradition, namely in reference to the modern phenomenological analysis of depressive disorder in the work of Domonkos Sik.

Results and discussion. The author comes to the conclusion that the feeling of the interrelation of melancholy and the epoch is extremely specific for a person of the first third of the 20th century, evidence of which could be found in the philosophical and cultural reflection of this period. Crisis worldview is reflected in literature, painting, cinema, philosophy, social theory, etc. Thus, it is possible to represent melancholy as a phenomenon, partly caused by the problem of individual experience of time. Melancholy occurs when a crisis worldview is supplemented by an experience of circular temporality, the disappearance of the future, preoccupation with the past, passivity, or isolation.

Conclusion. If these elements come together, a total worldview is formed in which real world events intensify melancholy. In this sense, phenomenologically speaking, melancholy is not so much a state as a dynamic process.

Key words: melancholy, modern, modernism, modernity, temporality, worldview, phenomenology.

For citation: Andreenko D. V. Melancholy and Crisis Worldview as the Situation of Man “In His Time” in the First Third of the XX Century. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 4, pp. 33–44. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-33-44 (Russia).

Source of financing: The work was supported by a grant of Russian Science Foundation (project No. 19-18-00342 “Man in his time: problematization of temporality in the European intellectual space of the first third of the XX century”).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 17.05.2021; adopted after review 18.06.2021; published online 24.09.2021

Введение. В интерпретации интеллектуальной традиции XX в. западноевропейская культура породила множество ярлыков для описания начала столетия. Это время было охарактеризовано сменой нескольких ярких эпох, названия которых стали клише: *ревущие двадцатые* (Roaring Twenties), *век джаза* (Jazz Age), *золотые двадцатые* (Goldene

Zwanziger). На этот же период выпали Первая мировая война, революции, пандемии испанки и черной оспы. В это же время совершается огромное число важных научных открытий, технологических изобретений и рождаются новые направления в искусстве. В социальной, политической, экономической сферах оформляются тенденции, которые определяют состояние цивилизации на последующие годы: глобализация, урбанизация, эмансипация, но также – усиление контроля в широком смысле и укрепление дисциплинарных институтов. Тотализирующим процессом для наступившего столетия становится модернизация, или, другими словами, оформление современности. Как писал К. Маркс несколькими десятилетиями ранее, «все твердое исчезает в воздухе» [1, с. 46].

Совокупность конкретных преобразований материального мира и повседневной жизни отразилась на частном мироощущении человека этой эпохи, став особым опытом временного переживания, поскольку новые практики современности существенно изменили и ощущение «своего времени». В качестве примера такой трансформации можно рассматривать то, как временная стандартизация изменила восприятие людьми своего тела и повседневной эмоциональной жизни: транспорт, движущийся по расписанию, определяет маршруты и планы горожан; карманные и цеховые часы рабочих отмеряют трудовые смены на заводе; будильник и уличное освещение помогают проснуться или уснуть – всего этого не было до «современности». Утопические проекты новой эпохи (технические, философские, социальные) поставили человека начала XX в. в неустойчивое положение, поскольку под их влиянием привычное прошлым поколениям восприятие времени начало непредсказуемо меняться.

Все это инициировало трансформацию меланхолии как культурного явления [2, р. 31]. Понятие и до того существовавшее в культуре, именно в эту эпоху формирует связь с вопросами темпоральности, поскольку время обрело значимость в жизни человека расцвета модерна. Цель данной статьи – обосновать причины, по которым меланхолия репрезентируется в культурно-философской рефлексии начала XX в. как феномен, вызванный проблемой индивидуального переживания времени. Таким образом, научная новизна обусловлена акцентом на опыте феноменологического анализа в контексте избранного исторического периода – первой трети XX в.

Методология и источники. В начале статьи описана генеалогия концепта меланхолии. Этот шаг необходим для разрешения терминологической проблемы, поскольку в разные времена меланхолией назывались разные состояния. Затем анализируются репрезентации меланхолии в культуре первой трети XX в. В заключительной части работы приводится феноменологический анализ меланхолического мировосприятия с выделением в качестве его структурного элемента изменения в ощущении темпоральности.

Но как определяются границы понятия? Несмотря на то, что в истории понятия «меланхолия» было несколько парадигмальных изменений, процесс накопления теорий устроен так, что новое понимание не отменяет прежнего, как если бы это были теории взаимно отрицающие друг друга, а наслаивается на старое. Это создавало ситуации, в которых противоречащие друг другу теории и концепты существовали одновременно [2, р. 33].

Поскольку с началом XX в. меланхолия получила осмысление как ментальное расстройство, благодаря трудам Э. Крепелина в психиатрии и З. Фрейда в психоанализе, мы предлагаем использовать данную оптику и обратиться к принципу, заложенному в сетевом

методе анализа ментальных расстройств, описанном Д. Борсбумом и А. Крэмер [3, р. 93]. Согласно этой методологии ментальное расстройство отлично от телесного заболевания по нескольким ключевым признакам: у него нет четко определенной причинности (как она может быть в вирусе, вызывающем болезнь), а также нет общей конвенции диагностики (нет главенствующей методологии диагностики расстройства).

На наш взгляд, данная методология позволяет переосмыслить саму идею границ. Описывая меланхолию, мы обычно перечисляем ее симптомы или признаки, которые аналитически связаны друг с другом. Понятие не имеет четко очерченной причинности, а диагностика строится на выявлении свидетельств. Таким образом, набор признаков формирует сеть, состоящую из узлов – симптомов и связей между ними [3, р. 96]. Меланхолия – это именно кластер симптомов, объединенных общими характеристиками, которые определены культурными и медицинскими представлениями эпохи. Чем больше признаков, охарактеризованных как «меланхолические», мы находим в источниках интересующей нас эпохи, тем более полным становится концептуализация меланхолии в конкретный исторический период.

Отталкиваясь от данного предположения, мы выделили ряд работ, подчеркнута меланхолических, что определено авторами или позднейшими комментаторами. Следовательно, нашим критерием отбора является интерес автора начала XX в. к теме связи меланхолии и времени.

Генеалогия меланхолии. В античной традиции меланхолия рассматривалась как физиологическая проблема. Было распространено представление о том, что в теле человека текут четыре основные жидкости (гуморы): кровь, флегма/слизь, желтая желчь и черная желчь. Меланхолия возникает из-за накопления черной желчи в организме [4, р. 144]. Отсюда происходит и само слово: в переводе с древнегреческого «меланхолия» означает «черная желчь» (*melas* – черный, *kholé* – желчь). Черная желчь описывается как холодная и сухая. Меланхолия ассоциируется с черной желчью из-за сходства темного настроения, возможного потемнения цвета кожи и темных дымных испарений от черной желчи. Параллельно существовали представления о том, что избыток черной желчи наравне со склонностью к печали и размышлениям о неблагоприятных вещах также вызывает геморрой, дизентерию и кожные высыпания [Там же]. Как видим, меланхолия относилась к широкому кругу медицинских расстройств.

В Средние века и эпоху Возрождения меланхолия получила космологическое толкование: люди связывали количество черной желчи в организме с астрологическими движениями планеты Сатурн [Там же]. Общее между влиянием Сатурна и меланхолией представлялось в том, что они вызывали холод и сухость [Там же], обладали летаргическим и галлюцинаторным эффектами. Эти силы изображаются двойственными и неоднозначными, поскольку, с одной стороны, ведут к страху, одиночеству и унынию, а с другой – располагают к творчеству. По сродству с другими темными, холодными и сухими элементами меланхолик идентифицировался с природным феноменом. В таком понимании меланхолия охватывала разрозненные сущности не из-за общих причин, а из-за общего набора качеств. Заметим, что различие, существовавшее между меланхоликом как именем нарицательным и меланхолией как расстройством или настроением, создало пространство, ставшее необходимым для появления связки «меланхолия – гениальность» [2, р. 35]. Ассоциация

меланхолии с гениальностью оформилась во влиятельную общекультурную идею западно-европейской истории, которая позже доминировала в ней вплоть до романтического периода в культуре [4, p. 144].

В XIX в. меланхолия получила психологическую интерпретацию: она означала что-то вроде «нервного срыва», оставаясь неясным термином, охватывающим целый ряд состояний, при которых угнетенная эмоциональность не считалась определяющим симптомом [4, p. 145]. Подразумевались общие состояния и расстройства, проявляющиеся не только в виде депрессивных, но и возбужденных, галлюцинаторных, параноидальных и даже безумных состояний. К началу XIX в. гуморальная теория, т. е. представление о четырех важных жидкостях в теле человека, становится все более несовместимой с формирующимся научным способом понимания мира и, следовательно, теряет свое видное место в медицинских объяснениях [Там же].

Две основные фигуры в осмыслении меланхолии начала XX в. – это Эмиль Крепелин и Зигмунд Фрейд. Крепелин использовал биомедицинский подход. Он предложил категории психических заболеваний, состоящие из групп симптомов и прогрессии расстройств. Классифицируя синдромы и составляя кластеры психических заболеваний, основанных на этих синдромах, он установил нормативы для современной психиатрии и показал несостоятельность старых классификационных методов [5, p. 142]. Биомедицинское развитие психиатрии сегодня поместило меланхолию в психиатрический классификатор; она соотносится с большим депрессивным расстройством как подтип [4, p. 147].

Психоаналитическая концепция депрессии Фрейда более повлияла на феноменологическое понимание меланхолии [5, p. 142]. В эссе Фрейда «Скорбь и меланхолия» меланхолия определяется как ответ на утраты из детства, включающие подавленный гнев, направленный против себя. В отличие от нее, скорбь – это естественное переживание в ответ, например, на потерю любимого человека, не требующий клинического вмешательства. В этом смысле скорбь была печалью с определенной причиной. В то время как меланхолия – это беспричинное переживание, хотя симптомы ее сходны со скорбью. Оба состояния основываются на психодинамических процессах, один из которых был сознательным, а другой – бессознательным. Меланхолик не осознает, что проецирует гнев на ранее любимый объект. Это может быть потеря любимого человека или любимой вещи, такой как страна, свобода, идеал и т. д. Она нередко проявляется в отвращении к самому себе с вытекающими отсюда симптомами печали, отсутствия удовольствия и энергии, а также ухода от внешнего мира. Согласно Фрейду оба состояния были сосредоточены на утрате, но природа этой утраты была совершенно различной [5, p. 144].

Отметим, что именно в начале XX в. можно наблюдать разделение между натуралистическим и экзистенциалистским пониманием меланхолии. Если биомедицинский подход развивал психиатрическую диагностику состояний сознания и тела, то для психологически-культурологического анализа важнее чувства индивида, его ощущения и мысли – чувство времени, в частности.

Утрата «своего времени». Состояние меланхолии внедрилось в структуру субъективного именно в переходное время между эпохами. Синонимами меланхолии в социальных теориях расцвета модерна являются такие понятия, как «отчуждение» (Маркс), «аномия» (Дюркгейм), «потеря смысла» (Вебер). Она определяется через процессы, события и

восприятие людей, как особая идея интериоризации мира через острые внутренние вопросы [6, p. 19]. Возникшая феноменология связывает мироощущение отдельного человека с окружающим его миром. Меланхолия модерна трактуется В. Беньямином как особый феномен, в котором на первый план выходят субъективные переживания человека по отношению к логике истории. История становится предметом меланхолической утраты, следовательно, исчезает объект знания. Вместе с тем пропадает интенциональность субъекта по отношению к объекту: он не видит своего объекта и потому не может обратить свое сознание на него. Таким образом, переживания меланхолика обусловлены самой эпохой – временем радикальных перемен в мире.

Изменение ощущения окружающей реальности неизбежно влияло на творчество авторов этой эпохи – писателей, художников, музыкантов и т. д. и легко просматривается. К примеру, яркими эмблемами наступающей меланхолической современности мы можем назвать две картины начала XX в.: «Крик» Э. Мунка и «Angelus Novus» П. Клее.

«Крик» часто интерпретируют как предвосхищение модернистской эпохи. Написанную в 1893 г. картину можно истолковать как выражение агонии уничтожения человеческой личности некой персонифицированной силой [7]. Целое десятилетие на стыке веков отразилось в одинокой фигуре, в темной палитре, в слившихся текучих облаках. «Крик» не дает однозначного ответа на вопрос, чем вызвано это переживание. Это может быть как переживание прошлого, так и фрустрация перед наступающим будущим, ускоряющимся и расширяющимся во всех направлениях одновременно. Фигура застряла в безвременье, не в силах завершить и пережить конфликты и сложности еще недавнего настоящего, но в то же время не имеет возможности проецировать себя в будущее, потому что будущее неясно, неизвестно и потому безнадежно. Мунк считал, что люди – «всего лишь молчаливые пешки, которым дана только одна заповедь: преодолеть слепую игру жизни» [8]. В данном случае под «слепой игрой жизни» можно понимать именно сложно угадываемые и часто разрушительные изменения, заложенные в самой структуре модерна.

Чаще всего образы Мунка описываются в терминах «нервного кризиса» или «депрессии». Проявлением болезненного мироощущения Мунка было периодическое появление мотивов, связанных со смертью и с отношениями между полами. Отражение этого можно проследить в целой серии его полотен под общим названием «Фриз жизни», созданной на стыке веков. Цикл, куда входит и «Крик», посвящен различным аспектам человеческого бытия. В нем мы можем заметить общую меланхоличность сюжетов и образов: это атмосфера глубокой угрозы; отсутствие четко установленных границ между формами, пространствами и цветами; схематичное изображение человеческих фигур или лиц [9, p. 577].

Другой метафорой модерна стала картина Пауля Клее «Angelus Novus». Своей известностью она во многом обязана также Вальтеру Беньямину, который описывает ее следующим образом: «Двуглавый ангел, одна голова которого обращена в прошлое, а другая – в будущее. Ангел хотел бы остаться в настоящем, пробудить мертвых и восстановить то, что было разрушено. Но из Рая грядет буря, которая с такой силой сносит его крылья, что ангел уже не может их закрыть. Эта буря уносит его в будущее, к которому он повернулся спиной, в то время как груды обломков перед ним только растут». Эта буря, по мнению Беньямина, и есть то, что мы называем прогрессом [6, p. 24].

С одной стороны, ангел, обращенный головой к будущему, указывает на быстрый прогресс и акт устремленности мирового движения к будущему. С другой стороны, этот ангел изображен таким образом, что в своем движении он не может ясно видеть будущее. В то же время взгляд, обращенный в прошлое, никогда не отрывается от того, что остается там. Это врожденное противоречие и можно проинтерпретировать как диалектику европейского модерна, поскольку идея прогресса здесь не уравнивается идеей рецессии, вызванной тяжестью традиций и происходящими катастрофами [6, р. 24].

Вальтер Беньямин рассматривал меланхолию как историческую проблему, связанную с опытом современности. По его мнению, меланхолия – это не личная проблема, требующая лечения или катарсиса. Утрата, по его мнению, не является чем-то, что можно пережить и оставить позади себя. Беньямин связывает меланхолию с серьезными внутренними противоречиями общества в целом, в котором идеи постоянно расходятся, а расколы продолжают углубляться [6, р. 30]. Меланхолия стала для человека модерна средством выражения нового ощущения прогресса [6, р. 23]. Беньямина особенно увлекали тексты Бодлера, в которых показан современный городской житель, новый субъект эпохи модерна. Отметим, что сочетание «Беньямин – Бодлер – модерн» во многом сформировало культурно-интеллектуальную рефлексию и историю самой идеи модерна и человека в нем. Бодлер, по мнению Беньямина, первым крайне точно описал слияние личности с городом и в то же время отчуждение от него [2, р. 65]. Героем нового времени в произведениях Бодлера становится городской фланер – человек, блуждающий по городу, наслаждающийся новым пространством и в то же время отчужденный от любых социальных взаимодействий. Фланерство предполагает форму созерцания городской жизни, вплетенную в ритм пространства, однако неотъемлемо связанную с отстраненностью от происходящего. Появляется этот образ именно с приходом модерна, поскольку новая развивающаяся среда способствовала зарождению индивидуалистического самосознания.

Меланхоличность начала XX в. ярко проявилась в творчестве сразу нескольких шведских писателей. Фланерство отражено в творчестве Яльмара Седерберга, одного из ключевых писателей Швеции начала XX в. Он активно использовал образ Стокгольма и городской жизни в своих произведениях. Его город богемный и тоскующий. В его сюжетах можно найти пересечения с Достоевским, при том, что в них не осталось места для религиозной темы. На экзистенциальные вопросы пытался ответить Пер Лагерквист, лауреат Нобелевской премии по литературе. Он затрагивал в своих текстах вопросы религиозные, этические и социальные. Можно сказать, что Лагерквист использовал модернистские приемы, видоизменяя языковые средства и сам язык, чтобы создать новую метафорику. Меланхоличность же проявлялась у него в том, что его образы взяты не из сферы красивого, гармоничного, а из сферы страшного, болезненного, уродливого.

Вслед за Беньямином Маршалл Берман также считал, что Бодлер более чем кто-либо помог людям своего времени осознать себя представителями модерна [1, с. 168]. Кроме того, Берман выделяет группу первых, по его мнению, авторов модернистской эпохи: Гете, Гегель, Маркс, Стендаль, Бодлер, Карлейль, Диккенс, Герцен и Достоевский. В его понимании это те люди, которые почувствовали дуализм наступающей эпохи, глубокое единство личности и среды в их противоречии. Их образы богаты и глубоки, среда в их произведениях так же важна, как и мысли героев, не потому, что это важно для художественной

поэтики, а потому, что в новое время человек не может быть отделен от окружающего его мира [1, с. 168].

Совершенно иное, болезненное изменение в восприятии мира и времени особенно ярко проявлялось в творчестве писателей межвоенного, или потерянного, поколения. Термин «потерянное поколение» относится к поколению людей, достигших совершеннолетия во время или сразу после Первой мировой войны. Став свидетелями того, что они считали бессмысленной смертью в массовых масштабах во время войны, представители этого поколения отвергли традиционные представления о «правильном» поведении, морали и фиксированных гендерных ролях. Они стали «потерянными» из-за своей склонности действовать бесцельно, даже безрассудно, нередко сосредотачиваясь на гедонистическом накоплении личного богатства. Потерянность можно охарактеризовать как дезориентированность, бесцельность существования – эти чувства преследовали многих выживших после одной из самых ужасных войн в современной истории. В более глубоком смысле потерянное поколение было «потеряно», потому что оно считало консервативные моральные и социальные ценности своих родителей неуместными в послевоенном мире. В литературе этот термин относится к группе американских авторов, среди которых Э. Хемингуэй, Г. Стайн, Ф. С. Фицджеральд и Т. С. Элиот, чьи тексты подробно описывали внутреннюю борьбу людей этого поколения.

Еще один автор, в чьем творчестве ярко проявилась травма пережитого опыта – Отто Дикс – художник и фронтовик Первой мировой войны. Большая часть творчества Дикса связана с реакциями на пережитое им во время войны [10, р. 29]. Его образы – это люди, неспособные или не желающие мириться с ужасами войны. Заметим, что травма, нанесенная войной, в значительной степени оказала влияние именно на темпоральное восприятие мира – это проявилось в разочаровании прошлым и неспособности проецировать будущее.

Можно принять, что меланхолия включает в себя не сугубо личное переживание, а социально обусловленное, которое имманентно связано с внешним миром, со временем, с другими людьми, а также с собственным телом и чувствами в силу непреодолимых барьеров физического окружения, ограничений, установленных другими. В переживании меланхолии и физического заболевания есть общий элемент, поскольку в обоих случаях структура существования трансформируется: мир теряет свою пластичность, «другие» становятся недоступными, а «я» теряет свою способность быть агентом, т. е. способность действия [11, р. 97]. Однако если в случае заболевания такие трансформации считаются временными, то в случае меланхолии они воспринимаются как постоянные. Можно согласиться с Мерло-Понти в том, что с феноменологической точки зрения материальный мир, «другие» и «я» вместе составляют переплетающийся континуум [12, р. 47]. Это означает, что любое изменение нашего отношения к миру проявляется на всех этих уровнях. Это наиболее очевидно в случае болезни: не только наше тело, но и весь окружающий нас мир превращается из комфортной среды в обременительную совокупность травмирующих явлений [13, р. 45]. Соответственно меланхолия – это кризис самой экзистенциальной структуры [14].

Д. Сик пишет, что ощущение неизменности мира возникает от искажения, характерного для меланхолии, когда кажется, что все вокруг застыло вне темпорального движения. Меланхолик теряет доступ к горизонту как будущего (выраженного безнадежностью), так и прошлого (выраженного потерей). Темпоральные структуры жизненного мира играют

фундаментальную роль в осмыслении мира: неспособность поместить события во временную шкалу делает невозможным мышление в терминах причин и следствий, т. е. человек оказывается неспособен придавать смысл миру путем построения последовательных нарративов. Вчера все было понятно как день, сегодня стало совершенно неясным, новым, бессмысленным. Литература и искусство раскрывают несколько различных типов подобного рода потрясений, включая замедление или замораживание времени, параллельное течение времени или его уничтожение близостью смерти [11, p. 176]. Хотя эти переживания индивидуальны, они выражают общий опыт потери контроля над временем, опрокидывая баланс линейных и циклических измерений времени [15].

Переживание меланхолии характеризуется преобладанием циклического времени: если линейное время становится недоступным, мир больше не кажется изменчивым [11, p. 185]. Поскольку ни одно явление не может быть воспринято как исключительное, время течет недифференцированно и порождает опыт постоянства. Из этого следует, что меланхолия выражается в неспособности различать релевантные и нерелевантные элементы жизненного опыта, вследствие чего человек теряет чувство структурированности времени [16].

Меланхолия оказывается также связана с искажениями темпоральности, связанными с проекциями в будущее, такими, как желание или надежда. Они становятся невозможными, потому что пропадает ощущение линейности времени [Там же]. Культура эпохи модерна характеризуется не только отсутствием доверия к миру как месту потенциального улучшения, но и деморализацией, включая потерю личного будущего, стремления к конкретным целям и общий опыт неспособности надеяться [11, p. 125].

Помимо неспособности проектирования будущего меланхоличному мировосприятию свойственно состояние депривации. Безнадежность включает в себя элемент утраты, т. е. отсылку к качеству, которое раньше характеризовало мир, но больше этого не делает. Утрата значимого объекта, символического или материального, приводит к тому, что можно метафорически назвать «неполной смертью»: мир, каким он был раньше, частично разрушается этой утратой, делая жизнь, связанную с потерянным объектом, переживаемой как фундаментально неизменной. Этим можно объяснить возникновение суицидальных мыслей как попыток завершения незавершенной смерти: будущее характеризуется не только отсутствием обнадеживающих событий, но и невозможностью надежды как таковой [11, p. 116].

Разрушение горизонта будущего влияет и на отношение к прошлому. Отсутствие перспектив для продвижения вперед делает последствия прошлых деяний окончательными. Если ошибки прошлого невозможно исправить, то свобода становится ловушкой: переживания преследуют человека, что приводит к чувству экзистенциальной вины. В отличие от обычного чувства вины за какое-то действие, экзистенциальная вина – это общее состояние, которое перестраивает отношение человека к самому себе и к другим [11, p. 133]. Если ошибки считать непоправимыми, то чувство утраты мешает отождествлению с собственным прошлым, а это, в свою очередь, не позволяет ощущать жизнь как связное повествование. Поэтому экзистенциальная вина постепенно вторгается в мысли меланхолика, и без шанса на спасение в будущем она становится единственным источником его озабоченности [11, p. 194].

Можно сделать вывод о том, что, когда циклическое время наполняется повторяющимся навязчивым содержанием, экзистенциальная вина способствует воспроизводству кризисного мировосприятия. В этом смысле экзистенциальное чувство вины входит в обременительный, неизменный, безнадежный мир, что в совокупности держит меланхоликов в постоянном стрессе. Вследствие переживания неразрешимых утрат, чувства вины и безнадежности у человека постепенно пропадает способность принимать решения. Это вызвано тем, что свобода никогда не переживается как особое чувство, но как состояние мира, позволяющее человеку реализовать свой потенциал. В случае меланхолии этот горизонт сменяется таким, в котором любые действия представляются совершенно бесполезными. Различные формы утраты свободы воли могут включать потерю целей, отсутствие мотивации, общее чувство бессмысленности или полную пассивность и безразличие [11, p. 170].

Результаты и обсуждение. Рассмотрев аспекты, из которых формируется тело меланхолии, можно воссоздать ее структуру. Таким образом, меланхолия не выделяется в некую причинную сущность со своей симптоматикой. Напротив, именно описанные симптомы и создают меланхолию как переживаемый феномен, состоящий исключительно из наблюдаемых репрезентаций общего мироощущения. Поскольку элементы структуры связаны между собой, то ни один из них не сводим к какому-то одному исключительному. В этом отношении меланхолию можно сравнить с комплексными ментальными расстройствами.

В феноменологическом смысле субъективное прошлое перестало быть значимым, поскольку реальность модерна радикально поменяла привычный опыт. Субъективный травматичный опыт остался непереработанным и нередко провоцировал непроходящее чувство вины. В то же время человек потерял способность проецировать себя в будущее, поскольку планы зачастую подменялись утопическими обещаниями. С другой стороны, было бы неверно воспринимать меланхолию единственно как психологический феномен, о чем свидетельствует культура модерна. Меланхолия становится феноменом *экзистенциальным*, связывая в единый узел внутреннее и внешнее.

Заключение. В своей работе мы показали, что меланхолия возникает, если кризисное мировосприятие дополняется переживанием циклической темпоральности, исчезновением будущего, озабоченностью прошлым, пассивностью или изоляцией. Все это крайне характерно для первой трети XX в., что мы продемонстрировали, приводя примеры культурной рефлексии этой эпохи. Слово «современный» стало использоваться для характеристики субъективного переживания ощущения, что собственное настоящее время является случайным, мимолетным и ускользающим, а само течение времени связано с ощущением, что окружающий мир вечно ускользает от понимания. Включение темпорального аспекта в интерпретацию меланхолии придает ей самой динамический характер: в этом смысле, с феноменологической точки зрения, меланхолия – это не столько состояние, сколько процесс, сопровождаемый взлетами и падениями, победами и поражениями.

Безусловно, начало XX в. не сводимо к тотальной и беспросветной меланхолии. Глобальные тенденции, определившие облик мира на столетие вперед, не стали исключительно негативными феноменами. Но приход модерна повернул мир в новом направлении, и радикальный переход от старого режима существования к новому не мог пройти бескризисно. Меланхолия стала такой рефлексией на смену режимов, хотя с течением времени она сама трансформируется вместе с режимом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берман М. Все твердое растворяется в воздухе. М.: Горизонталь, 2020.
2. Flatley J. *Affective Mapping: melancholia and the politics of modernism*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2008. DOI: <https://doi.org/10.4159/9780674036963>.
3. Borsboom D., Cramer O. J. Network analysis: An integrative approach to the structure of psychopathology // *Annual Review of Clinical Psychology*. 2013. Vol. 9. P. 91–121. DOI: <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-050212-185608>.
4. Varga S. From Melancholia to Depression: Ideas on a Possible Continuity // *Philosophy, Psychiatry & Psychology*. 2013. Vol. 20, no. 2. P. 141–155. DOI: <https://doi.org/10.1353/ppp.2013.0021>.
5. Lawlor C. *From melancholia to prozac: A history of depression*. New York: Oxford University Press, 2012.
6. Unni K. P. Reimagining the “Loss” and Reinventing the Space: The Dialectics of European Melancholy // *Abjection and Abandonment*. 2019. P. 19–31. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-15-1029-8_2.
7. Munch E. *The Scream*. 1893. URL: <https://www.edvardmunch.org/the-scream.jsp> (дата обращения: 15.04.2021).
8. Prideaux S. *Edvard Munch: Behind the scream*. London: Yale University Press, 2012.
9. Edvard Munch: the collision of art and mental disorder / V. Y. Skryabin, A. A. Skryabina, M. V. Torrado, E. A. Gritchina // *Mental Health, Religion & Culture*. 2020. Vol. 23, no. 7. P. 570–578. DOI: <https://doi.org/10.1080/13674676.2020.1777537>.
10. Murray A. Reformed masculinity: trauma, soldierhood and society in Otto Dix's War Cripples and Prague Street // *Artefact: Journal of the Irish Association of Art Historians*. 2012. Vol. 6. P. 16–31. URL: <https://cora.ucc.ie/handle/10468/770?show=full> (дата обращения: 21.04.2021).
11. Ratcliffe M. *Experiences of depression*. Oxford: Oxford University Press, 2015.
12. Merleau-Ponty M. *The visible and the invisible*. Evanston: Northwestern University Press, 1968.
13. Van den Berg J. H. *A different existence: Principles of phenomenological psychopathology*. Pittsburgh: Duquesne University Press, 1972.
14. Fernandez A. V. Depression as existential feeling or de-situatedness? Distinguishing structure from mode in psychopathology // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2014. Vol. 13, no. 4. P. 595–612. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11097-014-9374-y>.
15. Abnormal time experiences in major depression: An empirical qualitative study / G. Stanghellini, M. Ballerini, S. Presenza et al. // *Psychopathology*. 2016. Vol. 50, no. 2. P. 125–140. DOI: <https://doi.org/10.1159/000452892>.
16. Sik D. From Naturalized Suffering to Futile Ownership – A Genealogy of the Depressed Life-world // *J. of Historical Sociology*. 2020. Vol. 33, no. 4. P. 546–566. DOI: <https://doi.org/10.1111/johs.12305>.

Информация об авторе.

Андреев Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры социальной философии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, ул. Мира, д. 19, Екатеринбург, 620002, Россия. Автор 5 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия психиатрии, политизация ментальных расстройств, репрезентации депрессии, социальное конструирование субъектности. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3081-7287>. E-mail: postpostmetameta@yandex.ru

REFERENCES

1. Berman, M. (2020), *Vse tverdoe rastvoryaetsya v vozdukhe* [All that is solid melts into air], Gorizonta!, Moscow, RUS.

2. Flatley, J. (2008), *Affective Mapping: melancholia and the politics of modernism*, Harvard University Press, Cambridge, Mass., USA. DOI: <https://doi.org/10.4159/9780674036963>.

3. Borsboom, D. and Cramer, O.J. (2013), "Network analysis: An integrative approach to the structure of psychopathology", *Annual Review of Clinical Psychology*, vol. 9, pp. 91–121. DOI: <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-050212-185608>.

4. Varga, S. (2013), "From Melancholia to Depression: Ideas on a Possible Continuity", *Philosophy, Psychiatry & Psychology*, vol. 20, no. 2, pp. 141–155. DOI: <https://doi.org/10.1353/ppp.2013.0021>.

5. Lawlor, C. (2012), *From melancholia to prozac: A history of depression*, Oxford University Press, New York, USA.

6. Unni, K.P. (2019), "Reimagining the 'Loss' and Reinventing the Space: The Dialectics of European Melancholy", *Abjection and Abandonment*, pp. 19–31. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-15-1029-8_2.

7. Munch, E. (1893), *The Scream*, available at: <https://www.edvardmunch.org/the-scream.jsp> (accessed 15.04.2021).

8. Prideaux, S. (2012), *Edvard Munch: Behind the scream*, Yale University Press, London, UK.

9. Skryabin, V.Y., Skryabina, A.A., Torrado, M.V. and Gritchina, E.A. (2020), "Edvard Munch: the collision of art and mental disorder", *Mental Health, Religion & Culture*, vol. 23, no. 7, pp. 570–578. DOI: <https://doi.org/10.1111/johs.12305>.

10. Murray, A. (2012), "Reformed masculinity: trauma, soldierhood and society in Otto Dix's War Cripples and Prague Street", *Artefact: Journal of the Irish Association of Art Historians*, vol. 6, pp. 16–31, available at: <https://cora.ucc.ie/handle/10468/770?show=full> (accessed 21.04.2021).

11. Ratcliffe, M. (2015), *Experiences of depression*, Oxford University Press, Oxford, UK.

12. Merleau-Ponty, M. (1968), *The visible and the invisible*, Northwestern University Press, Evanston, USA.

13. Van den Berg, J.H. (1972), *A different existence: Principles of phenomenological psychopathology*, Duquesne University Press, Pittsburgh, USA.

14. Fernandez, A.V. (2014), "Depression as existential feeling or de-situatedness? Distinguishing structure from mode in psychopathology", *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, vol. 13, no. 4, pp. 595–612. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11097-014-9374-y>.

15. Stanghellini, G., Ballerini, M., Presenza, S. et al. (2016), "Abnormal time experiences in major depression: An empirical qualitative study", *Psychopathology*, vol. 50, no. 2, pp. 125–140. DOI: <https://doi.org/10.1080/13674676.2020.1777537>.

16. Sik, D. (2020), "From Naturalized Suffering to Futile Ownership – A Genealogy of the Depressed Lifeworld", *Journal of Historical Sociology*, vol. 33, no. 4, pp. 546–566. DOI: <https://doi.org/10.1111/johs.12305>.

Information about the author.

Dmitrii V. Andreenko – Postgraduate at the Department of Social Philosophy, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira str., Ekaterinburg 620002, Russia. The author of 5 scientific publications. Area of expertise: philosophy of psychiatry, politicization of mental disorders, representations of depression, social construction of subjectivity. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3081-7287>. E-mail: postpostmetameta@yandex.ru

УДК 316.051.62

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2021-7-4-45-57>

Оригинальная статья / Original paper

Социодинамика цифрового капитала студентов в условиях эпидемиологического кризиса COVID-19: опыт смешанной стратегии эмпирического исследования

П. П. Дерюгин^{1,2✉}, О. С. Баннова², Е. А. Камышина²,
В. Е. Ярмак¹, К. Е. Салфетник¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

✉ppd1@rambler.ru

Введение. Социодинамика цифрового капитала студентов в условиях эпидемиологического кризиса приобрела особые характеристики. Скорость, направленность и технологии формирования цифрового капитала существенно изменились и выразились в новых содержательных признаках и характеристиках социодинамики.

Методология и источники. Использован интегративный подход к изучению и анализу социодинамики цифрового капитала, складывающийся из совокупности теоретико-методологических позиций изучения цифрового капитала, предложенных исследователями ранее. Представлен подход к социологической интерпретации понятия цифрового капитала, отличающийся системностью и интегративными характеристиками. На сформированной теоретико-методологической платформе построена методика эмпирического исследования.

Результаты и обсуждение. Обобщены методологические подходы к определению цифрового капитала как объекта исследования. Показаны противоречия и фрагментарность в толковании цифрового капитала в частных исследованиях и актуальность социологического осмысления сущности цифрового капитала. Эмпирически подтверждены тенденции и тренды социодинамики цифрового капитала в период пандемии.

Заключение. В статье представлены некоторые тренды социодинамики цифрового капитала студентов в условиях пандемии: во-первых, стимулирующая роль пандемии в освоении цифровых компетенций; во-вторых, изменения направленности освоения цифровых компетенций; в-третьих, анализ активности и интенсивности изменений цифровых компетенций; в-четвертых, активизация освоения цифровых технологий, связанных с социальными аспектами взаимодействия в условиях локдауна.

Ключевые слова: социодинамика, цифровой капитал, преимущества цифровизации, социальные проблемы цифровизации.

Для цитирования: Дерюгин П. П., Баннова О. С., Камышина Е. А., Ярмак В. Е., Салфетник К. Е. Социодинамика цифрового капитала студентов в условиях эпидемиологического кризиса COVID-19: опыт смешанной стратегии эмпирического исследования // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 4. С. 45–57. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-45-57

© Дерюгин П. П., Баннова О. С., Камышина Е. А., Ярмак В. Е., Салфетник К. Е., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-29-07443 «Научно-образовательные центры как фактор формирования человеческого капитала России: формат создания научно-образовательных центров мирового уровня согласно Указу Президента “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года”»).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 01.06.2021; принята после рецензирования 16.06.2021; опубликована онлайн 24.09.2021

Sociodynamics of Students' Digital Capital in the Context of the COVID-19 Epidemiological Crisis: an Experience of a Mixed Strategy of Empirical Research

**Pavel P. Deryugin^{1,2✉}, Olesya S. Bannova², Elena A. Kamyshina²,
Veronika E. Yarmak¹, Kirill E. Salfetnik¹**

¹*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

²*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

✉ppd1@rambler.ru

Introduction. The sociodynamics of students' digital capital in the context of an epidemiological crisis has acquired special characteristics. The speed, focus and technologies for the formation of digital capital have changed significantly and are expressed in new content features and characteristics of sociodynamics.

Methodology and sources. An integrative approach to the study and analysis of the digital capital sociodynamics is used, which consists a set of theoretical and methodological positions in the study of digital capital proposed by researchers earlier. An approach to the sociological interpretation of the concept of digital capital, which is characterized by systemic and integrative characteristics, is presented. The formed theoretical and methodological platform served as the basis for constructing an empirical research methodology.

Results and discussion. Methodological approaches to the digital capital definition as an object of research are generalized. The contradictions and fragmentation in the interpretation of digital capital in private research and the relevance of sociological understanding of the essence of digital capital are shown. The tendencies and trends of the sociodynamics of digital capital during the pandemic have been empirically confirmed.

Conclusion. The article presents some trends in the sociodynamics of students' digital capital in a pandemic: first, the stimulating role of the pandemic in the development of digital competencies; secondly, changes in the direction of mastering digital competencies; third, analysis of the activity and intensity of changes in digital competencies; fourth, the intensification of the development of digital technologies related to the social aspects of interaction in the context of a lockdown.

Key words: sociodynamics, digital capital, advantages of digitalization, social problems of digitalization.

For citation: Deryugin P. P., Bannova O. S., Kamyshina E. A., Yarmak V. E., Salfetnik K. E. Sociodynamics of Students' Digital Capital in the Context of the COVID-19 Epidemiological Crisis: an Experience of a Mixed Strategy of Empirical Research. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 4, pp. 45–57. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-45-57 (Russia).

Source of financing: The work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-29-07443 “Scientific and educational centers as a factor in the formation of

human capital in Russia: the format for creating world-class scientific and educational centers according to the Presidential Decree "On National Goals and Strategic Tasks of the Development of the Russian Federation for the period until 2024").

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 01.06.2021; adopted after review 16.06.2021; published online 24.09.2021

Введение. Социодинамика цифрового капитала студенчества в период пандемии приобрела во многом непрогнозируемые особенности [1; 2, с. 128]. Поэтому исследование настоящей проблемы представляет определенный научный и практический интерес [3].

С научной точки зрения настоящая тема предполагает исследование самого понятия «цифровой капитал» как социологической категории, поскольку несмотря на активное использование этого понятия (в научном обороте сейчас можно найти более 500 статей, где цифровой капитал рассматривается как объект непосредственного обращения), попытки обобщения и анализа социологических характеристик цифрового капитала осуществляются редко. Можно сказать, что понятие цифрового капитала во многом зависит от социокультурных оснований осуществляемых исследований: экономисты и управленцы, философы и психологи, представители других научных дисциплин вкладывают в это понятие свои специфические представления о том, что следует понимать под «цифровым капиталом» [4]. Важной задачей социологического анализа цифрового капитала выступает необходимость разработки методик диагностики и эмпирического исследования социодинамики цифрового капитала.

Не менее актуальна прикладная сторона проблемы. Освоение цифрового капитала студентами как важная социальная задача давно обсуждается на уровне высшего руководства ведущих стран мира. Освоение цифрового капитала в массовом масштабе давно вышло за пределы собственно экономических интересов и становится ареной активной конкурентной борьбы [5]. Об этом говорил президент РФ В. В. Путин, когда предлагал масштабную программу развития цифровой экономики [6]. Еще более категорично идеи о цифровом господстве как современном условии мирового лидерства высказывал президент США Д. Байден [7].

Можно также говорить о других важных сторонах исследования цифрового капитала студенчества как о перспективной производительной силе, решительно меняющей ландшафт социально-экономического развития общества [8, с. 775]; как о факторе, который ускоряет развитие цифрового общества [9]; как о новой стратегии развития всей социальной системы, которая приобретает совершенно новые характеристики социальной жизни людей на бытовом уровне (умный дом, умный город и пр.) [10, с. 68]. Сюда же следует отнести многочисленные опасения представителей гуманитарных и социальных научных дисциплин, которые предупреждают о наступлении периода коренной переоценки роли цифровизации, существенно изменяющей традиционные нормы и ценности поколения Z [11, с. 19].

Цель работы состоит в разработке и эмпирической апробации методики изучения социодинамики цифрового капитала студентов различных профессиональных ориентаций за период пандемии.

Методология и источники. Интересы эмпирического исследования цифрового капитала студенчества предполагали методологическую базу, основанную на принципах интегративной парадигмы. Главными позициями, на основании которых осуществлялось

исследование, стали идеи и положения, позволившие сформировать научную платформу диагностической процедуры:

– положения концепции информационного капитала П. Бурдье. Базовые позиции настоящей концепции предполагают представление о цифровом капитале как о «запасах внутренних способностей и компетенций», что позволяет рассматривать цифровой капитал как личностные образования (способности и компетенции) в качестве непосредственных индикаторов, на изучение которых нацеливается процедура диагностики [12];

– концептуальные принципы изучения различных форм человеческого капитала, высказанные С. А. Кравченко [13]. Отправной точкой зрения с позиций автора следует считать идею методологического интегрализма, раскрывающую взаимосвязанность форм человеческого капитала с множеством внутренних и внешних феноменов как социального явления;

– представление Соры Парк о важной роли навыков использования цифровых технологий, на основании чего формируется цифровой капитал [14];

– научные выводы М. Рагнеллы о том, что ядро цифрового капитала составляют цифровые компетенции использования ИКТ в разнообразных интересах [15];

– представление о цифровом капитале как о совокупности навыков использования цифровых технологий и технических возможностей, доступа к информационным технологиям [16];

– представление о взаимосвязи цифрового капитала и самых различных сторон социальной жизни и его значимости в решении социальных вопросов [17].

Материалы и методы эмпирического исследования. Исследование проводилось в январе–апреле 2021 г. Выборка случайная, включающая подготовленных пользователей сети «ВКонтакте» – студентов, знающих процедуру ответа на вопросы по внешней ссылке. Всего в опросе приняли участие 205 чел. 76 % респондентов – люди в возрасте от 19 до 24 лет. Представителей социальных специальностей – социологов – 85 чел. (юноши – 30, девушки – 55), представителей технических дисциплин – программистов – 130 чел. (юноши – 100, девушки – 30). Важно отметить, что цифровой капитал и компетенции цифрового капитала как актуальная потребность в зафиксированной выборке отмечены как значимые для 76 % программистов и для 45 % социологов. Студенты-программисты чаще, чем студенты-социологи, обучаются цифровым технологиям в системе различных онлайн-курсов. Студенты-социологи цифровые компетенции осваивают преимущественно в системе высшего образования, в университетах.

Смешанная стратегия эмпирического исследования социодинамики цифрового капитала включала соединение достоинств двух методов: онлайн-опроса и эссе.

Онлайн-опрос с использованием таргетированной рекламы со ссылкой на внешний источник составил первый этап исследования.

Анкета включала три части. Цель первой части анкеты состояла в сборе данных, характеризующих личность респондента (пол, возраст, профиль подготовки, активность в Интернете). Вторая часть анкеты предполагала фиксацию субъективной самооценки уровня респондента как пользователя цифровых технологий (от 1 до 5) в период первой волны пандемии. Третья часть нацеливалась на выявление субъективной самооценки уровня владения цифровыми технологиями в настоящее время. Таким образом, ответы на вопросы

позволяли оценивать представления респондентов различных профессиональных ориентаций об изменениях своего цифрового капитала за период от начала ковидной ситуации до настоящего времени.

В анкету исследования были включены вопросы, которые характеризовали две группы компетенций цифрового капитала. По аналогии с классификацией ценностей в методике М. Рокича цифровые компетенции в настоящем случае классифицированы на две подгруппы. Первая подгруппа – терминальные компетенции – такие представления о своих цифровых компетенциях, которые раскрывают смысловые характеристики цифровизации (Что дает цифровизация? Каковы преимущества использования цифровых технологий? Каковы последствия цифровизации в профессиональной и личной сферах деятельности? и др.). Вторая подгруппа – инструментальные компетенции – такие компетенции, которые позволяют на уровне технологий и методов использовать преимущества цифровизации. Сюда, например, отнесены навыки работы с программным обеспечением (IBM SPSS, Tableau, MS Excel, 1С, CRM и т. д.).

Всего к оцениванию предлагалось 28 компетенций, характеризующих цифровой капитал: 14 терминальных (Работоспособность в условиях работы с ИКТ; Способность контролировать состояние здоровья в условиях работы с ИКТ; Способность контролировать стрессоустойчивость в условиях работы с ИКТ; Способность быть честным в цифровой среде; Способность быть порядочным в цифровой среде; Способность проявлять уважение к другим людям в цифровой среде и др.) и 14 инструментальных (Навыки работы с профессиональным ПО (IBM SPSS, Tableau, MS Excel, 1С, CRM и т. д.); Навыки работы с компьютерным ПО (браузер, MS Word, MS Power Point, Adobe Reader, Adobe Photoshop и т. д.); Навыки обучения в университете (онлайн-лекции и семинары, онлайн-аттестация) с использованием ИКТ; Навыки коммуникации (общение в социальных сетях и т. д.) с использованием ИКТ; Умение обезопасить себя в цифровой среде и др.).

Как было сказано выше, респонденты оценивали баллами от 1 до 5 свои компетенции в период до начала пандемии и в настоящее время. Таким образом методика позволяла оценить направленность и интенсивность изменений в освоении студентами различных цифровых компетенций и технологий за период пандемии. Затем полученные осредненные данные ранжировались от 1-го до 14-го ранга, что было важно для расчета коэффициента корреляции по формуле Спирмена.

Второй этап исследования цифрового капитала студентов на основе смешанной стратегии составили короткие эссе, которые были написаны студентами-социологами ($n = 66$) и студентами-программистами ($n = 117$). В настоящем случае темами эссе определялись вопросы, которые раскрывали характеристики представлений студентов о достоинствах и проблемах цифровых технологий в процессе их обучения и в обыденной жизни в период пандемии. По условиям и требованиям к публикациям материалы анализа эссе будут представлены только в обобщенном виде.

Результаты и обсуждение. Полученные результаты пилотажного исследования в целом нашли ряд научных подтверждений в публикациях других авторов по проблемам формирования цифрового капитала в условиях ковидной ситуации. Ниже представлены наиболее значимые результаты и характеристики социодинамики цифрового капитала студенчества в условиях пандемии.

1. Локдаун и онлайн-обучение выступили драйвером активного изменения цифрового капитала студентов. Характеризуя социодинамику цифровых компетенций за период ковидной ситуации, респонденты всех исследуемых категорий (юноши/девушки, социологи/программисты) зафиксировали изменения в характеристиках своих цифровых компетенций. Общая тенденция этих изменений положительная, что позволяет говорить о ковидной ситуации как о значимом стимуле формирования цифрового капитала студентов.

Таблица 1. Динамика оценок цифровых компетенций за период пандемии коронавируса
Table 1. Dynamics of assessments of digital competencies during the coronavirus period

Компетенции		Социологи	Программисты	Всего
Терминальные (14 компетенций)	Увеличение	9	6	15
	Без изменений	3	2	5
	Понижение	2	6	8
Инструментальные (14 компетенций)	Увеличение	12	9	21
	Без изменений	2	2	4
	Понижение	0	3	3

Результаты анализа табл. 1 показывают, что без изменений осталось только 16 % предложенных к оцениванию цифровых компетенций, в 84 % случаев компетенции изменились, повысились/понижились, во всяком случае оказались в динамическом тренде.

При этом положительный рост (увеличение) цифровых компетенций выявлен в подавляющем числе случаев – 64 % от всех отмеченных ситуаций изменения уровня компетенций. Такой тренд изменений социодинамики характеристик цифровых компетенций позволяет говорить, что в целом ковидная ситуация стимулировала положительное развитие цифровых компетенций и стала существенным фактором развития цифрового капитала студентов. Становится очевидным, что ковидная ситуация затронула всю систему цифровых компетенций студенчества, при этом «сохранение уровня компетенций» и изменений «с понижением» оказалось значительно менее существенным, чем положительный рост, увеличение числа таких компетенций. Как было показано, случаев сохранения уровня цифровых компетенций без изменений оказалось в четыре раза меньше, чем ситуаций повышения уровня компетенций. Компетенций, отмеченных как понизившиеся, также существенно меньше – более чем в три раза.

Прежде всего существенным стало увеличение инструментальных компетенций студентов. Так, инструментальные компетенции выросли в 75 % случаев (это самое существенное изменение, зафиксированное за период исследования). Терминальные компетенции также повысились значительно – в 54 % случаев. Этот факт говорит о том, что в целом ковидная ситуация стала периодом активного освоения студентами инструментов – практических технологий, методов и программного обеспечения, позволяющих реализовывать прикладные программы обучения и решать бытовые вопросы, используя самые различные технологии и методы работы с информацией. Как отмечали сами респонденты, в значительной степени интенсивное освоение новых цифровых технологий было вынужденной мерой, потребовало личного участия студентов в освоении цифровых технологий при решении многочисленных нестандартных или новых задач, это был период самого активного обмена информацией с коллегами по поводу освоения новых возможностей компьютера.

2. За период первой волны локдауна социальное и экономическое пространство использования цифровых компетенций изменялось разнонаправленно (расширялось или

сужалось) в зависимости от степени включенности студентов в цифровые технологии. Освоение новых цифровых компетенций в самых различных сферах деятельности студентов-социологов и студентов-программистов в условиях ковидной ситуации происходило с существенными особенностями.

Вся совокупность цифровых компетенций (терминальных и инструментальных – 28) по своей направленности была разбита на семь групп компетенций, показанных в табл. 2. Каждая группа компетенций включала по четыре компетенции, направленные на решение определенных задач.

Таблица 2. Группы цифровых компетенций и их основные характеристики
Table 2. Groups of digital competencies and their main characteristics

Группа компетенций	Основная характеристика компетенции
Профессиональные цифровые	Использование ИКТ для интересов профессиональной деятельности
Личные цифровые	Использование ИКТ для решения бытовых вопросов
Командно-групповые цифровые	Умение и навык работать в виртуальных командах
Физические цифровые	Способность контролировать физическое состояние и работоспособность во время занятий с использованием ИКТ
Коммуникативные цифровые	Приемы и способы виртуальной коммуникации
Управленческие цифровые	Решение задач менеджмента на основе цифровых технологий
Моральные цифровые	Компетенции, связанные с соблюдением нравственных норм взаимодействия в сетях
Информационные цифровые	Технологии, нацеленные на максимальное использование потенциалов ИКТ

Статистический анализ направленности освоения компетенций позволяет сделать некоторые выводы о трендах социодинамики формирования цифрового капитала студентов в условиях локдауна (табл. 3).

Таблица 3. Социодинамика групп компетенций в зависимости от содержательных характеристик
Table 3. Sociodynamics of groups of competencies depending on the content characteristics

Группа компетенций	Социологи	Программисты
Профессиональные цифровые	+1,0	–
Личные цифровые	+1,0	–0,5
Командно-групповые цифровые	+0,6	+0,5
Физические цифровые	+0,2	–0,9
Коммуникативные цифровые	+0,3	+0,3
Управленческие цифровые	–	–
Моральные цифровые	+0,1	+0,4
Информационные цифровые	+0,1	–

Расширение сфер применения цифровых компетенций для студентов-социологов оказалось значительно более актуальным. По данным, приведенным в табл. 3, становится очевидным, что студенты-социологи отметили положительные значения практически всех групп цифровых компетенций, по которым у них фиксируется положительный рост. Сюда входят цифровые компетенции, которые будущие социологи стали более активно применять в профессиональной и личной сферах жизни и деятельности, цифровые технологии стали применяться в групповой работе и коммуникациях, выросло значение технологической составляющей информационных цифровых компетенций. Исключение составили управленческие цифровые компетенции. Эта группа компетенций в ковидной ситуации осталась на прежнем уровне. В целом, по результатам анкетирования студентов-социологов полученные данные показали расширение горизонта и направленности использования цифровых технологий в условиях пандемии.

Другая картина у студентов-программистов. У них направления освоения компетенций сузились. В особенности это касается физических технологий, т. е. технологий, связанных с умением организовывать свой рабочий день, сочетать рабочее время и время сна, отдыха, занятий спортом и физических упражнений и пр., что важно для поддержания хорошего физического состояния при работе с ИКТ. В среде студентов-программистов пандемия негативно сказалась на развитии цифровых технологий, обеспечивающих сферы личной жизни, профессиональных, управленческих и информационных технологий.

Как показал анализ, вектор направленности освоения цифровых компетенций во многом определялся характером профессиональной подготовки и зависел от степени включенности студентов в цифровое общество до начала пандемии: для тех студентов, кто был более «продвинут» в сфере цифровизации (программисты), период пандемии оказался временем, когда круг деятельности, где можно было реализовать различные цифровые технологии, сузился. Напротив, для студентов, которые были менее подготовлены к использованию цифровых технологий (социологи), спектр таких технологий расширился.

3. Интенсивность и успешность освоения цифровых технологий в период пандемии у студентов различных профилей подготовки оказались различными.

У студентов, для которых ИКТ является вспомогательным инструментом, обеспечивающим основную сферу деятельности (в нашем случае – социологи), активность освоения цифровых технологий была значительно выше, чем у студентов-программистов, более полно включенных в процессы цифровизации и хорошо осведомленных о возможностях цифровых технологий (табл. 3). Общий балл, который характеризует активность освоения цифровых технологий студентами-социологами, составил +3,5 пункта. У программистов этот показатель оказался даже с отрицательным знаком (-0,2).

4. В условиях локдауна, изоляции и использования онлайн-технологий в процессе обучения активизировалось освоение цифровых технологий, связанных с социальными характеристиками деятельности.

Прежде всего представленные в табл. 3 данные позволяют говорить о повышенном внимании студентов к освоению тех цифровых технологий, которые обеспечивают командно-групповую работу. У студентов-социологов, как и у студентов-программистов, освоение этих технологий отмечено как значимое (+0,6 у социологов и +0,5 у программистов). Следует особо подчеркнуть, что для студентов-программистов освоение цифровых компетенций, важных для работы в команде, оказалось наиболее значимым среди всех групп компетенций.

Другой важный момент, который следует подчеркнуть, – это рост внимания к цифровым компетенциям и последовательное их освоение, обеспечивающее активную коммуникацию в виртуальном пространстве. Как студенты-социологи, так и студенты-программисты показали рост этих компетенций на уровне +0,3 [18].

Третий важный показатель сферы компетенций, обеспечивающих социальные характеристики использования ИКТ, относится к моральным сторонам участия в виртуальном пространстве. Подчеркнем, что для студентов-программистов моральные грани использования цифровых технологий имеют довольно значимый порядок (+0,4).

Заключение. Смешанная стратегия социологического исследования социодинамики цифрового капитала в условиях пандемии подтвердила свою актуальность и целесообразность. Результаты применения количественных и качественных методов фиксации, анализа

и обобщения данных о развитии цифровых компетенций позволяют всесторонне охарактеризовать социодинамику изменений и показать уникальные особенности формирования цифрового капитала различных групп респондентов – в нашем случае студентов социальных и технических факультетов – в условиях пандемии. Представленная в исследовании логика триангуляции количественных и качественных данных раскрывает особенности цифровых компетенций специалистов различных профилей и может быть аналогично использована в исследованиях респондентов из других социальных групп.

Обобщающие выводы исследования следующие:

1. Представление цифрового капитала как объекта социологического исследования предполагает интеграцию изучения социальных, личностных и технических характеристик цифрового капитала, без чего его научное определение не будет отражать действительную сущность такого капитала. Социологическое исследование цифрового капитала нацеливается на системный анализ составляющих его элементов как потенциалов, реализуемых в целях воспроизводства или достижения целей деятельности. Такую исследовательскую задачу следует определять как перспективную для последующего изучения социодинамики цифрового капитала.

2. Центральное место в системе цифрового капитала занимает личность с высоким уровнем цифровых компетенций, обладающая ценностными смыслами и ставящая цели своей деятельности в нестандартных или новых социально-экономических условиях.

3. Социодинамика цифрового капитала предполагает исследование и диагностику таких индикаторов, которые характеризуют фиксацию изменений в освоении цифровых компетенций, характера направленности и интенсивности происходящих изменений, изучение особенностей социальных изменений у носителей цифрового капитала – субъектов деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Efimov V. S., Lapteva A. V. The Future of Universities: Is Digitalization the Priority? (Expert View) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. Vol. 11 (12). P. 1925–1946. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0367>.

2. Gladkova A., Vartanova E., Ragnedda M. Digital divide and digital capital in multiethnic Russian society // Journal of Multicultural Discourses. 2020. Vol. 15, no. 2. P. 126–147. DOI: <https://doi.org/10.1080/17447143.2020.1745212>.

3. Park S. Digital Capital. London: Palgrave Macmillan, 2017.

4. Ignatow G., Robinson L. Pierre Bourdieu: theorizing the digital // Information, Communication & Society. 2017. Vol. 20, no. 7. P. 950–966. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118X.2017.1301519>.

5. Magomedov M. D., Karabanova O. V., Dikikh V. A. Digital Capital as a Basis for the Development of the Economy in Modern Time and Principles of the Digitalization // Advanced in Economics, Business and Management Research. 2020. Vol. 156. P. 397–401. DOI: <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.201205.066>.

6. Владимир Путин предложил «масштабную программу развития цифровой экономики» // D-Russia. 2016. 1 дек. URL: <https://d-russia.ru/vladimir-putin-predlozhil-masshtabnuyu-programmu-razvitiya-tsifrovoj-ekonomiki.html> (дата обращения: 06.05.2021).

7. Заказ Америки опять отменяется. Неужели не сбываются предсказания российской пропаганды? // Republic. 2021. 5 мая. URL: https://republic.ru/posts/100314?utm_source=facebook&utm_medium=social&utm_campaign=republic#0_5__1124_228677303 (дата обращения: 06.05.2021).

8. Алетдинова А. А. Цифровые компетенции и возраст их носителей // Цифровизация экономических систем: теория и практика / под ред. А. В. Бабкина. СПб.: Политех-пресс, 2020. С. 773–793. DOI: <https://doi.org/10.18720/IEP/2020.3/34>.

9. Антохонова И. В. Эволюция потенциала университетов в развитии цифровой экономики // Вестн. НГУЭУ. 2017. № 4. С. 50–58.

10. Беляцкая Т. Н., Князькова В. С. Цифровой капитал и интеллектуальный потенциал электронной экономики // Человеческий капитал в формате цифровой экономики: Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию С. П. Капицы: сб. докл. Москва, 16 фев. 2018 г. / РосНОУ. М., 2018. С. 64–72.

11. Волкова И. А., Петрова В. С. Формирование цифровых компетенций в профессиональном образовании // Вестн. Нижневартковского государственного университета. 2019. № 1. С. 17–24.

12. Бурдые П. Формы капитала / пер. с фр. М. С. Добряковой // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.

13. Кравченко С. А. Формирование сетевого человеческого капитала: методологические контуры концепции // Вестн. МГИМО. 2010. № 6. С. 15–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-setevogo-chelovecheskogo-kapitala-metodologicheskie-kontury-kontseptsii> (дата обращения: 04.05.2021).

14. Park S. Understanding Digital Capital Within a User's Digital Technology Ecosystem // Digital Capital. 2017. P. 63–82. DOI: https://doi.org/10.1057/978-1-137-59332-0_4.

15. Ragnedda M. Conceptualizing digital capital // Telematics and Informatics. 2018. Vol. 35, no 8. P. 2366–2375. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006>.

16. Вартанова Е. Л., Гладкова А. А. Цифровой капитал в контексте концепции нематериальных капиталов // Медиаскоп. 2020. Вып. 1. DOI: <https://doi.org/10.30547/mediascope.1.2020.8>.

17. Borodkina O., Sibirev V. The Digital Capital of Social Services Consumers: Factors of Influence and the Need for Investment // Journal of Social Policy Studies. 2021. Vol. 19, no. 1. P. 129–142. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-129-142>.

18. Дерюгин П. П. Теоретико-методологический анализ социальной диагностики межличностных отношений: автореф. дис. ... д-ра социол. наук / СПбГУ. Санкт-Петербург, 2001.

Информация об авторах.

Дерюгин Павел Петрович – доктор социологических наук (2002), профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 200 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная диагностика, ценности и ценностные ориентации, сетевой подход в социологии. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>. E-mail: ppd1@rambler.ru

Баннова Олеся Сергеевна – аспирантка кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 5 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, массовое сознание, межнациональное согласие, человеческий капитал. E-mail: bannova-o@mail.ru

Камышина Елена Александровна – аспирантка кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия.

Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, массовое сознание, межнациональное согласие, человеческий капитал. E-mail: kamyshina.elena@gmail.com

Ярмак Вероника Евгеньевна – аспирантка факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: цифровой капитал, человеческий капитал, сетевые методы. E-mail: yarmak.nika29@mail.ru

Салфетник Кирилл Александрович – бакалавр социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 2 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, массовое сознание, межнациональное согласие, человеческий капитал. E-mail: oriole001@gmail.com

Авторский вклад.

Дерюгин Павел Петрович – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Баннова Олеся Сергеевна – проведение эмпирической части исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Камышина Елена Александровна – проведение эмпирической части исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Ярмак Вероника Евгеньевна – проведение эмпирической части исследования, анализ и интерпретация данных.

Салфетник Кирилл Александрович – проведение эмпирической части исследования, анализ и интерпретация данных.

REFERENCES

1. Efimov, V.S. and Lapteva, A.V. (2018), "The Future of Universities: Is Digitalization the Priority? (Expert View)", *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 11 (12), pp. 1925–1946. DOI: 10.17516/1997-1370-0367.

2. Gladkova, A., Vartanova, E. and Ragnedda, M. (2020), "Digital divide and digital capital in multiethnic Russian society", *Journal of Multicultural Discourses*, vol. 15, no. 2, pp. 126–147. DOI: <https://doi.org/10.1080/17447143.2020.1745212>.

3. Park, S. (2017), *Digital Capital*, Palgrave Macmillan, London, UK.

4. Ignatow, G. and Robinson, L. (2017), "Pierre Bourdieu: theorizing the digital", *Information, Communication & Society*, vol. 20, no. 7, pp. 950–966. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118X.2017.1301519>.

5. Magomedov, M.D., Karabanova, O.V. and Dikikh, V.A. (2020), "Digital Capital as a Basis for the Development of the Economy in Modern Time and Principles of the Digitalization", *Advanced in Economics, Business and Management Research*, vol. 156, pp. 397–401. DOI: <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.201205.066>.

6. "Vladimir Putin proposed a "large-scale program for the development of the digital economy"" (2016), *D-Russia*, 1 Dec., available at: <https://d-russia.ru/vladimir-putin-predlozhih-masshtabnyu-programmu-razvitiya-tsifrovoj-ekonomiki.html> (accessed 06.05.2021).

7. "America's order is canceled again. Will the predictions of Russian propaganda come true?" (2021), *Republic*, 05 May, available at: https://republic.ru/posts/100314?utm_source=facebook&utm_medium=social&utm_campaign=republic#0_5__1124_228677303 (accessed 06.05.2021).

8. Aletdinova, A.A. (2020), "Digital competencies and the age of their carriers", *Tsifrovizatsiya ekonomicheskikh sistem: teoriya i praktika* [Digitalization of economic systems: theory and practice], in Babkin, A.V. (ed.), Politekh-press, SPb., RUS, pp. 773–793. DOI: <https://doi.org/10.18720/IEP/2020.3/34>.

9. Antokhonova, I.V. (2017), "Evolution of capacity of the universities in development of digital economy", *Vestnik NSUEM*, no. 4, pp. 50–58.

10. Belyatskaya, T.N. and Knyaz'kova, V.S. (2018), "Digital capital and the intellectual potential of the electronic economy", *Chelovecheskii kapital v formate tsifrovoi ekonomiki* [Human capital in the format of the digital economy], *Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 90-letiyu S.P. Kapitsy* [Intern. scientific. conf., in priest. to the 90th anniversary of S.P. Kapitsa], Moscow, RUS, 16 Feb. 2018, pp. 64–72.

11. Volkova, I.A. and Petrova, V.S. (2019), "Formation of digital competencies in vocational education", *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, no. 1, pp. 17–24.

12. Bourdieu, P. (2002), "Forms of capital", *Journal of Economic Sociology*, Transl. by Dobryakova, M.S., vol. 3, no. 5, pp. 60–74.

13. Kravchenko, S.A. (2010), "Formation of networked human capital: methodological outline of the concept", *MGIMO Review of International Relations*, no. 6, pp. 15–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-setevogo-chelovecheskogo-kapitala-metodologicheskie-kontury-kontseptsii> (accessed 04.05.2021).

14. Park, S. (2017), "Understanding Digital Capital Within a User's Digital Technology Ecosystem", *Digital Capital*, pp. 63–82. DOI: https://doi.org/10.1057/978-1-137-59332-0_4.

15. Ragnedda, M. (2018), "Conceptualizing digital capital", *Telematics and Informatics*, vol. 35, no. 8, pp. 2366–2375. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006>.

16. Vartanova, E.L. and Gladkova, A.A. (2020), "Digital capital in the context of the concept of intangible capital", *Mediascope*, no. 1. DOI: <https://doi.org/10.30547/mediascope.1.2020.8>.

17. Borodkina, O. and Sibirev, V. (2021), "The Digital Capital of Social Services Consumers: Factors of Influence and the Need for Investment", *Journal of Social Policy Studies*, vol. 19, no. 1, pp. 129–142. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-129-142>.

18. Deryugin, P.P. (2001), "Theoretical and methodological analysis of social diagnostics of interpersonal relations", Abstract of Dr. Sci. (Sociology) dissertation, SPbSU, SPb., RUS.

Information about the authors.

Pavel P. Deryugin – Dr. Sci. (Sociology) (2002), Professor at the Department of Applied and Sectoral Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 200 scientific publications. Areas of expertise: social diagnostics, values and value orientations, a network approach in sociology. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>. E-mail: ppd1@rambler.ru

Olesya S. Bannova – Postgraduate at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 5 scientific publications. Areas of expertise: youth, mass consciousness, interethnic accord, human capital. E-mail: bannova-o@mail.ru

Elena A. Kamyshina – Postgraduate at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 8 scientific publications. Areas of expertise: youth, mass consciousness, interethnic accord, human capital. E-mail: kamyshina.elena@gmail.com

Veronika E. Yarmak – Postgraduate at the Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 8 scientific publications. Areas of expertise: digital capital, human capital, network methods. E-mail: yarmak.nika29@mail.ru

Kirill A. Salfetnik – Bachelor at the Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 2 scientific publications. Areas

of expertise: youth, mass consciousness, interethnic harmony, human capital. E-mail: oriole001@gmail.com

Author's contribution.

Pavel P. Deryugin – development of the concept and structure of the study, analysis and interpretation of data, preparing the text.

Olesya S. Bannova – conducting the empirical part of the study, analysis and interpretation of data, preparing the text.

Elena A. Kamyshina – conducting the empirical part of the study, analysis and interpretation of data, preparing the text.

Veronika E. Yarmak – conducting the empirical part of the study, analysis and interpretation of data.

Kirill A. Salfetnik – conducting the empirical part of the study, analysis and interpretation of data.

Искусственный интеллект в медиадискурсе 2010-х гг.

А. Ю. Колянов✉

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

✉aikolianov@etu.ru

Введение. В статье рассматривается динамика отражения образа искусственного интеллекта в медиа 2010-х гг. Освещение быстрого развития технологии в средствах массовой информации требует тщательного анализа и систематического мониторинга в силу не сложившихся до конца общественно-этических представлений о месте и роли искусственного интеллекта в жизни человека. В работе делается попытка изучить, какими были представления медиа об искусственном интеллекте во втором десятилетии XXI в.

Методология и источники. На основании результатов количественных и качественных исследований текстов российских и зарубежных медиа анализируются смысловые изменения репрезентации искусственного интеллекта. Теоретическими основами работы послужили представления о медиасистеме и развитии современной гибридной медиасистемы Э. Чедвика, М. Кастельса, Д. Уивера и др. Для сбора эмпирической информации были использованы анализ документов (докладов и подготовительных записок ЮНЕСКО для разработки этического кодекса искусственного интеллекта), опросов общественного мнения (ВЦИОМ), контент-анализ англоязычных и русскоязычных материалов медиа.

Результаты и обсуждение. По итогам исследования была отмечена зависимость характера и интенсивности упоминаний понятия «искусственный интеллект» от политико-экономических явлений. В частности, наблюдается связь с ростом экономической активности инвесторов в передовых технологиях, запуском крупными компаниями инновационных технологий в сфере потребления и политическими программами государств.

Заключение. В настоящий момент искусственный интеллект предстает как положительная технология, внедрение которой в социальные и профессиональные сферы необратимо. Негативные последствия развития данной технологии представляются как неочевидное гипотетическое будущее. К началу третьего десятилетия XXI в. медиадискурс вокруг искусственного интеллекта расширился до такого состояния неопределенности, когда потребовались действия по установлению этических рамок развития технологии.

Ключевые слова: искусственный интеллект, медиа, медиадискурс, 2010-е гг., контент-анализ, дискурс-анализ.

Для цитирования: Колянов А. Ю. Искусственный интеллект в медиадискурсе 2010-х гг. // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 4. С. 58–67. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-58-67

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 01.06.2021; принята после рецензирования 17.06.2021; опубликована онлайн 24.09.2021

© Колянов А. Ю., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Artificial Intelligence in Media Discourse of 2010s

Alexey Yu. Kolianov✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉aikolianov@etu.ru

Introduction. The article examines the image of artificial intelligence in the media and its reflection in 2010s. Coverage of the fast development of technology in the mass media requires careful analysis and systematic monitoring due to not fully determined socio-ethical ideas about the place and role of artificial intelligence in human life. The paper attempts to study what media had about artificial intelligence in the second decade of the 21st century.

Methodology and sources. Based on the results of quantitative and qualitative studies of the texts of Russian and foreign media, semantic changes in the representation of artificial intelligence are analyzed. To collect empirical information, we used the analysis of documents (reports and preparatory notes of UNESCO for the development of an ethical code of artificial intelligence), public opinion polls, content analysis of Russian and foreign media.

Results and discussion. According to the results of the study, correlation between intensity of references to artificial intelligence on political and economic phenomena was noted. In particular, there is a connection with the growth of economic activity of investors in advanced technologies, the launch of innovative technologies in the sphere of consumption by large companies and the strategic programs of states.

Conclusion. At the moment, artificial intelligence is seen as positive technology. Implementation of AI into social and professional spheres is irreversible. The negative consequences of the development of AI are considering as an unobvious hypothetical future. By the beginning of the third decade of the 21st century, the media discourse around AI expanded to such a state of uncertainty that it took action to establish an ethical framework for the development of technology.

Key words: artificial intelligence, media, media discourse, 2010s, content analysis, discourse analysis.

For citation: Kolianov A. Yu. Artificial Intelligence in Media Discourse of 2010s. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 4, pp. 58–67. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-58-67 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 01.06.2021; adopted after review 17.06.2021; published online 24.09.2021

Введение. Развитие искусственного интеллекта началось в середине XX в., и до недавнего времени социальная рефлексия по поводу творческих способностей интеллектуальных систем оставалась прерогативой ученых и художников – авторов научно-фантастических произведений. Первым заметным высказыванием на эту тему стала статья Алана Тьюринга «Может ли машина мыслить», опубликованная в 1950 г., где известный математик выражал надежду на то, что «машины в конце концов будут успешно соперничать с людьми во всех интеллектуальных областях» [1]. На протяжении следующих пятидесяти лет представления о мыслящих машинах неоднократно и по-разному разрабатывались в науке, искусстве и массовой культуре. Однако все эти образы чаще всего являлись вымыслом и плодом воображения авторов, хотя и сформировали некоторые тенденции восприятия разумной машины. Возможно, именно благодаря художественному осмыслению рисков развития интеллекту-

альных систем сегодня они воспринимаются не только как помощники человека, но и как угроза интеллектуальному и физическому лидерству людей в мире.

Одним из важнейших стал вопрос о том, может ли компьютерная программа, заложенная в машину, стать основой мышления? Иными словами, способна ли машина обладать независимым сознанием? Проблема оценки возможностей интеллектуальной машины разделила ученых и общество на сторонников «слабого» (исполняющего алгоритмы, заданные программой) и «сильного» (разумного, обладающего сознанием) интеллекта. В настоящее время предпосылок для возникновения «сильного» машинного разума не было найдено даже в рамках философии искусственного интеллекта. Более того, выдвинутый одним из основоположников этой специализации внутри философской науки Джоном Сёрлем в 1980 г. в журнале «Behavioral and Brain Sciences» аргумент против концепции «сильного» искусственного интеллекта до сих пор не получил адекватного опровержения. Имеется в виду известный эксперимент с китайской комнатой, в которой находится человек, не знающий китайского языка, получивший в распоряжение формальные алгоритмы ответов на китайском. Сёрль утверждает, что, хотя человек с помощью этих алгоритмов может правильно отвечать интервьюерам за пределами комнаты на китайском языке, самого языка он как не знал, так и не будет знать. Главная причина невозможности «сильного» искусственного интеллекта по Сёрлю – это владение машиной только синтаксическими возможностями. Человеческий мозг же имеет биологическую природу, которой у машины нет. Человек с помощью сознания вносит в синтаксис смыслы [2]. Дискуссии на эту тему продолжаются по сей день.

Однако в конце прошлого века исследования в области искусственного интеллекта стали стремительно развиваться, чему способствовал ряд революционных технологических достижений (в частности, сверточных нейронных сетей, с которыми связано понятие «глубинное обучение», отражающее способность машины учиться). Тем самым было положено начало знакомству широкой аудитории с реальными примерами интеллектуальной деятельности машин, поскольку они стали быстро входить в повседневную жизнь потребителей устройств связи, информационных технологий и т. д. Существенный рост интереса к искусственному интеллекту возникает уже в 2010-е гг., что связано с появлением технологий анализа и обработки крупных массивов информации (big data). Тематика искусственного интеллекта стала чаще затрагиваться не только в традиционных средствах массовой информации, но и в новых медиа. Особенности и масштабы информационного охвата технологического развития приводят к тому, что образ искусственного интеллекта в публичных источниках становится размытым.

Методология и источники. Поскольку с увеличением доступности информации в социуме растет уровень неопределенности, прогнозировать эффекты воздействия медиа на общественное сознание становится сложнее. Возможность доступа к гигантским массивам информации последовательно приводит к необходимости внедрения в деятельность традиционных средств массовой информации новых практик, связанных с мониторингом, проверкой и мгновенным сохранением информации. К таким практикам относятся, в частности, фактчекинг, журналистика данных и скриншотов и др. Подобные нововведения приводят к тому, что работающие в медиа специалисты вынуждены расширять свое прежнее привычное амплуа «новостных привратников» (gatekeepers) ролями «информационных наблюдате-

лей» (gatewatchers) [3]. Зарубежные теории прессы и массовой коммуникации XX в., в особенности появившиеся после Второй мировой войны [4, 5], постепенно утрачивают объяснительный потенциал одновременно с тем, как традиционные и новые медиа разрабатывают новые способы производства информации и информационных продуктов. Таким образом, уже не первый раз приходится констатировать, что вид профессиональной деятельности по сбору, анализу и распространению социально значимой информации через разнообразные коммуникативные каналы, ранее известный как журналистика, трансформируется в более масштабную по своему социально-экономическому влиянию область. Важными здесь в первую очередь являются продолжающийся уход от социальной значимости и продолжение конструирования, цитируя известное выражение Никласа Лумана, «второй реальности», которую стоит не столько критиковать, сколько изучать способы, с помощью которых она конструируется [6]. Сегодня этот призыв особенно актуален в связи с постепенным распространением виртуальной реальности и новых форм журналистики: виртуальной, иммерсивной и т. д. Нами уже отмечалась очевидная необходимость в теоретико-методологических обоснованиях как комплексного изучения медиасистемы на текущем этапе развития, так и изучения существующих в ее рамках отдельных практик [7].

На наш взгляд, в качестве наиболее потенциальной теоретической разработки в области понимания медиасистем можно рассматривать концепцию гибридной медиасистемы британского исследователя политических коммуникаций Эндрю Чедвика [8]. В рамках этой концепции развитие медиасистемы представляется не столько как очередная итерация контента в новой материальной форме (газета, журнал, радио, телевизор, компьютер, смартфон), сколько синергия разных форм медиа, возникающая в результате их конвергенции. Следовательно, информационные потоки возникают и оформляются в соответствии с особенностями специфики развития медиасистемы. Таким же образом изменяются и способы влияния на информацию. Это особенно заметно в трансформации публичного поведения политических элит. Они вынуждены не только считаться с новой медийной реальностью, но и приспосабливаться к ней; там же возможности крупных медиакорпораций иногда так велики, что под их санкции попадают даже первые лица государств. Примером может служить блокировка аккаунта Дональда Трампа в социальной сети Twitter в связи с опасениями в возможных подстрекательствах к беспорядкам и насилию.

В итоге у медиасистемы появляется специфический эффект транспарентности. В реальности создается только иллюзия прозрачности, однако на самом деле возникает перманентно самовоспроизводящееся и в силу этой специфики гомеостатическое состояние системы. В такой медиасистеме баланс между открытой и закрытой информацией конструирует отдельные открытые и закрытые подсистемы. Следовательно, эффектом конвергенции является гибридность [8]. Метафорически подобную систему можно представить в виде емкости с кипящей водой. Емкость открыта, но стенки непрозрачны. Можно наблюдать, как в воде и на ее поверхности возникают своего рода «информационные» пузыри. Однако целиком увидеть происходящее внутри емкости можно только с некоторых позиций (например, сверху). В зависимости от угла обзора изменяется и масштаб увиденного. Результатом данных изменений являются дисфункции, которые первоначально проявляются в негативных последствиях функционирования социальных медиа. Настоящая проблема часто описывается с помощью языка естественных наук, например биологии или экологии

гии, и такие дисфункции соответственно определяются как «вирусы» или «информационное загрязнение».

В числе иных негативных эффектов гибридной конфигурации медиасистемы можно также назвать цифровое неравенство или разделение аудитории по характеру условий доступа к разному объему информации, что возможно, в частности, с помощью абонентской платы, обязательной регистрации, систем платной подписки (пэйволл), пожертвований (донатов) и тому подобных мер. Наблюдается также снижение качества информации при росте ее количества, в угоду количеству и др.

Состояние «эпохи неопределенности», особенно после пандемии коронавируса COVID-19, делает крайне затруднительными прогнозы относительно последствий существенных изменений в медиасистеме. Оценивая ситуацию с разных сторон, исследователи сходятся во мнении, что результаты этих трансформаций будут неоднозначными. С одной стороны, медиа вынуждены повышать социальную ответственность в связи с реакцией общественности. С другой – либеральная экономика способствует коммерциализации любого контента, даже если он социально одобряем [9].

Пожалуй, единственным общим моментом в разнообразии мнений относительно текущего состояния медиасистемы является констатация ее кризиса. В частности, Мануэль Кастельс, испанский социолог и исследователь медиа, говорит о двух проявлениях данного кризиса [10]. Первой чертой является несостоятельность актуальных функционирующих бизнес-моделей средств массовой информации. Это вызывает беспокойство в научных кругах в основном потому, что интенсивное преследование экономических интересов собственников медиакорпораций наносит вред журналистике, понимаемой в научном дискурсе как социально значимый вид деятельности, осуществляемой во благо общества. Второй чертой является возникновение и обострение вопроса о пользе и необходимости традиционной журналистики сегодня. Вновь возникающие формы производства информации в социальных медиа способны достаточно эффективно удовлетворять запросы аудитории. Тем более что когнитивные способности аудитории, привыкшей к формам бытования информации в последние десятилетия, соответствуют, скорее, именно таким формам. Появившиеся не так давно журналистика участия, гражданская, публичная, народная журналистика и другие виды нетрадиционных способов сбора и оформления информации апеллируют к эмоциональной стороне ее потребителя и пренебрегают объективной методологией. Все это вкуче с негативными интеллектуальными последствиями распространения новых информационных технологий, демократизацией и коммерциализацией образования только лишь подрывает авторитет традиционных СМИ, наряду с авторитетом прочих социальных и политических институтов, а также снижает доверие к сложившимся ранее формам экспертизы. Такое явление уже получило название «кризиса экспертности» [11]. Кроме того, новые формы более удобны при мониторинге информационного поведения пользователей, что существенно при таргетировании и распространении контекстной рекламы, а также для манипулирования действиями потребителя.

Современная гибридная медиасистема, ориентированная на коммерциализацию контента, пытается реагировать одновременно на идеологический и социальный заказы. Первый исходит от интересантов и бенефициаров внедрения технологии в потребление (правительств и корпораций), второй – от аудитории. В результате интеллектуальные машины оказываются представленными в медиадискурсе весьма противоречиво.

Одним из примеров отражения этого сложного и неоднозначного образа интеллекта являются информационные материалы ЮНЕСКО, опубликованные для сопровождения разработки рекомендаций об этических аспектах искусственного интеллекта. Так, в частности, в этих материалах говорится, что «искусственный интеллект может оказать поддержку миллионам учащихся в получении полного среднего образования, обеспечить дополнительные 3,3 миллиона рабочих мест» [12], а также помочь в борьбе с последствиями пандемии COVID-19. Однако данная технология может быть одновременно опасной, поскольку «порождает также риски и вызовы, обусловленные злонамеренным использованием, а также углубляющимся неравенством между странами» [2].

Согласно данным ЮНЕСКО, к 2022 г. добавленная стоимость от использования технологии искусственного интеллекта предположительно составит около 4 трлн дол. США. К началу 2030-х гг. прогнозируется экономический рост в Китае и Северной Америке. Доля этих регионов и стран в глобальном воздействии интеллектуальных технологий составит 70 %. Вместе с тем в настоящее время наблюдается динамика распределения преимуществ от использования искусственного интеллекта согласно принципу «winner takes all» («победитель получает всё»). Данные процессы, по мнению специалистов ЮНЕСКО, требуют строгого регулирования. Иначе сосредоточение систем искусственного интеллекта в арсеналах всего нескольких стран с развитыми экономиками и высоким уровнем дохода населения может сильно отбросить развивающиеся страны назад в попытках догнать технологический прогресс. Как результат – отстающие в этой гонке страны не смогут воспользоваться возможностями передовых технологий или получают от них очень незначительную выгоду и, что более важно, не будут обладать правами собственности на такие технологии.

Помимо негативных экономических последствий развитие искусственного интеллекта уже провоцирует социальные последствия и способствует все большему увеличению гендерных разрывов. Так, по данным ЮНЕСКО, только 22 % специалистов по искусственному интеллекту являются женщинами. Из-за недостаточной представленности женщин в данной отрасли технологии искусственного интеллекта репродуцируют существующие гендерные предрассудки и стереотипы. Одним из примеров этого является неслучайный факт: такие виртуальные помощники как Сири (Siri), Алекса (Alexa), Кортана (Cortana) или Алиса в конфигурации по умолчанию являются «женщинами». «Подчинение, а иногда и покорность, которую они выражают, является примером того, как искусственный интеллект может (продолжать) распространять гендерные предрассудки в наших обществах», – говорится в комментарии ЮНЕСКО [12].

Результаты и обсуждение. Очевидно, что освещение такого противоречивого явления в медиа может сформировать сложный и неоднозначный образ в общественном сознании, что представляет научный интерес. Для изучения динамики репрезентации искусственного интеллекта в материалах СМИ было проведено практическое исследование с применением методов контент-анализа, дискурс-анализа и анализа документов. Эмпирическую базу составили материалы медиа, опубликованные в период с 2010-го по 2020 г., содержащие упоминания смысловых единиц, относящихся к исследуемой тематике. Медиа были разделены по формальному и технологическому критериям на три группы: пресса, телевидение, Интернет. В прессе и телевидении изучались как русскоязычные, так и зару-

бежные источники, в Интернете анализировался только русскоязычный сегмент. В результате были отобраны единицы анализа или наиболее часто встречающиеся в материалах по теме слова и словосочетания. В список вошли 23 единицы: искусственный интеллект, технология ИИ, алгоритмы, самообучающиеся алгоритмы, оптимизация, нейросети, автоматизация, самообучающиеся системы, роботы-помощники, нейронные сети, естественный язык, робототехника, машинное обучение, синтезированная речь, массив данных, разработка программного обеспечения, разработчики, данные нейросети, цифровые технологии, развитие высоких технологий, система интеллектуального распознавания, IT-специалисты, цифровая экономика. Были также определены контекстуальные рамки исследования, согласно которым упоминание единиц анализа учитывалось как положительное, отрицательное или нейтральное представление.

За изученный период во всех группах наблюдается общая динамика роста числа упоминаний. Так, в изученных интернет-медиа количество упоминаний единиц анализа в публикациях за десять лет выросло в сорок раз (с 319 в 2010 г. до 12813 в 2020 г.). В прессе пиковые периоды по количеству упоминаний пришлись на 2014 и 2017 гг., также рост наблюдался ближе к 2020 г. Телевидение стало больше уделять внимания теме искусственного интеллекта с 2018 г.

В качественном отношении положительная репрезентация интеллектуальных технологий более свойственна зарубежным источникам. В целом соотношение положительного/отрицательного контекста изменилось с начала десятилетия с 63/37 % до 52/48 %. К наиболее часто встречающимся упоминаниям в положительном контексте относились: повышение производительности труда, обработка большого объема информации, быстрота, отсутствие эмоций, способность выполнять рутинную работу, обучаемость, повышение эффективности труда, точность результатов, решение сложных задач, повышение качества, минимизация ошибок, повышение безопасности. В негативном контексте искусственный интеллект упоминался в следующих рамках: безработица, повышение требований работодателей, угроза для мира, способность привести к катастрофе, разработка оружия, использование против других стран, вред для окружающей среды, интеллектуальное превосходство над людьми, выход из-под контроля, вред для людей, зависимость от машин, тотальный контроль, неэтичность. В общих чертах можно сделать вывод о том, что на положительную динамику освещения искусственного интеллекта в медиа повлиял рост количества разработок, ориентированных на решение актуальных человеческих проблем. Это, например, лечение рака; изучение устройства сложных человеческих органов; разработка программ, способных улучшать коммуникативное взаимодействие. К последним можно отнести, например, игрушки, улучшающие отношения между родителями и ребенком, или даже алгоритмы, позволяющие продолжать коммуникативные связи родственников с близкими людьми, ушедшими из жизни. Негативный контекст освещения технологий искусственного интеллекта сформирован, скорее, как алармистский фон с призывами сохранять традиционные практики, в частности, в образовании.

На основании результатов анализа тем материалов в изученном временном периоде можно выделить несколько ключевых процессов, существенно повлиявших на характер и масштаб освещения технологии. К ним относятся:

– распространение big data и технологий аналитической обработки больших объемов информации;

- появление «умных» новостных лент в социальных сетях;
- масштабные инвестиции крупных мировых компаний в области использования роботов и искусственного интеллекта в 2014–2015 гг. Согласно исследованиям международной экономической активности инвестиции в различные технологические разработки, связанные с искусственным интеллектом, выросли с 2014 по 2017 г. в три раза и составили около 40 млрд дол. США. В 2018 г. объем мирового рынка технологических решений, разработанных на основе искусственного интеллекта, составил 21,5 млрд дол. США и, по прогнозам экспертов, к 2024 г. достигнет почти 140 млрд дол. США [13];
- признание к концу 2010-х гг. правительствами крупнейших мировых держав искусственного интеллекта одним из ключевых ресурсов, необходимых для достижения и удержания лидирующих позиций;
- утверждение программных и стратегических документов в области развития искусственного интеллекта крупнейшими международными организациями и правительствами национальных государств.

К началу третьего десятилетия XXI в. медиадискурс вокруг искусственного интеллекта расширился до такого состояния неопределенности, когда потребовались действия по установлению рамок развития данной технологии. К настоящему времени более полусотни мировых стран в том или ином виде разработали национальные стратегические документы, связанные с развитием искусственного интеллекта [14]. Первые шаги в этом направлении были сделаны в Российской Федерации с принятием Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. Согласно стратегии в «задачи развития искусственного интеллекта в России входят:

- поддержка научных исследований в целях обеспечения опережающего развития искусственного интеллекта;
- разработка и развитие программного обеспечения, в котором используются технологии искусственного интеллекта;
- повышение доступности и качества данных, необходимых для развития технологий искусственного интеллекта;
- повышение доступности аппаратного обеспечения, необходимого для решения задач в области искусственного интеллекта;
- повышение уровня обеспечения российского рынка технологий искусственного интеллекта квалифицированными кадрами и уровня информированности населения о возможных сферах использования таких технологий;
- создание комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта» [13].

К концу 2020 г. в ЮНЕСКО был разработан черновой вариант рекомендаций по этике искусственного интеллекта. В феврале 2021 г. о своем намерении разработать национальную стратегию в области интеллектуальных технологий заявило правительство США.

Заключение. Проведенное исследование выявило зависимость динамики освещения искусственного интеллекта от политической и экономической активности заинтересованных субъектов. Вместе с тем повышенный интерес к теме со стороны медиа потенциально провоцирует различные искажения представлений о научных достижениях в данной области и связанных с ними инновациях.

К началу третьего десятилетия XXI в. медиадискурс вокруг искусственного интеллекта расширился до такого состояния неопределенности, когда потребовались действия по установлению рамок развития данной технологии. Особое беспокойство вызывают нерешенные этические вопросы применения искусственного разума. Чувствительными остаются зоны несанкционированного или неуправляемого взаимодействия технологии с человеком, что может приводить к серьезным негативным последствиям. К настоящему времени более полусотни мировых стран в том или ином виде разработали национальные стратегические документы, связанные с развитием искусственного интеллекта. По всей видимости, в медиадискурсе в ближайшие годы также будут определяться нормативные и смысловые рамки освещения темы развития искусственного интеллекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // *Mind*. 1950. Vol. 59 (236). P. 433–460.
2. Searle J. R. Minds, brains, and programs // *Behavioral and Brain Sciences*. 1980. Vol. 3, no. 3. P. 417–424. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0140525X00005756>.
3. Deuze M., Witschge T. Beyond journalism: Theorizing the transformation of journalism // *Journalism*. 2018. Vol. 19, no. 2. P. 165–181. DOI: <https://doi.org/10.1177/1464884916688550>.
4. Siebert F. S., Peterson T., Schramm W. Four theories of the press: The authoritarian, libertarian, social responsibility, and Soviet communist concepts of what the press should be and do. Urbana: University of Illinois Press, 1963.
5. McQuail D. Mass communication theory: an introduction. 2nd ed. London: Sage Publications, 1987.
6. Luhmann N. Die Realität der Massenmedien. Wiesbaden: Sozialwissenschaften, GWV Fachverlage GmbH, 2004.
7. Колянов А. Ю. Профессиональная идентичность журналиста в условиях гибридной медиасистемы // *ДИСКУРС*. 2020. Т. 6, № 4. С. 62–72. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-4-62-72>.
8. Chadwick A. The Hybrid Media System: Politics and Power. Oxford: Oxford University Press, 2013. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199759477.001.0001>.
9. Alexander J. C. The Crisis of Journalism Reconsidered: Cultural Power // *Fudan J. of the Humanities and Social Sciences*. 2015. Vol. 8, iss. 1. P. 9–31. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40647-014-0056-5>.
10. Van der Haak B., Parks M., Castells M. The Future of Journalism: Networked Journalism Rethinking Journalism in the Networked Digital Age // *International J. of Communication*. 2012. Vol. 6. P. 2923–2938.
11. Eyal G. The Crisis of Expertise. Cambridge: Polity Press, 2019.
12. Elaboration of a Recommendation on the ethics of artificial intelligence // UNESCO. 2021. URL: <https://en.unesco.org/artificial-intelligence/ethics> (дата обращения: 30.05.2021).
13. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 30.05.2021).
14. The 2020 AI Strategy Landscape. 50 National Artificial Intelligence strategies shaping the future of humanity // *Holon IQ*. 2020. 20 Feb. URL: <https://www.holoniq.com/notes/50-national-ai-strategies-the-2020-ai-strategy-landscape/> (дата обращения: 30.05.2021).

Информация об авторе.

Колянов Алексей Юрьевич – кандидат политических наук (2007), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического

университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 27 научных публикаций. Сфера научных интересов: политическая философия, история политических учений, мировая политика, медиафилософия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0851-7878>. E-mail: aikolianov@etu.ru

REFERENCES

1. Turing, A.M. (1950), "Computing Machinery and Intelligence", *Mind*, vol. 59 (236), pp. 433–460.
2. Searle, J.R. (1980), "Minds, brains, and programs", *Behavioral and Brain Sciences*, vol. 3, no. 3, pp. 417–424. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0140525X00005756>.
3. Deuze, M. and Witschge, T. (2018), "Beyond journalism: Theorizing the transformation of journalism", *Journalism*, vol. 19, no. 2, pp. 165–181. DOI: <https://doi.org/10.1177/1464884916688550>.
4. Siebert, F.S., Peterson, T. and Schramm, W. (1963), *Four theories of the press: The authoritarian, libertarian, social responsibility, and Soviet communist concepts of what the press should be and do*, University of Illinois Press, Urbana, USA.
5. McQuail, D. (1987), *Mass communication theory: an introduction*, 2nd ed., Sage Publications, London, UK.
6. Luhmann, N. (2004), *Die Realität der Massenmedien*, Sozialwissenschaften I GWV Fachverlage GmbH, Wiesbaden, DEU.
7. Kolianov, A.Yu. (2020), "Professional Identity of Journalist in Hybrid Media System", *Discourse*, vol. 6, no. 4, pp. 62–72. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-4-62-72>.
8. Chadwick, A. (2013), *The Hybrid Media System: Politics and Power*, Oxford University Press, Oxford, UK. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199759477.001.0001>.
9. Alexander, J.C. (2015), "The Crisis of Journalism Reconsidered: Cultural Power", *Fudan J. of the Humanities and Social Sciences*, vol. 8, iss. 1, pp. 9–31. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40647-014-0056-5>.
10. Van der Haak, B., Parks, M. and Castells, M. (2012), "The Future of Journalism: Networked Journalism Rethinking Journalism in the Networked Digital Age", *International J. of Communication*, vol. 6, pp. 2923–2938.
11. Eyal, G. (2019), *The Crisis of Expertise*, Polity Press, Cambridge, UK.
12. "Elaboration of a Recommendation on the ethics of artificial intelligence" (2021), UNESCO, available at: <https://en.unesco.org/artificial-intelligence/ethics> (accessed 30.05.2021).
13. *Decree of the President of the Russian Federation no. 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation"*, 10 Oct. 2019, available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (accessed 30.05.2021).
14. "The 2020 AI Strategy Landscape. 50 National Artificial Intelligence strategies shaping the future of humanity" (2020), *Holon IQ*, 20 Feb, available at: <https://www.holoniq.com/notes/50-national-ai-strategies-the-2020-ai-strategy-landscape/> (accessed 30.05.2021).

Information about the author.

Alexey Yu. Kolianov – Can. Sci. (Policy) (2007), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 27 scientific publications. Area of expertise: political philosophy, history of political doctrine, world politics, media philosophy. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0851-7878>. E-mail: aikolianov@etu.ru

Социологический дискурс-анализ концепции «китайская мечта»

Н. Б. Помозова[✉]

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

[✉]npomozova@mail.ru

Введение. Сегодня Китай и его внешнеполитические приоритеты во многом определяют глобальную международную политику. КНР является одним из основных партнеров России. Необходимость понимать смыслы, порой неочевидные, которые руководство Китая закладывает в свои главные политические концепции, обуславливает актуальность данного исследования. Активизация внешней политики потребовала от руководства Китая соответствующего дискурса, оформленного во внешнеполитические концепции глобального масштаба. Одной из таких концепций стала «китайская мечта», смысловое наполнение которой в первом приближении противопоставлено «американской мечте». Если в «американской мечте» во главу угла ставятся интересы индивида, его благосостояние, то в случае с «китайской мечтой», наоборот, на вершине пирамиды ценностей стоят интересы государства, затем общества и только потом человека.

Методология и источники. Методологической основой является социологический дискурс-анализ, сочетаемый с рефлексивной социологией, посредством которых автор стремится расширить интерпретацию «китайской мечты» и выявить ее дополнительные, неочевидные смыслы. Эмпирическую базу составила выборка прямых речей руководителей Китая (Цзян Цзэминя, Ху Цзиньтао, Си Цзиньпина), их выступлений на съездах КПК. В качестве теоретической основы были использованы труды А. Гоулдера, З. Баумана, М. Фуко. Были также проанализированы некоторые теоретические труды одного из авторов концепции «китайская мечта» Ли Цзюньжу. В контексте метода рефлексивной социологии были изучены и приведены его биографические данные.

Результаты и обсуждение. В статье с позиции социологического дискурс-анализа и рефлексивной социологии исследуется контекст концепции «китайской мечты» на материале публикаций одного из ее авторов (Ли Цзюньжу) и выступлений Председателей КНР на съездах Компартии Китая, употреблявших данную формулировку в своих речах. В исследовании на основании биографических фактов Ли Цзюньжу показана социально-политическая рефлексия, в результате которой была сформулирована рассматриваемая концепция. Академический бэкграунд и опыт работы с китайцами, проживающими за рубежом, способствовали теоретической разработке концепции, которая в первом приближении несет нагрузку привлекательной национальной идеи по типу «американской мечты».

Заключение. Дискурсивный анализ выявляет и более широкое смысловое наполнение концепции, которое распространяется на внешнеполитический курс Китая и на его видение современной системы международных отношений. Выстраивая диалог с Китаем, предлагается учитывать и этот смысловой конструкт, заключенный в концепцию.

Ключевые слова: китайская мечта, социологический дискурс-анализ, Китай, Ли Цзюньжу, Си Цзиньпин, рефлексивная социология политики.

© Помозова Н. Б., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Помозова Н. Б. Социологический дискурс-анализ концепции «китайская мечта» // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 4. С. 68–78. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-68-78

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 21.05.2021; принята после рецензирования 17.06.2021; опубликована онлайн 24.09.2021

Sociological Discourse-Analysis of the “Chinese Dream” Concept

Natalia B. Pomozova✉

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

✉ npomozova@mail.ru

Introduction. Today, China and its foreign policy priorities largely determine global international politics. The PRC is one of the main partners of Russia. The need to understand the meanings that the Chinese leadership lays in its main political concepts determines the relevance of this study. The intensification of foreign policy demanded from the Chinese leadership an appropriate discourse, formalized in foreign policy concepts of a global scale. One of these concepts is the “Chinese Dream”. Its semantic content, at a first approximation, is opposed to the “American Dream”. If in the “American Dream” the interests of the individual and his/her well-being are at the forefront, then in the case of the “Chinese Dream”, on the contrary, at the top of the pyramid of values are the interests of the state, then society, and only then the individual.

Methodology and sources. The methodological basis is sociological discourse analysis, combined with reflexive sociology, through which the author aims to expand the interpretation of the “Chinese dream” and reveal its additional, not obvious meanings. The empirical base was a sample of direct speeches by the leaders of China (Jiang Zemin, Hu Jintao, Xi Jinping) and their speeches at the CPC congresses. The works of Alvin Gouldner, Zygmunt Bauman, Michel Foucault were used as a theoretical basis. The author also analyzed some theoretical works of one of the main authors of the concept of the “Chinese dream” Li Junzhu, and in the context of the method of reflective sociology were studied and presented his biographical data.

Results and discussion. From the standpoint of sociological discourse analysis and reflexive sociology, the article examines the context of the concept of the “Chinese dream” based on the publications of one of its authors Li Junzhu and the speeches of the PRC Presidents at the congresses of the Communist Party of China who used this formulation in their speeches. In the study, based on biographical facts, Li Junzhu shows socio-political reflection, as a result of which the concept under consideration was formulated. The academic background and experience of working with Chinese living abroad contributed to the theoretical development of the concept, which, as a first approximation, bears the load of an attractive national idea of the “American Dream” type.

Conclusion. Discourse analysis also reveals a broader semantic content of the concept, which extends to China’s foreign policy and its vision of the system of international relations. When building a dialogue with China, it is useful to take into account this semantic construct, which is contained in the considered concept.

Key words: Chinese dream, sociological discourse analysis, China, Li Junzhu, Xi Jinping, reflexive political sociology.

For citation: Pomozova N. B. Sociological Discourse-Analysis of the “Chinese Dream” Concept. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 4, pp. 68–78. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-68-78 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 21.05.2021; adopted after review 17.06.2021; published online 24.09.2021

Введение. Китай является одним из основных партнеров России на международной арене. Учитывая постоянно повышающийся градус конфронтации США как с КНР, так и с Россией, сближение двух государств увеличивается. Однако в России критически не хватает профессиональной экспертизы, в том числе в области социологии политики, которая могла бы расширить наше представление о Китае, позволила бы более точно делать прогнозы и выстраивать двусторонние отношения, основанные не только на взаимном доверии, но и на научном знании.

Одной из основных тенденций международных отношений в XXI в. стало бурное развитие Азии и в первую очередь Китая. Усиление страны фактически во всех областях потребовало от ее руководства переосмысления роли КНР в мире и формулировки соответствующих ее статусу и амбициям внешнеполитических концепций. Эволюция международного дискурса от Дэн Сяопина и формулы «скрывать свои возможности и держаться в тени» привела к его значительной активизации с приходом к власти Си Цзиньпина, с которым принято ассоциировать целый ряд глобальных концепций. Одной из них является концепция «китайской мечты», изначально ориентированная на внутреннюю, китайскую аудиторию. Широко обсуждаемая в западном научном и экспертном сообществе, она часто представляется как некая модификация «американской мечты», ее рефлексивное переосмысление, и наделяется китайской спецификой. Такое сравнение действительно может выявить некоторые смысловые конструкторы, заложенные в концепцию.

С одной стороны, в Китае выросло несколько поколений, для которых Америка с ее экономическим уровнем развития и пропагандируемыми равными возможностями для каждого представляла некий идеал. Логично предположить, что авторы «китайской мечты», учитывая соперничество КНР с США за лидерство в системе международных отношений, взяли за основу американскую концепцию и вследствие собственной рефлексии переосмыслили ее. Действительно, если субъект «американской мечты» – это человек и его индивидуальное счастье, неограниченные возможности для экономического благополучия, то на вершине иерархии ценностей «китайской мечты» находится сильное государство, затем процветающее общество и лишь потом – человек с его потребностями и стремлением к счастью. Иными словами, воплощение «китайской мечты» не мыслится без государства, но при этом существует и обратная связь: государство работает на благо общества и, в конечном итоге, человека.

Такой подход к интерпретации «китайской мечты» лежит на поверхности. Однако при анализе внешнеполитических концепций Китая было бы недальновидно опираться на поверхностные смыслы, пренебрегая другими факторами, такими, как, например, социологическая рефлексия интеллектуальной и политической элиты КНР, оказывающая колоссальное влияние, в том числе на ее внешнеполитический дискурс. Гипотеза исследования состоит в том, что восприятие данной концепции как переосмысленной и наделенной так называемой китайской спецификой «американской мечты» однобоко и ограничено. Такое понимание, присущее западному экспертному сообществу, ведет к восприятию концепции как вызова не только либеральным ценностям, но и дискурсивному лидерству США.

Данное исследование ставит своей целью на основании биографических фактов одного из авторов «китайской мечты» выявить социально-политическую рефлексивность, вследствие которой концепция была наделена дополнительными смыслами, что подтверждается и в результате применения социологического метода дискурс-анализа.

Методология и источники. Американский социолог А. Гоулднер полагает, что современные социологические теории непременно должны учитывать вовлеченность акторов в реальный социальный мир, что возможно только в рамках рефлексивной социологии [1]. Кроме того, социологическая рефлексия позволяет акторам понимать «текучие» (З. Бауман) обстоятельства и в соответствии с ними менять дискурс. В данном случае дискурс китайских ученых и политиков определяется в том числе тем, каков Китай сегодня и как он себя изучает и понимает [2]. Дискурс этот начал претерпевать изменения еще в 90-е гг. XX в., когда на фоне динамичного социально-экономического развития Китая появился общественный запрос на изменение позиционирования страны на международной арене.

В современных социально-политических науках дискурс представляет собой один из основных объектов и предметов исследования. Данная тенденция обусловлена тем, что акторы в процессе коммуникации выражают свои мысли, намерения, планы, смыслы в виде высказываний, которые в конечном итоге являются текстом. Развитие концепции, в основе которой лежит подход М. Фуко [3], предполагает также наблюдение и анализ невысказанного, которое оказывает значительное влияние на то, что высказывается вслух, т. е. собственно дискурс. Работы М. Фуко давно анализируются китайскими научными и экспертными кругами. И хотя их трактовка в основном сводится к пониманию дискурса как инструмента информационной войны или «мягкой силы», можно констатировать, что в Китае на протяжении нескольких лет идет работа по осмыслению западных социально-политических теорий, и нарратив М. Фуко занимает в данном контексте особое место, что находит отражение в том числе в официальных документах.

Среди российских ученых, занимающихся проблемой современного дискурса КНР, можно выделить И. Е. Денисова, И. Ю. Зуенко, Н. В. Литвака. Однако очевидно, что данная тема не проработана в достаточной мере и нуждается в дополнительных исследованиях.

Результаты и обсуждение. Начиная с 2013 г., когда страну возглавил Си Цзиньпин, произошла значительная активизация внешнеполитического дискурса Китая – в него был интегрирован ряд концепций, которые определяют современную международную политику КНР, и одной из основных таких концепций стала «китайская мечта».

Словосочетание «китайская мечта» неоднократно употреблялось представителями экспертных кругов и интеллектуальной элиты Китая в новейшее время (см. Чжао Тинъян «Американская мечта, европейская мечта и китайская мечта» [4]; Чжоу Нин «До создания привлекательного образа “китайской мечты” предстоит проделать долгий путь» [5] и др.), еще до того, как оно официально стало одной из основных глобальных политических концепций КНР. Хотя некоторые исследователи справедливо видят в самой идее конфуцианское наследие, а одним из главных авторов концепции «китайской мечты» в ее современном понимании, ориентированной как на внутреннюю аудиторию в качестве объединяющего инструмента по сплочению народа Китая, так и на международное сообщество, считается член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ван Хунин, однако проректор Высшей партийной школы ЦК КПК Ли Цзюньжу также, очевидно, внес в ее теоретическую разработку весомый вклад.

Уроженец Шанхая (р. 1947 г.), в 1972 г. он окончил факультет политической истории Шанхайского педагогического университета. На протяжении академической карьеры работал заместителем декана философского факультета Шанхайской академии социальных

наук, руководил Центром исследований теории Мао Цзэдуна и Центром исследований теории Дэн Сяопина, являлся вице-президентом Китайского общества исследований в области прав человека, исполнительным директором Китайского общества по изучению марксистской философии, вице-президентом Национальной ассоциации исследований теории Дэн Сяопина, курировал вопросы международных межкультурных обменов, являлся заместителем председателя Форума реформ и открытости. Кульминацией его карьеры можно считать работу в Высшей партийной школе ЦК КПК – сначала в качестве заместителя руководителя Бюро истории партии, затем – бюро теории пропаганды, и, наконец, в должности проректора. В апреле 2009 г. он был избран председателем Федерации китайцев, проживающих за рубежом, – агентства, находящегося под непосредственным контролем ЦК КПК [6].

В статье «Разъяснение “китайской мечты”, проектирование китайской дороги», опубликованной в 2011 г. [7], Ли Цзюньжу, как и Чжао Тинъян, связывает концепцию «китайской мечты» с процессом модернизации, делая при этом упор на необходимость выработки собственного пути развития. Ли Цзюньжу видит осуществление «китайской мечты» неотрывным от великого возрождения китайской нации, что весьма близко к современной трактовке концепции. В тексте статьи автор употребляет следующие ключевые слова и выражения: китайская мечта / чжунго мэн (9), путь мирного развития / хэпин фачжань даолу (3), модернизация/сяньдайхуа (7), китайский путь / чжунго даолу (7), мирное возвышение / хэпин цзюэци (2), цивилизация/вэньмин (8), великое возрождение китайской нации / чжунхуа миньцзу дэ вэйда фусин (3).

В 2013 г. вышло несколько статей Ли Цзюньжу, посвященных разъяснению различных аспектов смыслового наполнения глобальной концепции «китайской мечты». Мыслитель теоретизировал на тему соотношения концепции с политикой реформ и открытости [8], с китайской трактовкой теорий Маркса [9], о смысловом наполнении, коннотации и диалектической логике «китайской мечты» [10]. В 2014 г. была опубликована книга авторства Ли Цзюньжу «“Китайская мечта”, что это за мечта», в основу которой лег массив исследований Китайского фонда общественных наук [11]. В 2015 г. автор продолжил глубоко исследовать тему, что привело к появлению целого ряда публикаций, посвященных исследуемой концепции.

Однако особый интерес представляет вышедшая 11 сентября 2013 г. статья Ли Цзюньжу под названием «“Китайская мечта”, мечта китайского народа о правах человека» [12]. Автор пишет, что «китайская мечта» – это, в частности, мечта о правах человека, которая объединяет достоинство государства, народа и каждого гражданина. Такой подход явно перекликается с градацией сердцевинных социалистических ценностных воззрений (от большого к малому, от государства к человеку), представленных Ху Цзиньтао в 2012 г. на XVIII съезде КПК [13]. Для автора статьи понятие прав человека неразрывно связано с понятием достоинства. Он подчеркивает, что в тесной взаимосвязи существуют права индивидуальные и коллективные. Основными индивидуальными правами являются право на жизнь и право на развитие, которые невозможно обеспечить без процесса модернизации Китая. Другими словами, по мнению автора, право на жизнь фактически заключается в реализации права на средства к существованию. Именно в обеспечении реализации этого ключевого права и заключается задача государства, что и лежит в основе «мечты о вели-

ком возрождении китайской нации». В статье использованы следующие наиболее важные слова и выражения: достоинство/цзюньень (26), национальное достоинство / миньцзу цзюньень (4), возрождение/фусин (17), китайская мечта / чжунго мэн (21), мечта о правах человека / жэньцюаньмэн (8), модернизация/сяньдайхуа (14), права человека /жэньцюань (35), коллективные права / цзити цюаньли (4), развитие/фачжань (56), мирное развитие / хэпин фачжань (3), социализм/шэхуэйчжуи (3).

Анализ дискурса одного из авторов концепции «китайской мечты» показывает, что Ли Цзюньжу видит ее как одну из определяющих политических концепций современного Китая, неразрывно связанную с «великим возрождением китайской нации». Опыт работы с так называемыми хуацяо – китайцами, проживающими за рубежом, – а также научные интересы в области теоретической разработки концепта прав человека обеспечили соответствующую социологическую рефлексию, в результате которой «китайская мечта» видится автором как право на обеспечение материального благополучия, которое напрямую связано с модернизацией и, как следствие, экономическим ростом Китая. В этом смысле при наличии существенных различий она все же перекликается с «американской мечтой».

В преамбуле к своему докладу на XVI съезде ЦК КПК 19 ноября 2002 г. Председатель КНР Цзян Цзэминь отмечал: «Осуществить великое возрождение китайской нации на пути социализма с китайской спецификой. Такова та торжественная миссия, которую возлагают на нашу партию история и эпоха» [14]. «Великое возрождение китайской нации» во второй раз звучало в докладе рядом с «великим делом объединения родины», что является одним из «коренных интересов» Китая. Завершался доклад еще одним упоминанием о «великом возрождении китайской нации», для которого «открылись светлые перспективы».

В докладе на XVII съезде ЦК КПК 2007 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао дважды использовал словосочетание «великое возрождение китайской нации»: один раз в качестве конечной цели политики реформ и открытости, а второй – в контексте «процветания и подъема китайской культуры», которым «оно неизбежно сопровождается» [15], а спустя пять лет, в 2012 г., в докладе на XVIII съезде Ху Цзиньтао употребил слова «великое возрождение китайской нации» 9 раз и один раз – «возрождение страны» [16].

29 ноября 2012 г. после осмотра экспозиции «Дорога к возрождению» в музее, посвященном истории Китайской Народной Республики после окончания Опиумных войн, недавно вступивший в должность Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпин произнес короткую речь, где впервые прозвучала концепция «китайской мечты». В начале выступления генсек метафорично охарактеризовал прошлое Китая, связанное с агрессией западных стран, назвав его «путь, прегражденный металлической стеной» («an impregnable pass like a wall of iron»). Настоящее Китая Си Цзиньпин охарактеризовал фразой «Правильный путь человечества приносит большие изменения» («The right human way brings great changes»), а будущее – «Придет время обуздать ветер и кататься на волнах» («A time will come to brave the wind and ride the waves»). В выступлении наиболее часто встречаются следующие ключевые слова и словосочетания: возрождение китайской нации / rejuvenation of the Chinese nation (8), путь/path (4), Китай/China (3), китайский/Chinese (23), судьба/destiny (4), партия/Party (6), поколение/generation (4), социалистическая страна / Socialist country (1), социализм с китайской спецификой / Socialism with Chinese characteristics (1) [17].

Концепция «великого возрождения китайской нации», присутствовавшая в дискурсе третьего и четвертого поколений китайских руководителей, была рассчитана на внутреннюю аудиторию, в то время как смысловое наполнение «китайской мечты» отвечает и внешним целям. Одним из таких внешних измерений является ее ориентация на китайцев, проживающих за рубежом. В результате социологической рефлексии Ли Цзюньжу (научные интересы в области прав человека, а также взаимодействие с хуацяо) одним из центральных понятий, заложенных в концепцию, стало понятие «достоинство», очевидно, важное для восприятия концепции за пределами Китая.

В докладе Си Цзиньпина на XIX съезде КПК концепция «китайской мечты» заняла одно из центральных мест, и слово «мечта» прозвучало 10 раз. Были употреблены также следующие важные для понимания смысловых горизонтов «китайской мечты» слова и словосочетания: социализм с китайской спецификой (7), новая эпоха (25), возрождение китайской нации (6), миссия (4), судьба (14), «Сообщество единой судьбы человечества» (2), мирное развитие (7), дипломатия великой державы (2), мягкая сила (3), демократия, демократический (58), политика реформ и открытости (9), «Один пояс и один путь» (5), «Одна страна – два строя» (9).

В XVIII, последнем, разделе доклада под названием «Непоколебимо всесторонне устрождать внутривластное управление, постоянно наращивать потенциал партии в отправлении власти и повышать уровень ее руководства» генсек ЦК КПК делает акцент на смысловом наполнении концепции: «Китайская мечта – это мечта историческая, мечта современная, а также и мечта будущих поколений, она принадлежит нам – этому поколению, но более всего она принадлежит молодому поколению». Он подчеркивает тесную связь «китайской мечты» с социализмом с китайской спецификой как единственной приемлемой для Китая системой политического управления: «Социализм с китайской спецификой и китайская мечта глубоко укоренились в сознании людей». Си Цзиньпин завершает свой доклад призывом к китайскому народу сплотиться вокруг ЦК КПК «...за осуществление китайской мечты о великом возрождении китайской нации, за реализацию мечты народа о прекрасной жизни» [18].

Концепция закреплена в Уставе Коммунистической партии Китая, начиная с 2017 г., где она упоминается трижды неотъемлемо от КПК, социализма с китайской спецификой, идей Си Цзиньпина [19]. В преамбуле к Конституции не содержится прямого упоминания о данной концепции, однако говорится о намерении «реализации цели великого возрождения китайской нации», которое с ней неразрывно связано [20]. Данные факты свидетельствуют о фундаментальном значении концепции в политике Китая.

В многовекторном противостоянии Китая и США, которое во многом оказывает влияние на международную ситуацию, идет борьба, в частности, за дискурс. Обвинения со стороны Вашингтона в адрес Пекина в ревизионизме получили дополнительный импульс с того момента, как «китайская мечта» сначала была оглашена Си Цзиньпином в 2012 г., а затем была закреплена в Уставе Компартии КПК. Несмотря на заверения китайских официальных лиц и представителей экспертных кругов о том, что концепция лишена амбиций на универсальность, применима лишь для Китая с учетом его исторических, культурных и социальных особенностей и намерена сосуществовать с национальными идеями других стран, западной элитой она воспринимается в ином ключе. Они видят в «китайской мечте»

вызов ценностям и демократии западного образца. С таким пониманием согласны и представители российского научно-экспертного сообщества, которые видят в отношении к «народу, как к основе», о чем Председатель КНР Си Цзиньпин упомянул в 2014 г. на 13-й коллективной учебе Политбюро ЦК КПК, «китайскую альтернативу западной модели демократии» [6, с. 137].

Заключение. Дискурсивный анализ работ одного из авторов концепции «китайской мечты» Ли Цзюньжу выявил частое использование таких слов, как развитие/фачжань, модернизация/сяньдайхуа, достоинство/цзюньень. Автор многочисленных статей, посвященных разработке данной концепции, Ли Цзюньжу видит ее в сочетании с «великим возрождением китайской нации», соблюдением коллективных и частных прав человека. Тема прав человека, которую Ли поднимает в контексте «китайской мечты», представляет собой одну из наиболее острых точек в дискурсивном противостоянии Китая и Запада. Пекин подвергается регулярным нападкам со стороны политической и экспертной западной элиты в связи с нарушением человеческих прав и свобод и действиями, не совместимыми с демократией западного образца. И хотя в процессе информационной войны часто звучат откровенно спекулятивные заявления, а в ее основе лежит, очевидно, разное понимание человеческих прав, «текучая» действительность (по З. Бауману) способствует изменению китайского внешнеполитического дискурса, который является не только объектом, инструментом «мягкой силы», но и сам способен оказывать влияние на акторов (по М. Фуко). Опыт работы руководителем Федерации китайцев, проживающих за рубежом, обеспечил соответствующую социологическую рефлексию, в результате которой и права человека стали обязательным компонентом концепции, и сама концепция национальной мечты была переосмыслена, приобрела «китайское измерение» и стала ориентироваться и на внешнюю аудиторию, в том числе на китайцев, проживающих за рубежом, которые традиционно представляют собой важный инструмент «мягкой силы» Китая.

Прозвучавшее в 2002 г. в докладе Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК, а затем в 2007 г. в докладе Ху Цзиньтао на XVII съезде словосочетание «великое возрождение китайской нации», тесно связанное с «китайской мечтой», подготовило почву для внедрения исследуемой концепции в официальный дискурс в 2012 г. Анализ речи Председателя КНР Си Цзиньпина, в которой впервые прозвучала концепция, показывает, что изначально она была ориентирована на внутреннюю китайскую аудиторию в качестве консолидирующей национальной идеи (хотя ее теоретическое осмысление еще до 2012 г. выходило за эти рамки). Дискурс-анализ выступления Си Цзиньпина на XIX съезде продемонстрировал второе, внешнее, измерение «китайской мечты», которая упоминалась уже наряду с другими важнейшими внешнеполитическими концепциями современного Китая – «Одного пояса, одного пути» и «Сообщества единой судьбы человечества». Таким образом, распространенное на Западе мнение о том, что «американская мечта» была переосмыслена китайскими теоретиками и отличия двух концепций сводятся к дихотомиям «индивидуальное – коллективное», «человек – государство» и даже «демократия – автократия», представляется ограниченным.

«Китайская мечта», в основе которой лежат сердцевинные социалистические ценностные воззрения, тем не менее выходит за пределы внутренней аудитории, она распространяется в том числе на восприятие Китаем не только самого себя, но и системы между-

народных отношений в целом и его роли в ней. Однако пока нет точного понимания того, насколько она применима в качестве ценностного ориентира для других стран и сможет ли концепция стать привлекательной за пределами Китая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гоулднер А. У. Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003.
2. Litvak N. V., Pomozova N. B. Chinese Diplomatic Discourse for Europe: A Change of Style // *Russia in Global Affairs*. 2021. Vol. 19, no. 1. P. 50–69.
3. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996.
4. Чжао Тинъян. Американская мечта, европейская мечта и китайская мечта. 2014. URL: <https://ptext.nju.edu.cn/c1/89/c13428a246153/page.htm> (дата обращения: 13.04.2021).
5. Чжоу Нин. До создания привлекательного образа «китайской мечты» предстоит проделать долгий путь. 2009. URL: <http://www.aisixiang.com/data/24657.html> (дата обращения: 13.04.2021).
6. Крушинский А. А., Ломанов А. В., Переломов Л. С. «Китайская мечта» и категории традиционной китайской мысли // *Проблемы Дальнего Востока*. 2015. № 5. С. 135–148.
7. Ли Цзюньжу. Разъяснение «китайской мечты», проектирование китайской дороги. 2011. URL: <http://www.aisixiang.com/data/41790.html> (дата обращения: 13.04.2021).
8. Ли Цзюньжу. О «китайской мечте», политике реформ и открытости. 2013. URL: <http://www.chiba18650.com/data/64348.html> (дата обращения: 12.04.2021).
9. Ли Цзюньжу. «Китайская мечта» и марксистский Китай. 2013. URL: <http://www.aisixiang.com/data/68921-2.html> (дата обращения: 12.04.2021).
10. Ли Цзюньжу. Смысл, коннотация и диалектическая логика «китайской мечты». 2013. URL: <http://www.chiba18650.com/data/69229.html> (дата обращения: 12.04.2021).
11. Ли Цзюньжу. «Китайская мечта», что это за мечта. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014.
12. Ли Цзюньжу. «Китайская мечта». Мечта китайского народа о правах человека. 2014. URL: http://www.humanrights.cn/html/2014/4_1128/3337.html (дата обращения: 12.04.2021).
13. Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде Коммунистической Партии Китая // *Китай: реалии и перспективы*. URL: <http://ua.chineseembassy.org/rus/zggk/18dzt/P020121228789374643581.pdf> (дата обращения: 12.04.2021).
14. Доклад Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК // *Китайский информационный Интернет-центр*. 2002. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/50838.htm> (дата обращения: 12.04.2021).
15. Доклад Ху Цзиньтао на 17-м съезде КПК. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930_26.htm (дата обращения: 12.04.2021).
16. Полный текст доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК // 18-й Всекитайский съезд КПК. 2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023977.html> (дата обращения: 12.04.2021).
17. Xi Jinping. Speech at «The Road to Rejuvenation» // *China Copyright and Media*. 2014. URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2012/11/29/speech-at-the-road-to-rejuvenation/> (дата обращения: 22.04.2021).
18. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК // 19-й Всекитайский съезд КПК. 2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 19.04.2021).
19. Полный текст Устава КПК, принятого с частичными поправками 19-м Всекитайским съездом КПК // 19-й Всекитайский съезд КПК. 2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726536.htm (дата обращения: 19.04.2021).

20. Конституция КНР // Chinalaw Center. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 19.04.2021).

Информация об авторе.

Помозова Наталья Борисовна – кандидат социологических наук (2012), доцент кафедры Современного Востока Российского государственного гуманитарного университета, Миусская пл., д. 6, Москва, 125993, Россия. Автор 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология политики, международные отношения, российско-китайские отношения. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9981-0593>. E-mail: npomozova@mail.ru

REFERENCES

1. Gouldner, A.W. (2003), *Nastupayushchii krizis zapadnoi sotsiologii* [The Coming Crisis of Western Sociology], Nauka, SPb., RUS.
2. Litvak, N.V. and Pomozova, N.B. (2021), "Chinese Diplomatic Discourse for Europe: A Change of Style", *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no. 1, pp. 50–69.
3. Foucault, M. (1996), *Volya k istine: po tu storonu znaniya vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of different years], Transl. by Tabachnikova, S., Kastal', Moscow, RUS.
4. Zhao, Tingyang (2014), *American Dream, European Dream, and Chinese Dream* [Meiguo meng, ouzhou meng he zhongguo meng], available at: <https://ptext.nju.edu.cn/c1/89/c13428a246153/page.htm> (accessed 13.04.2021).
5. Zhou, Ning (2009), *A long way to go in creating the "Chinese Dream"* [Dazao "zhongguo meng" ganzhao liren zhongdaoyuan], available at: <http://www.aisixiang.com/data/24657.html/> (accessed 13.04.2021).
6. Krushinskii, A.A., Lomanov, A.V., and Perelomov, L.S. (2015), ""Chinese Dream" and Categories of Traditional Chinese Thought", *Far Eastern Affairs*, no. 5, pp. 135–148.
7. Li, Junru (2011), *Explaining the "Chinese Dream", designing a Chinese road* [Chanshi zhongguo meng sheji zhongguo daolu], available at: <http://www.aisixiang.com/data/41790.html> (accessed 13.04.2021).
8. Li, Junru (2013), *About the Chinese dream, the policy of reform and opening up* [Lun zhongguo meng yu gaige kaifang], available at: <http://www.chiba18650.com/data/64348.html> (accessed 12.04.2021).
9. Li, Junru (2013), *The Chinese Dream and Marxist China* [Zhongguo meng yu Makesi zhuyi Zhongguo], available at: <http://www.aisixiang.com/data/68921-2.html> (accessed 12.04.2021).
10. Li, Junru (2013), *Meaning, connotation and dialectical logic of the Chinese dream* [Zhongguo meng de yiyi, nei han, ji bianzheng luoji], available at: <http://www.chiba18650.com/data/69229.html>. (accessed 12.04.2021).
11. Li, Junru (2014), *"The Chinese Dream", what is this dream* [Zhongguo meng, shenme meng], Foreign Languages Press, Pekin, China.
12. Li Junru (2014), *"Chinese Dream". The Chinese People's Dream of Human Rights*, available at: http://www.humanrights.cn/html/2014/4_1128/3337.html (accessed 12.04.2021).
13. "Hu Jintao's Report of the 17th CPC Central Committee", *Kitai: realii i perspektivy* [China: realities and prospects], available at: <http://ua.chineseembassy.org/rus/zggk/18dzt/P020121228789374643581.pdf> (accessed 12.04.2021).
14. "Jiang Zemin's Report at the 16th CPC National Congress (2002)", *Kitaiskii informatsionnyi Internet-tsentr* [China Internet Information Center], available at: <http://russian.china.org.cn/russian/50838.htm> (accessed 12.04.2021).
15. *Hu Jintao's Report at the 17th CPC Congress*, available at: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930_26.htm (accessed 12.04.2021).

16. "Full text of Hu Jintao's report at the 18th CPC Congress" (2012), *18-i Vsekitaiskii s'ezd KPK* [18th CPC Congress], available at: <http://russian.people.com.cn/31521/8023977.html> (accessed 12.04.2021).

17. Xi, Jinping (2014), "Speech at "The Road to Rejuvenation"", *China Copyright and Media*, available at: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2012/11/29/speech-at-the-road-to-rejuvenation/> (accessed 22.04.2021).

18. "Full text of Xi Jinping's Report at the 19th CPC Congress" (2017), *19-i Vsekitaiskii s'ezd KPK* [19th CPC Congress], available at: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm/ (accessed 19.04.2021).

19. "Full Text of the CCP Charter, Adopted with Partial Amendments by the 19th National Congress of the CPC" (2017), *19-i Vsekitaiskii s'ezd KPK* [19th CPC Congress], available at: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726536.htm (accessed 19.04.2021).

20. "Constitution of the PRC", *Chinalaw Center*, available at: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (accessed 19.04.2021).

Information about the author.

Natalia B. Pomozova – Can. Sci. (Sociology) (2012), Associate Professor at the Department of Contemporary East, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya sq., Moscow 125993, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: sociology of politics, international relations, Russian-Chinese relations. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9981-0593>. E-mail: npomozova@mail.ru

Фейки о коронавирусе: коммуникативные технологии конструирования ложных сообщений

В. В. Василькова[✉], П. А. Трекин

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

[✉]v.vasilkova@spbu.ru

Введение. Интерес к проблеме ложных (фейковых) новостей значительно возрос в ситуации пандемии коронавируса, когда потоки ложной информации рассматриваются как препятствие для реализации мер по борьбе с самой пандемией и ее последствиями. Авторы ставят задачу изучить работы, посвященные анализу конструирования и распознавания ложных новостей о COVID-19, уделяя особое внимание процедурам фактчекинга – проверки достоверности сведений, содержащихся в сообщении. Новизна авторского подхода заключается в использовании содержательного анализа фактчекингового ресурса для выявления коммуникативных технологий конструирования фейковых новостей о коронавирусе.

Методология и источники. В качестве теоретической рамки была использована информационная модель коммуникации К. Шеннона, структурирующая коммуникацию как процесс передачи информации и фиксирующая возможность шумов (искажений) на различных участках этого процесса. Эмпирической базой исследования послужил фактчекинговый ресурс, специализирующийся на выявлении фейков о коронавирусе (рассмотрено 47 единиц анализа за период с марта по май 2020 г.).

Результаты и обсуждение. В результате исследования были идентифицированы конкретные коммуникативные технологии целенаправленного конструирования ложных новостей – искажения в канале коммуникации, искажения в коде (содержании) сообщения, искажения в источнике сообщения. Также были выявлены типы искажений, связанные с содержанием коммуникации – основанные на создании ложного контента, перекодировании информации (придании ей новой интерпретации), редактировании оригинала. Были зафиксированы различная частотность применения этих технологий для данного объема единиц анализа, преобладание технологии искажения канала коммуникации.

Заключение. Авторы делают вывод о важности и актуальности темы конструирования фейковых новостей в ситуации продолжающейся пандемии COVID-19, демонстрируют продуктивность использования фактчекинговых ресурсов для выявления различных коммуникативных технологий конструирования ложных сообщений, что создает новые перспективы для их распознавания и противостояния им.

Ключевые слова: коммуникативные технологии, фейки, фактчекинг, коронавирус, канал коммуникации, код сообщения.

Для цитирования: Василькова В. В., Трекин П. А. Фейки о коронавирусе: коммуникативные технологии конструирования ложных сообщений // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 4. С. 79–91. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-79-91

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 20.05.2021; принята после рецензирования 16.06.2021; опубликована онлайн 24.09.2021

© Василькова В. В., Трекин П. А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Fakes about Coronavirus: Communicational Technologies for Constructing False Messages

Valeriya V. Vasil'kova✉, Pavel A. Trekin

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

✉v.vasilkova@spbu.ru

Introduction. Interest in the problem of false (fake) news has increased significantly in the situation of the coronavirus pandemic, when the flow of false information considered as an obstacle to the implementation of measures to combat the pandemic itself and its consequences. The authors aim to study the existing works devoted to the analysis of the construction and recognition of false news about COVID-19, paying special attention to the procedures of fact-checking-process of verifying the accuracy of the information contained in the message. The novelty of the author's approach lies in the use of a content analysis of the fact-checking resource to identify communication technologies for constructing fake news about the coronavirus.

Methodology and sources. As a theoretical framework, authors used the information model of communication by Claude Shannon, structuring communication as a process of information transmission and fixing the possibility of noise (distortion) in various parts of this process. The empirical basis of the study was a fact-checking resource that specializes in identifying fakes about the coronavirus (47 units of analysis were considered for the period from March to May 2020).

Results and discussion. In the result of the research, specific communication technologies of purposeful construction of false news were identified – distortions in the communication channel, distortions in the message code (content), distortions in the message source. We also identified the types of distortions associated with the content of communication – based on the creation of false content, recoding information (giving it a new interpretation), editing the original. Different frequency of application of these technologies for a given volume of analysis units were been recorded, as well as the predominance of the technology of distortion of the communication channel.

Conclusion. The authors draw a conclusion about the importance and relevance of the topic of constructing fake news in the situation of the ongoing COVID-19 pandemic, demonstrate the productivity of using fact-checking resources to identify various communicative technologies for constructing false messages, which creates new prospects for recognizing and countering them.

Key words: communicational technologies, fakes, factchecking, coronavirus, communication channel, message code.

For citation: Vasil'kova V. V., Trekin P. A. Fakes about Coronavirus: Communicational Technologies for Constructing False Messages. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 4, pp. 79-91. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-79-91 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 20.05.2021; adopted after review 16.06.2021; published online 24.09.2021

Введение. Пандемия коронавируса актуализировала целый ряд проблем, связанных с осмыслением новых паттернов существования в экстраординарных социально-экономических условиях. Одной из наиболее резонансных и обсуждаемых проблем стал феномен инфодемии – возникновения потоков ложных новостей, которые рассматриваются как препятствие для реализации мер по борьбе с самой пандемией и ее последствиями в

различных областях социальной жизни. В связи с этим обострился интерес к изучению фейковых новостей – их конструированию, распространению и, главным образом, воздействию на массовое сознание.

В академической литературе нет единого мнения по данным вопросам [1, 2]. С одной стороны, высказываются аргументы о преувеличении негативных последствий экспансии ложной информации, поскольку фейковые новости являются лишь одним из новых проявлений многовековой традиции существования искаженной информации¹, и не существует убедительных исследований, доказывающих степень влияния фейковых новостей на взгляды людей [4]. С другой стороны, в последние годы (и особенно в ситуации коронавирусной эпидемии) многие исследователи фиксируют потенциальную опасность экспансии фейковых новостей, связанную в первую очередь с новыми механизмами вирусного распространения ложной информации онлайн в социальных сетях [5], в том числе за счет использования специальных автоматических программ (социальных ботов). Именно вирусный характер распространения ложной информации в социальных сетях породил метафору инфодемии в период глобальной опасности COVID-19.

Феномен инфодемии и проблема противостояния ей стали предметом рассмотрения первой волны академических исследований 2020 г. Здесь хотелось бы отметить несколько публикаций:

1. Исследование содержания новостей о COVID-19 на основе контент-анализа наиболее популярных поисковых запросов на YouTube [6], что позволило выделить влияние конспирологической и политизированной составляющих на распространение ложных новостей.

2. Изучение динамики и «конкуренции» конспирологических нарративов о COVID-19, циркулирующих в сетевых сообществах, и их связь с ложными новостями [7]: вина Китая в возникновении коронавируса, влияние технологии 5G, заговор «глобалистской клики» против человечества и др.

3. Сравнительное исследование характера распространения ложных новостей о COVID-19 на платформах различных социальных сетей (Twitter, Instagram, YouTube, Reddit и Gab) и влияния на этот процесс модели взаимодействия на каждой из этих платформ [8].

4. Анализ роли социальных ботов в распространении ложной информации и использовании их в манипулятивных целях, когда посредством данной технологии на фоне актуальной тематики COVID-19 пропагандируются политически ориентированные и конспирологические нарративы [9, 10].

5. Исследование причин, по которым люди верят (или не доверяют) ложным новостям, а также передают различный по достоверности новостной контент о COVID-19, что позволяет разработать и протестировать меры, направленные на повышение правдивости такого контента в социальных сетях [11].

Важным аспектом исследования феномена ложных новостей является проблема их распознавания. Данная проблема имеет не только прикладное значение в плане экологической безопасности сетевого информационного пространства, но и представляет академи-

¹ Под фейковыми новостями (в отличие от других форм ложной информации) понимаются такие новости, которые: 1) включают заведомо ложную информацию, которая может быть проверена и обнаружена; 2) создаются с целью нечестного намерения ввести пользователей в заблуждение [3].

ческий интерес, поскольку позволяет выявлять скрытые механизмы конструирования ложной информации. В данном контексте можно обозначить несколько сложившихся традиций выявления фейковых новостей:

1. Междисциплинарный подход к обнаружению фальшивых новостей в социальных сетях, включающий синтез методов машинного обучения, сетевого анализа, компьютерной обработки языка и поиска информации для анализа, включающих как изучение содержания, так и исследование способов распространения фейков [12].

2. Лингвосемантический анализ фейковых новостей, включающий изучение словообразования, пунктуации, синтаксиса, читаемости/понятности текста и др. [13, 14].

3. Использование процедур фактчекинга – проверки достоверности сведений, содержащихся в сообщении, их соответствия реальным фактам. Такая проверка может осуществляться до (*ante hoc*) или после (*post hoc*) публикации или распространения текста.

Несмотря на то, что фактчекинг подвергается критике за избирательность и предвзятость в отборе фактов и субъективизме выводов и интерпретаций [15, 16], тем не менее данная технология выявления ложных новостей в настоящее время признана наиболее распространенной и эффективной [17–19]. Тем более, что в процедурах фактчекинга все больше участвуют не только журналисты, социологи и политологи, но и представители гражданского общества (через технологию краудсорсинга).

Неслучайно фактчекинг активно использовался для противодействия ложным новостям о коронавирусе с самого начала инфодемии. Своего рода фактчекинговую и аналитическую деятельность с массивами сетевых данных выполняет ВОЗ [20]. Ресурс по борьбе с инфодемией был создан ВОЗ сразу после того, как COVID-19 был объявлен чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения. Группа ВОЗ по информированию о рисках запустила новую информационную платформу под названием «Информационная сеть ВОЗ по эпидемиям» (EPI-WIN) для обмена специализированной информацией с конкретными целевыми группами. Отдел коммуникации ВОЗ отслеживает ложную информацию или слухи о COVID-19 в социальных сетях (Facebook, Twitter, Tencent, Pinterest, TikTok, Weibo) и через платформу EPI-WIN готовит со специалистами квалифицированные ответы, комментарии и рекомендации по возникшим вопросам, разоблачая слухи.

Важным направлением в выявлении ложных новостей о коронавирусе с использованием фактчекинга является создание публичных репозиторий (баз данных), которые могут быть полезными для изучения динамики распространения надежной и ложной информации. В частности, репозиторий COVID-19-TwitterIDs GitHub (постоянно обновляемый общедоступный многоязычный набор данных по коронавирусу в Twitter) предлагает способы обработки собранных данных, которые позволяют не только показать динамику дискурса о коронавирусе с привязкой к значимым в этом плане событиям, но и отследить дезинформацию и непроверенные слухи по данной теме и в конечном счете, по мнению авторов, способствовать внедрению обоснованных решений и целенаправленных политических мер для борьбы с глобальным кризисом [21].

Другой репозиторий – ReCOVery – предлагает оригинальную методику мультимодального анализа сбора и обработки данных, что дает возможность исследовать, каким образом создаются и распространяются новости с низким уровнем доверия, а также позволяет прогнозировать появление «поддельных» новостей [22]. При этом предлагается эффек-

тивный способ определения достоверности новостей – маркировать на достоверность не каждую новостную статью (что занимает много времени), а непосредственно новостной сайт, на котором она размещена.

Инфодемия COVID-19 сопровождалась процессом создания различных фактчекинговых ресурсов по сбору и проверке достоверности опубликованных фактов в различных странах. Один из таких ресурсов использовался авторами статьи для проведения эмпирического исследования по выявлению коммуникативных технологий конструирования ложных новостей о коронавирусе. Новизна авторского подхода заключается в использовании содержательного анализа фактчекингового ресурса для выявления коммуникативных технологий конструирования фейковых новостей о коронавирусе.

Методология и источники. В качестве теоретической рамки была использована информационная модель коммуникации К. Шеннона, в которой коммуникация рассматривается как процесс кодирования и отправка сообщения источником коммуникации по определенному каналу реципиенту (получателю), при этом для аутентичной коммуникации данное сообщение должно релевантно декодироваться получателем. Данный концептуальный подход позволяет выявить и зафиксировать эффективность коммуникации на основе выявления и устранения шумов и помех в процессе передачи сообщения. При этом шумы и помехи рассматриваются как искажения в различных структурных компонентах процесса коммуникации – источнике, коде, канале передаваемого и получаемого сообщения.

Выбор данного методологического подхода позволяет в определенной степени элиминировать (ограничить) степень влияния субъективизма в выборе рецензируемых сообщений при использовании фактчекинга и сконцентрировать внимание не столько на интерпретации сообщений, сколько на самом механизме (алгоритме) конструирования ложных сообщений (новостей), а именно выявить различные структурные «участки» искажения сообщений и технологизировать процесс обнаружения таких сообщений.

Целью исследования стало выявление целенаправленных коммуникативных искажений в канале, коде и источнике сообщения, которые можно рассматривать как технологические (т. е. воспроизводимые по данному образцу) процедуры. Поскольку такого рода целенаправленные действия имеют манипулятивный характер, выявление технологий конструирования ложных сообщений служит важным инструментом для дальнейших процедур распознавания таких сообщений и борьбы с ними (усиливая тем самым возможности фактчекинговой деятельности).

Эмпирической базой для проведения исследования выступил фактчекинговый ресурс InfoTagion [23], целью которого был анализ фейковой информации о пандемической ситуации COVID-19.

Данный портал функционировал с марта по июль 2020 г., в период первой волны коронавируса. Он был создан депутатом британского парламента Д. Коллинзом, бывшим председателем Комитета по цифровым технологиям, культуре, СМИ и спорту, который также возглавлял расследования о дезинформации и поддельных новостях, а также Д. Сефтоном – венчурным инвестором. За брендинг и дизайн отвечали К. Ганн и Т. Лав – основатели высокорейтингового дизайнерского агентства «LoveGunn». Также над проектом работала команда SEO-специалистов, отвечающих за аналитику, и сотрудники Оксфордского Института изучения Интернета во главе с доктором Ф. Ховардом. Фейки на данный ресурс

присылали сами пользователи, после чего аналитики сверяли присланные материалы с информацией от ВОЗ и других профильных организаций и делали вывод о том, является ли то или иное сообщение фейком или нет.

Использование данного источника связано с техническими трудностями обнаружения фейковых новостей в социальных сетях. Дело в том, что социальные сети проводят постоянный мониторинг распространяемой информации. Выявленные фейки удаляются, и чем больше у них просмотров или репостов, тем быстрее это происходит, поэтому возникают проблемы и препятствия в случае необходимости ознакомиться с «оригиналом», и часто это становится просто невозможным. В связи с этим наиболее целесообразной стратегией сбора эмпирического материала является обращение к ресурсам, которые занимаются фактчекингом. Как правило, они описывают содержание фейка и указывают, где именно он был найден, сопровождая это скриншотами.

Отбор данных проводился с конца марта по середину мая 2020 г. Всего было взято и рассмотрено 47 единиц анализа (зафиксированных на исследуемом ресурсе образцов фейковых новостей). Далее использовался фактчекинговый анализ содержания каждого образца фейковой новости с уточнением процедуры информационного искажения, и произведена интерпретация данного образца в контексте информационно-коммуникативного подхода, что позволило идентифицировать конкретные коммуникативные технологии конструирования ложных новостей – искажения в канале коммуникации, искажения в коде (содержании) сообщения, искажения в источнике сообщения. В итоге была создана таблица частотности использования различных коммуникативных технологий информационного искажения для данного объема единиц анализа с целью выявления наиболее употребляемой технологии.

Результаты и обсуждение. В результате проведенного исследования были выявлены технологии конструирования заведомо ложных сообщений, связанных с трансформацией различных структурных элементов информационного сообщения – канала, кода (содержания) и источника сообщения. На примере конкретных кейсов – фейковых новостей, рассматриваемых на анализируемом портале, – можно показать реализацию указанных коммуникативных технологий.

Искажения, связанные с каналом коммуникации. Наиболее часто для продвижения ложной информации о коронавирусе используются манипулятивные изменения в алгоритме поиска, которые можно интерпретировать как искажения в канале (способе передачи) информации.

Подавляющее большинство фейков, анализируемых на портале, распространялось через YouTube. У данной социальной сети существуют поисковый алгоритм и алгоритм, сортирующий ролики по релевантности. Именно они отвечают за то, что увидит пользователь в ответ на запрос и в какой последовательности. Цель манипулятивных действий – оказаться как можно выше в строке поиска. На позицию и релевантность также влияет и количество просмотров. Все фейки так или иначе содержат в названии слова «COVID» или «коронавирус» для того, чтобы отображаться по соответствующим запросам.

Рассмотрим типичный пример такого фейка [24]. В видеоролике обсуждается, получает ли Китай выгоду от глобального кризиса в области здравоохранения, производя и продавая медикаменты в страны, пострадавшие от коронавируса.

Также в этом видео упоминается книга «Неограниченная война», изданная в Китае в 1999 г., в которой описываются нетрадиционные стратегии ведения войны (например, биохимические атаки) для победы над таким противником, как, например, США. Это обстоятельство рассматривается как доказательство того, что вспышку COVID-19 Коммунистическая партия Китая использует для осуществления плана «мирового господства», при этом еще и зарабатывая на пострадавших.

На данном примере видно, как именно происходит манипуляция поисковым алгоритмом. Выбирается громкая тема, создается заголовок, иногда с использованием Clickbait – способа привлечения внимания пользователя к последующему информационному сообщению целенаправленным искажением смысла этого сообщения. Для этого используются заголовки «Смотри, пока не удалили» или «Это видео скоро удалят, узнай почему!». Далее создается «разоблачительный» материал, привлекающий внимание пользователей. Затем рост просмотров и лайков помогает ему продвигаться выше по результатам поиска, где по идее должна находиться информация из профильных источников, содержащая релевантные данные о COVID-19.

Таким образом, в основе создания подобных фейков лежат знания об алгоритмах социальных сетей как канала передачи информации. Все сообщение строится так, чтобы обмануть алгоритм, обеспечить максимально быстрый набор просмотров и выход в «топ» поиска.

Искажения содержания сообщения. В рамках данной технологии можно выделить три различных подвида.

Первая технология, с помощью которой может быть осуществлено манипулятивное искажение содержания сообщения, – создание фейкового контента.

В качестве примера можно привести следующий фейк [25]. В начале мая в различных социальных медиа появилось видео под названием «Пандемия: скрытая правда о Covid-19». Основная часть видео состоит из интервью с Д. Миковиц, бывшим исследователем хронической усталости. Миковиц заявила, что доктор Э. Фаучи, директор Национального института аллергических и инфекционных заболеваний в 1980-х гг. «зарабатывал деньги» на борьбе с эпидемией СПИДа. Также она заявила о том, что прививка от гриппа увеличивает шанс заболеть коронавирусом на 36 %.

В результате фактчекингового расследования было установлено, что ни одно из этих утверждений не было подкреплено каким-либо доказательством, а информация о повышенном риске заболеть COVID-19 при наличии прививки от гриппа при проверке оказалась неправдоподобной. В данном случае в качестве фейка была представлена заведомо ложная (измышленная) информация, т. е. сконструирован ложный контент.

Вторая технология, которую можно выделить, это создание сообщения в социальных сетях с помощью уже созданного контента, когда осуществляется перекодирование сообщения, т. е. придание ему иной интерпретации.

Кейсом, иллюстрирующим данную технологию, является видеозапись, распространенная в социальных сетях, которая, как утверждается, была сделана в Королевской лондонской больнице, показывающая мешки с телами – предположительно с телами жертв COVID-19 [26]. Эти же кадры также использовались для демонстрации аналогичной ситуации в других больницах, в том числе в Нью-Йорке, Мадриде и Барселоне.

Позднее руководство больницы Эль-Норте-де-Гуаякиль в Эквадоре выступило с официальным заявлением, подтверждающим, что данные кадры относятся именно к этой больнице. В данном случае видеозапись из Эквадора была использована для описания ситуации в различных странах. Создатели фейка воспользовались тем, что показанные кадры применимы к подобной трагической ситуации практически в любой стране и придали ей расширительную трактовку, создавая панический эффект.

Другой пример – это видео, показывающее людей, якобы ломающих «вышку 5G» [27].

В описании утверждается, что это жители Уханя ломают вышку 5G, поскольку именно из-за установки таких вышек в провинции началась эпидемия. Позже оказалось, что это кадры репортажа о протестах в Гонконге, а люди в кадре ломают «умную камеру» с функцией распознавания лиц. Этот фейк стал активно распространяться в социальных сетях и даже был подхвачен некоторыми знаменитостями (например, голливудским актером В. Харрисоном, который сделал репост данного фейка в своем аккаунте в Twitter; после появившегося разоблачения он удалил его).

Таким образом, авторы фейка исказили трактовку события: люди ломали не вышку сети 5G, а умную камеру, а также место, где происходит действие (не Ухань, а Гонконг). Манипулятивный эффект стал возможен за счет того, что отличить Гонконг от Уханя в данном видео невозможно, а также потому, что очень немногие представляют себе, как выглядит инфраструктура высокоскоростных сетей. Поскольку люди действительно что-то ломают в кадре, то и сообщение сомнений не вызывало.

Третья выявленная нами технология – редактирование оригинала с целью перекодирования содержания информационного сообщения.

В качестве примера можно рассмотреть кейс с накладыванием субтитров на видеозапись выступления В. Путина [28].

Видеозапись выступления президента Владимира Путина на русском языке с субтитрами на испанском выглядела так, будто президент России обвиняет Америку и Европу в уничтожении населения всего мира при помощи эпидемии коронавируса.

Эти ложные субтитры не соответствуют речи президента Путина на русском языке. На самом деле это видеозапись речи, которая была произнесена им 9 мая 2016 г., в День Победы СССР над нацистской Германией в 1945 г., а в массовых смертях обвинялся Третий рейх. В результате наложения субтитров смысл речи был полностью искажен и не соответствовал оригиналу (при этом следует учитывать, что с технологической точки зрения наложение субтитров на видео – один из самых простых процессов и поэтому может с легкостью использоваться для искажения смысла информационного сообщения).

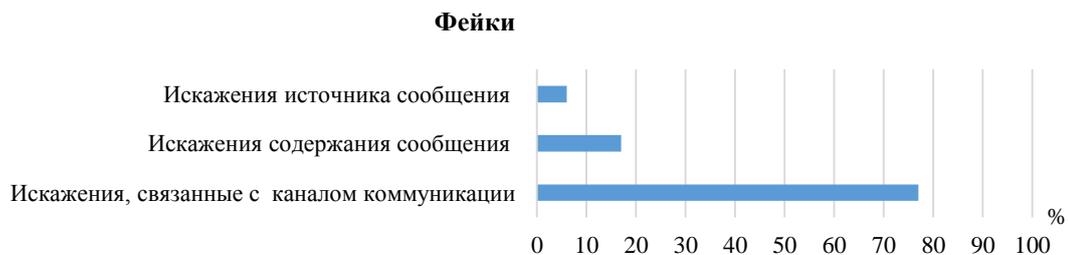
Искажения источника сообщения. Данная коммуникативная технология реализуется с помощью создания фейкового канала или учетной записи в социальных сетях, авторство в которых связывают с лицом или организацией, обладающими экспертной значимостью или особой компетентностью в данном вопросе.

Ярким примером служит фейковый пост в социальных сетях от имени лауреата Нобелевской премии, японского академика, профессора Тасуку Хондзе [29] о том, что COVID-19 был изобретен в лаборатории в Ухане. Пост гласил, что коронавирус не может быть естественным, поскольку в случае естественного происхождения данный вирус распространялся бы только в тех странах, которые обладают сходным с Китаем климатом. При этом утвер-

ждалось, что профессор Тасуку Хондзе четыре года проработал в лаборатории в Ухане и может засвидетельствовать массовую гибель работающих там сотрудников.

После появления данной ложной информации сам профессор заявил, что никогда ничего подобного не говорил и не писал, и ему искренне жаль, что его имя было использовано для распространения лжи.

Применительно к общему массиву рассмотренных нами данных можно выделить частотность использования выявленных технологий (рисунок). Наиболее часто используется технология искажения в канале коммуникации (алгоритмах поиска) – 36 фейковых сообщений, на втором месте – искажения содержания сообщения (8 фейковых сообщений), на третьем месте – искажения источника сообщения (3 фейковых сообщения). Такая разница, на наш взгляд, объясняется тем, что манипулятивные изменения канала коммуникации – это наиболее простая и безопасная технология. Она требует лишь базовых знаний о работе поисковых алгоритмов и грамотного подбора «фактов», в то время как остальные технологии требуют высококвалифицированного владения фото- и видеоредакторами. Малейшая ошибка в редактировании фото или видео сделает фейк неправдоподобным и вызовет опасность его быстрого удаления.

Частотность использования коммуникативных технологий конструирования ложных сообщений
Frequency of use of communication technologies for constructing false messages

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать вывод о доминировании алгоритмизованных техник конструирования фейковой информации. Однако данный вывод ограничен исследуемой ситуацией и вряд ли может претендовать на универсальное заключение о соотношении способов конструирования и выявления ложных новостей.

В отношении перспектив анализируемой в статье темы важно отметить, что именно новые компьютерные технологии могут создать новые возможности для борьбы с фейковой информацией. Речь идет о технологии блокчейна, которая может нанести мощный удар по источникам и платформам распространения фейковых новостей. Создание общей блокчейн-сети позволит объединить новостной контент и публиковать новости защищенным образом, осуществляя проверку как содержания, так и источников публикуемых новостей. Технология распределенного реестра сделает любое изменение контента видимым для всех, а любую новость даст проследить до первоисточника, блокируя ложную информацию, не подтверждаемую другими источниками. Однако, на наш взгляд, новые компьютерные технологии вряд ли смогут устранить запрос на создание и распространение ложной информации в пространстве интернет-коммуникации как способ оказывать социальное влияние и манипулятивное воздействие, что делает анализ данной тематики востребованным в долгосрочной перспективе.

Заключение. В данной статье было показано, что инфодемия, возникшая на волне пандемии COVID-19, дает обширный материал для изучения фейковых сообщений в социальных сетях. Были проанализированы публикации, посвященные данной тематике, а также представлены результаты эмпирического исследования фактчекингового ресурса, специализирующегося на разоблачении ложных новостей о коронавирусе. Авторами были выявлены коммуникативные технологии конструирования ложных новостей о COVID-19, связанные с целенаправленными искажениями манипулятивного характера (искажения в канале коммуникации, искажения содержания информации и искажения источника сообщения).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казун А. Д. Так ли страшен фейк? Ложные новости и их роль в современном мире // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 162–175. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.791>.
2. Василькова В. В. Глобализация лжи или диверсификация правды: информационные искажения в социальных сетях // Человек в глобальном мире: риски и перспективы / под ред. М. И. Фроловой. М.: КАНОН+, 2021. С. 268–280.
3. Klein D. O., Wueller J. R. Fake news: A legal perspective // Journal of Internet Law. 2017. Vol. 20, no. 10. P. 5–13.
4. Reedy J., Wells C., Gastil J. How Voters Become Misinformed: An Investigation of the Emergence and Consequences of False Factual Beliefs // Social Science Quarterly. 2014. Vol. 95, no. 5. P. 1399–1418. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/ssqu.12102> (дата обращения: 14.05.2021).
5. Combating Disinformation in A Social Media Age / K. Shu, A. Bhattacharjee, F. Alatawi et al. 2020. URL: <https://arxiv.org/pdf/2007.07388.pdf> (дата обращения: 14.05.2021).
6. Marchal N., Au H., Howard P. N. Coronavirus News and Information on YouTube: A Content Analysis of Popular Search Terms // COMPOR Data Memo. COVID-19 Series. 2020. Vol. 2020.3. URL: <https://demtech.oii.ox.ac.uk/wp-content/uploads/sites/93/2020/04/COVID-19-YouTube-Memo.pdf> (дата обращения: 14.05.2021).
7. Conspiracy in the Time of Corona: Automatic Detection of COVID-19 Conspiracy Theories in Social Media and the News / S. Shahsavari, P. Holur, T. Wang et al. // Journal of Computational Social Science. 2020. Vol. 3, no. 1. DOI: <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-52079/v1>.
8. The COVID-19 Social Media Infodemic / M. Cinelli, W. Quattrociocchi, A. Galeazzi et al. // Scientific Reports. 2020. Vol. 10, no. 1. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-73510-5>.
9. Ferrara E. What Types of COVID-19 Conspiracies are Populated by Twitter Bots? // First Monday. 2020. Vol. 25, no. 6. DOI: <https://doi.org/10.5210/fm.v25i6.10633>.
10. Василькова В. В., Легостаева Н. И. Социальные боты в компьютерной пропаганде: серфинг на информационной волне коронавируса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 329–356. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1762>.
11. Fighting COVID-19 misinformation on social media: Experimental evidence for a scalable accuracy nudge intervention / G. Pennycook, J. McPhetres, Y. Zhang, D. G. Rand // Psychological Science. 2020. Vol. 31, no. 7. URL: https://ide.mit.edu/wp-content/uploads/2020/04/Covid-19-fake-news-ms_psyarxiv.pdf (дата обращения: 14.05.2021).
12. The Future of False information Detection on Social Media: New Perspectives and Trends / B. Guo, Y. Ding, L. Yao, Y. Liang, Z. Yu // ACM Computing Surveys. 2020. Vol. 53, no. 4. P. 1–36. DOI: <https://doi.org/10.1145/3393880>.
13. Automatic Detection of Fake News / V. Perez-Rosas, B. Kleinberg, A. Lefevre, R. Mihalcea // Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics. 2018. P. 3391–3401. URL: <https://arxiv.org/pdf/1708.07104.pdf> (дата обращения: 14.05.2021).

14. Fake News Detection on Social Media: A Data Mining Perspective / K. Shu, A. Sliva, S. Wang et al. // ACM SIGKDD Explorations Newsletter. 2017. Vol. 19, iss. 1. P. 22–36. URL: <https://arxiv.org/pdf/1708.01967v3.pdf> (дата обращения: 14.05.2021).
15. Uscinski J. E., Butler R. W. The epistemology of fact checking // A Journal of Politics and Society. 2013. Vol. 25, iss. 2. P. 162–180. DOI: <https://doi.org/10.1080/08913811.2013.843872>.
16. Marietta M., Barker D. C., Bowser T. Fact-Checking Polarized Politics: Does The Fact-Check Industry Provide Consistent Guidance on Disputed Realities? // The Forum. 2015. Vol. 13, no. 4. P. 577–596. DOI: <https://doi.org/10.1515/for-2015-0040>.
17. Wintersieck A. L. Debating the Truth: The Impact of Fact-Checking During Electoral Debates // American Politics Research. 2017. Vol. 45, no. 2. P. 304–331. DOI: <https://doi.org/10.1177/1532673X16686555>.
18. Amazeen M. A. Checking the Fact-Checkers in 2008: Predicting Political Ad Scrutiny and Assessing Consistency // Journal of Political Marketing. 2016. Vol. 15, no. 4. P. 433–464. DOI: <https://doi.org/10.1080/15377857.2014.959691>.
19. Graves L., Nyhan B., Reifler J. The diffusion of Fact-checking: Understanding the growth of a journalistic innovation. Arlington, VA: American Press Institute, 2015.
20. Zarocostas J. How to fight an infodemic // The Lancet. 2020. Vol. 395, no. 1. P. 676. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30461-X](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30461-X).
21. Chen E., Lerman K., Ferrara E. Tracking Social Media Discourse About the COVID-19 Pandemic: Development of a Public Coronavirus Twitter Data Set // JMIR Public Health and Surveillance. 2020. Vol. 6, no. 2. DOI: <https://doi.org/10.2196/19273>.
22. ReCOVery: A Multimodal Repository for COVID-19 News Credibility Research / X. Zhou, A. Mulay, E. Ferrara, R. Zafarani // CIKM'20: Proceedings of the 29th ACM International Conference on Information and Knowledge Management. 2020. P. 3205–3212. DOI: <https://doi.org/10.1145/3340531.3412880>.
23. InfoTagion. URL: <https://infotagion.com> (дата обращения: 14.05.2020).
24. Factcheck: Is China making money from the COVID-19 outbreak? // InfoTagion. 2020. 21 April. URL: <https://infotagion.com/factcheck-is-china-making-money-from-the-covid-19-outbreak/> (дата обращения: 14.05.2020).
25. Factcheck: Is the “Plandemic” video true? // InfoTagion. 2020. 12 May. URL: <https://infotagion.com/factcheck-is-the-plandemic-video-true/> (дата обращения: 14.05.2020).
26. Factcheck: Is a London hospital filled with body bags of COVID-19 victims? // InfoTagion. 2020. 10 April. URL: <https://infotagion.com/factcheck-is-a-london-hospital-filled-with-body-bags-of-covid-19-victims/> (дата обращения: 14.05.2020).
27. Factcheck: Is 5G causing the COVID-19 outbreak? // InfoTagion. 2020. 1 April. URL: <https://infotagion.com/factcheck-is-5g-causing-the-covid-19-outbreak/> (дата обращения: 14.05.2020).
28. Factcheck: Did Vladimir Putin blame the West for spreading COVID-19? // InfoTagion. 2020. 12 April. URL: <https://infotagion.com/factcheck-did-vladimir-putin-blame-the-west-for-spreading-covid-19/> (дата обращения: 14.05.2020).
29. Factcheck: Did Nobel Prize winner say COVID-19 came from a lab? // InfoTagion. 2020. 4 May. URL: <https://infotagion.com/factcheck-did-nobel-prize-winner-say-covid-19-came-from-a-lab/> (дата обращения: 14.05.2020).

Информация об авторах.

Василькова Валерия Валентиновна – доктор философских наук (2000), профессор (2003), профессор кафедры социологии культуры и коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 171 научной публикации. Сфера научных интересов: социология коммуникаций, социальная эпистемология, интернет-коммуникация, фрейм-анализ, методы изучения коммуникации. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9335-8738>. E-mail: v.vasilkova@spbu.ru

Трекин Павел Александрович – магистр социологических наук (2020), Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 3 научных публикаций. Сфера научных интересов: компьютерная пропаганда. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3405-4045>. E-mail: tr.pascha@yandex.ru

REFERENCES

1. Kazun, A.D. (2020), "Are Fakes Really Dangerous? Fake News and Their Role in the Modern World", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 4, pp. 162–175. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.791>.
2. Vasilkova, V.V. (2021), "Globalization of Lies or Diversification of Truth: Information Distortions in Social Networks", *Chelovek v global'nom mire: riski i perspektivy* [Human in the Global World: Risks and Prospects], in Frolova, M.I. (ed.), KANON+, Moscow, RUS, pp. 268–280.
3. Klein, D.O. and Wueller, J.R. (2017), "Fake news: A legal perspective", *Journal of Internet Law*, vol. 20, no. 10, pp. 5–13.
4. Reedy, J., Wells, C. and Gastil, J. (2014), "How Voters Become Misinformed: An Investigation of the Emergence and Consequences of False Factual Beliefs", *Social Science Quarterly*, vol. 95, no. 5, pp. 1399–1418, available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/ssqu.12102> (accessed 14.05.2021).
5. Shu, K., Bhattacharjee, A., Alatawi, F. et al. (2020), *Combating Disinformation in A Social Media Age*, available at: <https://arxiv.org/pdf/2007.07388.pdf> (accessed 14.05.2021).
6. Marchal, N., Au, H. and Howard, P.N. (2020), "Coronavirus News and Information on YouTube: A Content Analysis of Popular Search Terms", *COMPOR Data Memo. COVID-19 Series*, vol. 2020.3, available at: <https://demtech.oii.ox.ac.uk/wp-content/uploads/sites/93/2020/04/COVID-19-YouTube-Memo.pdf> (accessed 14.05.2021).
7. Shahsavari, S., Holur, P., Wang, T. et al. (2020), "Conspiracy in the Time of Corona: Automatic Detection of COVID-19 Conspiracy Theories in Social Media and the News", *Journal of Computational Social Science*, vol. 3, no. 1. DOI: <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-52079/v1>.
8. Cinelli, M., Quattrocioni, W., Galeazzi, A. et al. (2020), "The COVID-19 Social Media Infodemic", *Scientific Reports*, vol. 10, no. 1. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-73510-5>.
9. Ferrara, E. (2020), "What Types of COVID-19 Conspiracies are Populated by Twitter Bots?", *First Monday*, vol. 25, no. 6. DOI: <https://doi.org/10.5210/fm.v25i6.10633>.
10. Vasilkova, V.V. and Legostaeva, N.I. (2020), "Social Bots in Computational Propaganda: Surfing the Coronavirus Information Wave", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 6, pp. 329–356. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1762>.
11. Pennycook, G., McPhetres, J., Zhang, Y. and Rand, D.G. (2020), "Fighting COVID-19 misinformation on social media: Experimental evidence for a scalable accuracy nudge intervention", *Psychological Science*, vol. 31, no. 7, available at: https://ide.mit.edu/wp-content/uploads/2020/04/Covid-19-fake-news-ms_psyarxiv.pdf (accessed 14.05.2021).
12. Guo, B., Ding, Y., Yao, L., Liang, Y. and Yu, Z. (2020), "The Future of False information Detection on Social Media: New Perspectives and Trends", *ACM Computing Surveys*, vol. 53, no. 4, pp. 1–36. DOI: <https://doi.org/10.1145/3393880>.
13. Perez-Rosas, V., Kleinberg, B., Lefevre, A. and Mihalcea, R. (2018), "Automatic Detection of Fake News", *Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics*, pp. 3391–3401, available at: <https://arxiv.org/pdf/1708.07104.pdf> (accessed 14.05.2021).
14. Shu, K., Sliva, A., Wang, S. et al. (2017), "Fake News Detection on Social Media: A Data Mining Perspective", *ACM SIGKDD Explorations Newsletter*, vol. 19, iss. 1, pp. 22–36, available at: <https://arxiv.org/pdf/1708.01967v3.pdf> (accessed 14.05.2021).
15. Uscinski, J.E. and Butler, R.W. (2013), "The epistemology of fact checking", *A Journal of Politics and Society*, vol. 25, iss. 2, pp. 162–180. DOI: <https://doi.org/10.1080/08913811.2013.843872>.

16. Marietta, M., Barker, D.C. and Bowser, T. (2015), "Fact-Checking Polarized Politics: Does The Fact-Check Industry Provide Consistent Guidance on Disputed Realities?", *The Forum*, vol. 13, no. 4, pp. 577–596. DOI: <https://doi.org/10.1515/for-2015-0040>.

17. Wintersieck, A.L. (2017), "Debating the Truth: The Impact of Fact-Checking During Electoral Debates", *American Politics Research*, vol. 45, no. 2, pp. 304–331. DOI: <https://doi.org/10.1177/1532673X16686555>.

18. Amazeen, M.A. (2016), "Checking the Fact-Checkers in 2008: Predicting Political Ad Scrutiny and Assessing Consistency", *Journal of Political Marketing*, vol. 15, no. 4, pp. 433–464. DOI: <https://doi.org/10.1080/15377857.2014.959691>.

19. Graves, L., Nyhan, B. and Reifler, J. (2015), *The diffusion of Fact-checking: Understanding the growth of a journalistic innovation*, American Press Institute, Arlington, VA, USA.

20. Zarocostas, J. (2020), "How to fight an infodemic", *The Lancet*, vol. 395, no. 1, p. 676. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30461-X](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30461-X).

21. Chen, E., Lerman, K. and Ferrara, E. (2020), "Tracking Social Media Discourse About the COVID-19 Pandemic: Development of a Public Coronavirus Twitter Data Set", *JMIR Public Health and Surveillance*, vol. 6, no. 2. DOI: <https://doi.org/10.2196/19273>.

22. Zhou, X., Mulay, A., Ferrara, E. and Zafarani, R. (2020), "ReCOVary: A Multimodal Repository for COVID-19 News Credibility Research", *CIKM'20: Proceedings of the 29th ACM International Conference on Information and Knowledge Management*, pp. 3205–3212. DOI: <https://doi.org/10.1145/3340531.3412880>.

23. *InfoTagion*, available at: <https://infotagion.com> (accessed 14.05.2020).

24. "Factcheck: Is China making money from the COVID-19 outbreak?" (2020), *InfoTagion*, 21 April, available at: <https://infotagion.com/factcheck-is-china-making-money-from-the-covid-19-outbreak/> (accessed 14.05.2020).

25. "Factcheck: Is the "Plandemic" video true?" (2020), *InfoTagion*, 12 May, available at: <https://infotagion.com/factcheck-is-the-plandemic-video-true/> (accessed 14.05.2020).

26. "Factcheck: Is a London hospital filled with body bags of COVID-19 victims?" (2020), *InfoTagion*, 10 April, available at: <https://infotagion.com/factcheck-is-a-london-hospital-filled-with-body-bags-of-covid-19-victims/> (accessed 14.05.2020).

27. "Factcheck: Is 5G causing the COVID-19 outbreak?" (2020), *InfoTagion*, 1 April, available at: <https://infotagion.com/factcheck-is-5g-causing-the-covid-19-outbreak/> (accessed 14.05.2020).

28. "Factcheck: Did Vladimir Putin blame the West for spreading COVID-19?" (2020), *InfoTagion*, 12 April, available at: <https://infotagion.com/factcheck-did-vladimir-putin-blame-the-west-for-spreading-covid-19/> (accessed 14.05.2020).

29. "Factcheck: Did Nobel Prize winner say COVID-19 came from a lab?" (2020), *InfoTagion*, 4 May, available at: <https://infotagion.com/factcheck-did-nobel-prize-winner-say-covid-19-came-from-a-lab/> (accessed 14.05.2020).

Information about the authors.

Valeriya V. Vasilkova – Dr. Sci. (Philosophy) (2000), Professor (2003), Professor at the Department of Sociology of Culture and Communication, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 171 scientific publications. Area of expertise: sociology of communications, social epistemology, Internet communication, frame analysis, methods of studying communication. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9335-8738>. E-mail: v.vasilkova@spbu.ru

Pavel A. Trekin – Master (Sociology) (2020), Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: computer propaganda. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3405-4045>. E-mail: tr.pascha@yandex.ru

Ценностные смыслы в текстах категории «Intelligent Travel»

О. В. Рамантова✉

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

✉ms.ramantova@mail.ru

Введение. В статье представлены результаты исследования аксиологической составляющей англоязычных текстов категории «*intelligent travel*». Актуальность исследования обусловлена его очевидной антропоориентированной направленностью, все возрастающим развитием туристической индустрии и появлением новых туристических концепций, функционирование которых отражено в многочисленных трэвел-изданиях, а также недостаточной изученностью когнитивно-ценностного аспекта некоторых жанров трэвел-дискурса. Автором исследования предложена система ценностных значений и описаны способы их языковой репрезентации в повествовании о «медленном и осознанном путешествии».

Методология и источники. Материалом для лингвистического анализа послужили современные тексты, отобранные из авторитетного англоязычного интернет-издания о путешествиях *National Geographic Magazine*. В исследовании применялись следующие методы: сплошной выборки, семантического анализа, семантико-стилистического анализа, прагма-коммуникативного анализа. Отобранные трэвел-тексты интерпретировались преимущественно методом лингвистического описания.

Результаты и обсуждение. В результате исследования раскрыто содержание категории «*intelligent travel*», рассмотрены существующие типологии ценностей, описаны ценностные смыслы в текстах данного жанра. Речь идет о *сенсорных значениях, эстетических значениях, морально-этических значениях, рационалистических ценностных значениях*. В рамках данной работы целесообразно обратиться к понятию «антиценности», репрезентируемому в языке текстов об «осознанном путешествии», в частности в текстах о защите дикой природы, и усиливающему прагматическое воздействие текста на читателя. На основе результатов исследования делается вывод о том, что категория «*intelligent travel*» имеет свою специфику языкового выражения, которая актуализируется в том числе через ценностные значения.

Заключение. Результаты исследования позволяют сделать вывод об особом ценностном потенциале трэвел-дискурса, в семантическом пространстве которого в рамках определенных трэвел-жанров, в частности текстов категории «*intelligent travel*» объективируются определенные ценностные значения, в совокупности составляющие ценностную картину мира трэвел-текста, через их призму путешествующий и переживающий автор выражает не только опыт собственного путешествия, но и нравственные устои жизни.

Ключевые слова: антропоцентризм трэвел-текста, когнитивно-ценностные аспекты, осознанное путешествие, трэвел-дискурс, ценностная картина мира, ценность.

© Рамантова О. В., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Рамантова О. В. Ценностные смыслы в текстах категории «intelligent travel» // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 4. С. 92–103. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-92-103

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 26.04.2021; принята после рецензирования 21.05.2021; опубликована онлайн 24.09.2021

The Value Semantics in “Intelligent Travel” Discourse

Olga V. Ramantova✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉ms.ramantova@mail.ru

Introduction. The present paper aims at describing the results of researching the axiological aspect of the category “intelligent travel” functioning in the English language travel discourse. The relevance of the research is defined, firstly, by continuously developing tourist industry and the emergence of new tourist concepts which are embodied in numerous travel editions and, secondly, by insufficient knowledge of axiological aspect of certain travel-genres. The research is completed within the anthropocentric paradigm of linguistic studies and thus contributes to the development of this approach. The novelty of the study lies in revealing specific values represented in intelligent travel-texts and forming a special value line.

Methodology and sources. The research is based on the English language texts about travelling. *National Geographic* was used as the main source of material. For the selection of travel texts, the continuously sampling method was used. The general methodology of studying the “intelligent/slow travel” concept also includes the method of semantic analysis, the method of semantic-stylistic analysis, elements of communicative-pragmatic analysis.

Results and discussion. The results of the study include the description of the content of the *intelligent travel* category, the review of existing types of values, and the description of basic meanings forming the value picture of the world in travel-texts of this genre – *sensory values, aesthetic values, morally-ethical and rationalistic value meanings*. Within this research it is important to consider “anti-value” which is represented predominantly in texts about wildlife conservation and which enhances the pragmatic impact of the text on the reader. The result of the study is the conclusion about certain language specific of the category of intelligent travelling which is actualized through special value prism.

Conclusion. The study reveals the specificity of the value paradigm of *slow/intelligent travel* texts. The semantic space of texts about intelligent travelling is filled with certain value markers in total constructing the value picture of the world through the prism of which the travelling and experiencing author expresses not only his own vision of things, but the moral side of life aspects. The chosen methodology can be applied for further research and similar studies of other genres of travel-discourse.

Key words: anthropocentrism of travel-texts, cognitive-value aspects, intelligent travel, slow travel, travel-discourse, value picture of the world, value.

For citation: Ramantova O. V. The Value Semantics in “Intelligent Travel” Discourse. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 4, pp. 92–103. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-92-103 (Russia)

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 26.04.2021; adopted after review 21.05.2021; published online 24.09.2021

Введение. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы на материале английского языка выявить и описать ценностный потенциал текстов категории *intelligent travel* и

таким образом обосновать культурологическую и этическую значимость изучения языковых особенностей жанра путешествий. *Актуальность* данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, сфера туризма в настоящее время является активно развивающимся направлением человеческой деятельности и привлекает внимание не только исследователей социологических и экономических областей научного знания, но и лингвистов, при этом развивающая и культурообразующая функция медийных материалов о путешествиях не вызывает сомнений. Во-вторых, несмотря на то, что трэвел-дискурс является объектом лингвистических исследований уже довольно продолжительное время, вопрос языкового представления ценностного потенциала в трэвел-дискурсе, в частности англоязычном, недостаточно изучен. Более того, настоящее исследование проводится в русле современной антропоориентированной парадигмы и направлено на изучение языка трэвел-текстов в тесной взаимосвязи с человеком, активно познающим мир и воплощающим его через призму собственного восприятия в увлекательные сюжеты о путешествиях, которые в свою очередь раскрывают глубокую антропоцентрическую природу исследуемого жанра и свидетельствуют об особом когнитивно-познавательном потенциале субъекта путешествия. *Научная новизна* исследования видится в выявлении ценностных значений, формирующих особый ценностный фон текстов, актуализирующих в англоязычном трэвел-дискурсе концепцию «осознанного путешествия». Результаты исследования вносят определенный вклад в развитие антропоориентированного подхода в лингвистике и развитие теории дискурса. *Практическая значимость* исследования обусловлена возможностью применения его результатов на курсах лекций и семинарских занятиях по лексикологии и стилистике английского языка, при написании курсовых и выпускных квалификационных работ схожей тематики. *Теоретическую базу* данного исследования составили работы Гедгафовой Н. А. [1], Елкиной И. И. [2], Казиной А. И. [3], Лучинской С. Ю. [4], Погодаевой С. А. [5], Полежаева Ю. Г. [6], Рамантовой О. В. [7], Редькиной Т. Ю. [8], Тарнаевой Л. П. [9], Филатовой Н. В. [10], в которых на материале разных языков описываются концептуальная база трэвел-дискурса, его аксиологическая составляющая, жанровые характеристики трэвел-текстов, особенности языковой репрезентации отдельных концепций путешествий и, безусловно, личность автора трэвел-публикаций. Особое внимание исследователи традиционно уделяют изучению культурологического и этнического аспектов трэвел-изданий. В центре внимания лингвистов находятся прагматические установки трэвел-материалов. Речь идет о познавательной, популяризирующей и рекламной составляющих текстов данного жанра. Совершенно очевидно, что языковой потенциал медийных материалов о путешествиях обуславливает широкую перспективу дальнейших не менее интересных и глубоких исследований на материале разных языков.

Методология и источники. Материалом исследования послужили оригинальные англоязычные трэвел-тексты. Основным критерием отбора текстов данного жанра, который осуществлялся посредством сплошной выборки, является их принадлежность к категории *intelligent travel*. Таким образом, материал исследования репрезентирует концепцию «медленного/осознанного/экологичного путешествия», которая в настоящее время сохраняет особую популярность по сравнению с другими туристическими трендами. Опыт индивидуальных путешествий актуализируется много и осознанно путешествующими авторами в ин-

тернет-пространстве в разного рода трэвел-блогах и трэвел-журналах. Одним из таких авторитетных международных интернет-изданий является *National Geographic Magazine*. Журнал выходит в нескольких странах и на разных языках. Состав авторов публикаций многонационален. Интересно отметить, что авторы трэвел-ориентированных материалов являются не только профессиональными путешественниками, но и журналистами и редакторами, владеющими словом и обладающими широким диапазоном специальных знаний, определяющих глубокое и разнообразное наполнение трэвел-текстов разного жанра.

Методика проведенного исследования включает в себя метод семантического анализа, метод семантико-стилистического анализа и элементы прагма-коммуникативного анализа. Отобранные трэвел-тексты интерпретировались преимущественно посредством метода лингвистического описания. Основные задачи исследования включают: описание содержания понятия *intelligent travel*; отбор текстов для лингвистического анализа; выявление основных ценностных значений, формирующих ценностную картину мира текстов об «осознанном путешествии»; описание способов языковой репрезентации ценностей и антиценностей в семантическом пространстве «осознанного путешествия».

Результаты и обсуждение. К основным результатам исследования можно отнести следующее. Понятие *intelligent travel / slow travel* является частью концепции *slow movement* (медленное движение), основная установка которой заключается в том, чтобы жить в наиболее удобном для каждого человека ритме [7, с. 43]. По мнению идеолога движения за неспешную жизнь Карла Оноре, медленность в путешествии подразумевает спокойствие и рефлексивность [11]. Путешествие в стиле *intelligent travel* предполагает погружение в быт и менталитет местных жителей в противоположность хаотичной погоне по туристическим местам в поиске быстрых впечатлений. Концепция «медленного туризма» отражает сформулированную в середине XX в. доктором Альбертом Данном идею о «духовном благополучии на высоком уровне» / *wellbeing on high level*, основанном на здоровом питании, активности, отдыхе и духовном возрождении [12]. Таким образом, путешествия в стиле *slow travel* предназначены в первую очередь для личностного роста. В толковых словарях отражены такие содержательные параметры исследуемого понятия, как бережное отношение к природе, продолжительный характер пребывания в новом месте и сложность организации путешествия [13].

Путешествующий и размышляющий автор является для читателя проводником ценностной картины мира, которую он, будучи активно познающим субъектом, формирует в сознании в результате эмоционально-оценочного переживания опыта путешествий. Именно поэтому «семантика текстов об осознанном путешествии образуется значениями ментальной, эмоциональной и перцептивной деятельности субъекта путешествия, которые выражают основной продукт такого рода путешествий – эмоциональное наполнение и осмысление субъектом жизни» [7, с. 46].

В рамках данной работы, вслед за Кадачиевой Х. М. и Магомедовой Н. З. [14], речь идет об интерпретации ценности как категории этики, эстетики, культуры. Как отмечает Ю. Г. Полежаев, «существует множество типологий ценностей <...> речь идет о следующих дихотомиях: 1) социально-ориентированные vs персонально-ориентированные (статус, уникальность, успех vs свобода, достижение, гордость); 2) социально-нормативные vs теологи-

ческие (здоровье, безопасность, сохранение природы vs эффективность, выгода); 3) репрезентативная классификация частнооценочных значений – сенсорные, рационалистические, эстетические и морально-этические значения <...> рационалистические значения, в свою очередь, дифференцируются на нормативные (правильный, нормальный), утилитарные (полезный, удобный), телеологические (эффективный, выгодный) и социально-нормативные (здоровый, престижный, экологичный)» [6, с. 143]. Данное исследование основывается на таксономии последнего типа, в соответствии с которой применительно к трэвел-текстам жанра «осознанное путешествие» целесообразно выделить несколько групп ценностных значений.

Первая группа ценностно-ориентированных значений коррелирует с непосредственной перцептивной деятельностью человека и поэтому представлена **сенсорными значениями**. Последние касаются передачи автором специфики его собственного перцептивного восприятия и репрезентируют, прежде всего, *вкусовые ощущения*. Интересно отметить, что в текстах об «осознанном путешествии» большое внимание уделяется описанию элементов национального быта, особенно национальной кухни, знакомству с которой в силу смежности понятий *slow travel* и *slow food* в философии «медленного путешествия» уделяется первостепенное внимание [13].

Особенности перцептивной деятельности, являющейся основной составляющей познавательной деятельности человека, могут актуализироваться в тексте разными способами. Так, например, вкусовые ощущения традиционно передаются адъективными предикатами: *the mojitos are tasty* / мохито здесь вкусный (*здесь и далее пер. О. В. Рамантовой*) [15], *the chicken is wonderfully juicy inside* / цыпленок необыкновенно сочный внутри [16]; *the food is simple yet mouth-watering* / при виде такой еды просто слюнки текут [17]. Вкусовые значения в текстах категории *intelligent travel* могут объективироваться и глагольными перцептивными предикатами: *I sensed a whiff of controversy at La Fontana* / я ощутил аромат противоречия в Ла Фонтана ... *an upscale paladar (owner-run restaurant) with a modern mirror-meets-koi pond atmosphere befitting its location in Havana's well-heeled Miramar embassy district* [15]; *As for the cigar... it tasted vaguely of chocolate, so I didn't even cough* / что касается сигары, на вкус она смутно напоминала шоколад, так что я даже не закашлял [15].

Самую многочисленную группу ценностных ориентиров в текстах об «осознанном путешествии» составляют случаи с **эстетическими ценностными значениями**. Речь идет о репрезентации впечатлений о локусе, национальной кухне, людях. Наиболее часто впечатления от местной кухни репрезентированы эпитетами, эксплицирующими авторскую оценку и усиливающими прагматическое воздействие на читателя, как, например, это видно в следующих случаях использования субстантивных и адъективных языковых средств для описания особенно положительных воспоминаний о национальных блюдах: *standout culinary experience* / нестандартный кулинарный опыт, *standout steak frites* / неповторимые стейки во фритюре, *the food will not disappoint* / еда не разочарует вас [17]; *a genuine (if pricey) treat* / подлинный (если дорогой) деликатес, *cocktail culture was born* / родилась культура приготовления этого коктейля, *the result was an instant hit* / в результате сразу получился настоящий успех, *we wanted to create something completely unique in the vermouth world* / мы хотели создать что-то уникальное в мире вермута [18]; *the super-spicy bird* / невероятно острая птичка, ... *fried to perfection outside* / зажаренная до идеального состояния, *the chicken's secret brine and marinade ensure a*

crispy skin and a flavorful center at every level / благодаря секретным рецептам рассола и маринада цыпленок хрустящий снаружи и ароматный внутри... and the pimento mac-and-cheese and black-eyed pea salad are popular choices to temper the *burn* / чтобы смягчить обжигающий вкус, идеальным вариантом могут быть перец с сыром и макаронами или салат с горохом [16]; his *mojito stands above the others* as the quintessential Cuban cocktail / его мохито превосходит все остальные, будучи основным коктейлем на Кубе, a tour of its mojito hot spots to understand *how this simple mixture can express so much more than the sum of its parts* / тур по горячим мохитоместам для понимания того, как настолько простая смесь может выражать намного больше, чем просто сумма ее ингредиентов, his *perfectly balanced* mojito / его идеально сбалансированный мохито [15].

Эстетический аспект приема пищи и напитков могут выражать глагольные предикаты: to *enjoy* a mojito / наслаждаться мохито [15], to *indulge* in dessert / побаловать себя десертом [17], to *sip* vermouth *in style* / с шиком потягивать вермут, to *score* cocktails / взбивать коктейли, to *sample* the spirit / испробовать крепкий напиток [18].

Изысканность вкусовых ощущений нередко актуализируется путешествующим автором посредством метафорического переноса. В следующем случае шеф-повар Дэвид Лебовиц, являясь истинным ценителем гастрономических шедевров, номинирует мускусный гречишный мед, изготавливаемый на юге Франции, «королевской драгоценностью» и таким способом подчеркивает высокое качество и аристократический вкус продукта: Brittany's musky, buckwheat flower honey is *the crown jewel* / мускусный гречишный цветочный мед провинции Бретани является королевской драгоценностью [19]. В следующем случае метафорическим сравнением *the marriage of two dominant food cultures* автор описывает специфику мексиканского национального блюда тако. В нем соединяются гастрономические традиции Кореи и Мексики, что позволяет сравнивать рецепт с брачным союзом двух культур: Korean tacos are *the marriage of two dominant food cultures* in L. A... Find a truck that serves up kimchee and grilled Korean meats in a tortilla and then ponder why no one had thought of it earlier... / корейские тако – это брачный союз двух доминирующих пищевых культур в Лос-Анджелесе [20].

Посредством эстетических ценностных значений в текстах об «осознанном путешествии» актуализируются описания локуса, восприятие которого переживается путешествующим автором как ценный опыт и репрезентируется в языке преимущественно посредством эпитетов: The *restaurant-museum* hybrid / гибрид ресторана и музея; the meticulously *manicured* 56-acre garden is a must-visit spot / тщательно обрезанные 56 акров сада – это место, которое обязательно нужно посетить; the art lover can spend weeks perusing *world-class museums* / ценитель искусства может провести недели, изучая признанные во всем мире музеи; the wanderer can get lost exploring the endless streets filled with *architectural wonders* / путешествующий может затеряться, исследуя бесконечные улицы, наполненные архитектурными творениями [17]; its «*riotously over-the-top*» opulent décor / его буйно напыщенный богатый декор; a *cozy* art nouveau-style café / уютное арт-кафе в стиле модерн; *casual* and *laid-back* (with comfy couches), if often crowded, this *inventive* bar / повседневный и спокойный (с удобными диванами), этот изобретательный бар [18]; I still felt like Indiana Jones as I passed through *the massive wooden portico* into its *grand, dilapidated* entrance hall, there was nowhere to go but up (and up) *the majestic* staircase to the top floor and into a lovely rabbit warren of movie-set-worthy dining

rooms *bursting* with crystal chandeliers, burnished silver, etched glass windowpanes, *time-worn* white linen and *mismatched art deco-era* chairs / Я чувствовал себя Индианой Джонсом, когда шел по массивному деревянному крыльцу в большой полуразрушенный зал и дальше по величественной лестнице на верхний этаж... в обеденные комнаты, взрывающиеся блеском хрустальных люстр и полированного серебра [15].

Эстетические ценностные значения нередко репрезентируют авторское восприятие атмосферы и социального окружения, являющиеся неотъемлемым атрибутом практически каждой туристической дестинации, как это продемонстрировано в следующем контексте: *And the company? Excellent. I chatted in English with tourists from Mexico and Puerto Rico, between attempts at dancing to the live salsa band's energetic renditions of traditional Cuban hits, there's hardly a more poetic place to enjoy a mojito than on a cobblestone terrace, sometimes – no, always – a spectacular view from a history-soaked spot is worth the price of a mediocre drink* / А компания? Превосходная. Я болтал на английском с туристами из Мексики и Пуэрто Рико между попытками танцевать под кубинские хиты в исполнении сальса-бэнд... Вряд ли существует более поэтическое место, чтобы наслаждаться мохито на террасе из гальки... Иногда – нет, всегда – зрелищный вид, открывающийся с исторического места, стоит цены посредственного напитка [15].

Другую группу ценностных ориентиров в текстах об «осознанном путешествии» составляют **морально-этические ценностные значения**, которые реализуются в трэвел-текстах, поддерживающих концепцию бережного отношения к природе. В следующем контексте путешествующий автор посвящает воде наполненную метафорами оду. Таким образом, через метафорическое переосмысление подчеркиваются уникальные свойства воды, единство природы и человека: *the chatter of water over rocks* – «болтовня воды»; *the trill of a tiny stepped waterfall* – «трель крошечного ступенчатого водопада»; *the bass of a torrent over deadfall* – «бас потока»; *the music of the flowing water* – «музыка текущей воды»; *the language of a spill of river across moss* – «язык потока реки, бегущей по мху»; *our bodies' own rivers and streams are traced in blood* – «реки и ручьи в наших телах вычерчены кровью» [21]. Особую экспрессию приобретает сравнение звуков трескающегося льда с выстрелами из мощного оружия – таким переосмыслением автор акцентирует внимание массового читателя на обострившейся экологической ситуации и таянии ледников: *I wonder now if that ice sheet remains as vast, if it's still as real as cement. Or is the ice cracking, sending out sounds like shots from a very powerful gun?* / И сейчас я хочу знать, осталась ли та толща льда такой же огромной и крепкой, как цемент, или лед трескается и посылает нам звуки, подобные выстрелам из мощного оружия? [21].

Ценностные значения данной группы могут быть репрезентированы лексическим маркером *sensible* (разумный, правильный), как, например, в следующем контексте: *At last, he'd start to tune the stream... This may be one of the most sensible things anyone has ever done. Because, really, aren't we all dancing to the sound of water before we're even born, in our mothers' wombs?* / Наконец он начал настраивать водный поток... Возможно, это самое разумное из того, что кто-то когда-либо делал... Разве мы, все еще не рожденные, не танцуем под звуки воды в утробе матери? [21]. Таким способом автор апеллирует к сознательности каждого отдельного индивида, неизбежно испытывающего на себе воздействие природы на протя-

жении всей жизни. Еще один способ репрезентации морально-этических ценностей представлен публикацией об экологичном туризме в Северной Америке: Ecotourism could help the «Amazon of North America» recover / Экотуризм мог бы спасти Амазонку Северной Америки [22], в которой автор призывает каждого внести посильный вклад в сохранение экосистемы реки Миссисипи: And humans can restore it / И люди могут ее восстановить [22]. В следующем контексте морально-этическое ценностное значение «ответственного отношения» актуализируется сочетанием предиката *visit* с наречием *responsibly* (ответственно): with such a delicate ecosystem, how can travelers *visit* more *responsibly*? / как можно путешествовать более ответственно в такой ранимой экосистеме? [22].

Безусловно, морально-этические ценности широко актуализируются в публикациях о редких и вымирающих видах дикой природы. Так, например, авторская оценка и эмоциональная окраска сопровождают описание сафари-тура, актуализирующие не только картину природы, но и созвучное ей тревожное настроение автора, на что указывают: 1) экспрессивные глагольные предикаты – the animals could *erase* from the continent / животные могут исчезнуть с континента; the number of black rhinos *has plummeted* / число черных носорогов резко упало [23]; 2) субстантивные и адъективные языковые средства – the rhino-poaching *crisis* / критическая ситуация, связанная с браконьерством носорогов; *record numbers* of rhinos have been killed / было убито рекордное число носорогов; the *endangered* rhinoceros / носороги, находящиеся под угрозой исчезновения; the very real possibility of their *extinction* / очень реальная вероятность их вымирания; Africa's rhinos are currently under such *aggressive attack* / африканские носороги в настоящее время подвергаются агрессивному нападению; *organized crime* / организованное преступление; *unprecedented* conservation *crisis* / беспрецедентный кризис сохранения дикой природы; the *escalating slaughter* of rhinos / возрастающее истребление носорогов [23]. Аналогичный случай репрезентации в языке морально-этических ценностных значений представлен в трэвел-тексте о сохранении пеликанов в Камбодже: *endangered* birds / птицы, находящиеся под угрозой исчезновения; *severe poaching* of bird eggs / жестокое браконьерство яиц птиц [24].

Семантическое пространство трэвел-текстов, апеллирующих к здравому смыслу и чувству долга перед природой у массового читателя, наполнено не только ценностными ориентирами, но и маркерами **антиценностей**. «Эксплицированность ценностных параметров в семантике лексической единицы может быть различной: ценность или антиценность объекта не связаны напрямую с фиксированными в семантике лексической единицы оценочными компонентами... Оценочные семы в структуре лексической единицы могут быть постоянными, вызываемыми в сознании человека, или вариативными, актуализируемыми лишь определенным контекстом» [25]. В следующих примерах ориентиром антиценности является значение *illegal*, подчеркивающее безнравственность человеческого поведения: *illegally* killed, *trade in illegal* wildlife products [23]. Далее предикаты репрезентируют антиценности в силу включенности в их семантику значения «деструктивных и безнравственных действий»: *stole* eggs from the nest of endangered birds / воровали яйца из гнезд птиц, которые находятся на грани исчезновения, *poaching* of bird eggs for food / браконьерство птичьих яиц ради еды, *egg thieves* / воры яиц [24].

Интересно отметить вариативность интерпретации конструкции с предикативом *worth*, которая в зависимости от контекста может актуализировать значение «необходимого действия» и, следовательно, передавать в языке морально-этическую ценность или значение «пользы» и «выгоды» и таким образом формировать **утилитарную ценность**, которая относится к рационалистическим ценностным значениям [26]. В текстах категории *intelligent travel* употребительны оба значения. В следующем контексте речь идет о репрезентации морально-этической ценности: *the abundant avian diversity worth saving* / обильное разнообразие птиц, которое стоит сохранить [24].

В результате проведенного исследования можно сделать следующие *выводы*. Ценностная парадигма текстов об «осознанном путешествии» репрезентирована сенсорными, эстетическими, морально-этическими и рационалистическими (утилитарными) ценностными значениями. Ценности, актуализируемые в текстах об «осознанном путешествии», являются универсалиями, что обуславливает особую социальную значимость исследуемого жанра. Самую многочисленную группу ценностных значений в текстах категории *intelligent travel* составляют эстетические и морально-этические ценностные значения.

Заключение. Изучение аксиологической составляющей текстов категории *intelligent travel* раскрывает особый ценностный потенциал современного трэвел-дискурса и доказывает его жанровое многообразие. Мыслящий, тонко чувствующий жизнь и сопереживающий автор «осознанного путешествия» через призму собственных сенсорных, эстетических, морально-этических и рационалистических ценностей не только транслирует индивидуальный характер восприятия окружающего мира, но и воплощает в языке реалистичный образ мира, который открывается ему в путешествии. Перспектива дальнейших исследований ценностных аспектов трэвел-дискурса видится в изучении когнитивно-ценностного плана других трэвел-жанров, а также в сопоставительных исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гедгафова Н. А. Языковая репрезентация категории аттрактивности в научно-популярном журнале путешествий // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-reprezentatsiya-kategorii-attraktivnosti-v-nauchno-populyarnom-zhurnale-puteshestviy> (дата обращения: 25.01.2021).
2. Елкина И. И. Автор и адресат трэвел-медiateкста // Ученые записки Новгородского гос. ун-та. 2016. № 2 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtor-i-adresat-trevel-mediateksta> (дата обращения: 24.01.2021).
3. Казина А. И. Основные лингвокогнитивные особенности дискурса тревел-блогов: стимулирование познавательных интенций, самопрезентация, самокоммуникация (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 7. С. 192–196. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.41>.
4. Лучинская С. Ю. Журналы-травелоги в условиях глобализации массмедиа: дис. ... канд. филол. наук / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2009.
5. Погодаева С. А. Языковые средства аргументации во французском туристическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / Иркут. гос. лингвист. ун-т. Иркутск, 2008.
6. Полежаев Ю. Г. Когнитивно-ценностный аспект трэвел-журналов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (58). Ч. 2. С. 142–144.
7. Рамантова О. В. Особенности языковой репрезентации «осознанного путешествия» в англоязычном трэвел-дискурсе // Казанская наука. 2020. № 8. С. 42–48.

8. Редькина Т. Ю. Этические и культурно-речевые нормы в трэвел-медiateксте // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-i-kulturno-rechevye-normy-v-trevel-mediatekste> (дата обращения: 24.02.2021).
9. Тарнаева Л. П., Дацюк В. В. Туристический дискурс: лингвопрагматические характеристики // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. 2013. № 3. С. 229–235.
10. Филатова Н. В. Дискурс сферы туризма в прагматическом и лингвистическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук / МГЛУ. Москва, 2014.
11. Honore C. In Praise of Slowness: Challenging the Cult of Speed. Toronto: Ontario, Random House, 2004.
12. Chon K. S. The Tourism and Leisure Industry: Shaping the Future. N. Y.: Routledge, 2012.
13. Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/buzzword/entries/slow-travel.html> (дата обращения: 24.03.2021).
14. Кадачиева Х. М., Магомедова Н. З. Ценностная картина мира и ее отражение в английском языке (на материале современных британских рассказов) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2010. Вып. 49, № 34 (215). С. 48–50.
15. Bouchet C. M. Local Flavor: Mojitos in Havana // National Geographic. 2016. 19 Feb. URL: <https://www.nationalgeographic.com/travel/article/where-to-find-the-best-mojitos-in-havana> (дата обращения: 24.04.2021).
16. Local Flavor: Hot Chicken in Nashville // National Geographic. 2016. 26 Feb. URL: <https://www.nationalgeographic.com/travel/article/local-flavor-hot-chicken-in-nashville> (дата обращения: 24.04.2021).
17. Just back: Paris // National Geographic. 2015. 22 Jan. URL: <https://www.nationalgeographic.com/travel/intelligent-travel/2015/01/22/just-back-paris/> (дата обращения: 15.04.2021).
18. Abercrombie P. Discover Italy's Aperitivo Capital // National Geographic. 2016. 29 Feb. URL: <https://www.nationalgeographic.com/travel/article/italys-aperitivo-capital-turin-vermouth-torino> (дата обращения: 24.04.2021).
19. O'Keefe S. Find the best foodie souvenirs in France // National Geographic. 2018. 24 Dec. URL: <https://www.nationalgeographic.com/travel/intelligent-travel/2016/01/20/david-lebovitzs-favorite-edible-french-souvenirs> (дата обращения: 28.04.2021).
20. Everything to know about Hawaii Volcanoes National Park // National Geographic. 2019. 15 July. URL: <https://www.nationalgeographic.com/travel/national-parks/hawaii-volcanoes-national-park> (дата обращения: 24.04.2021).
21. Readicker-Henderson E. A Traveler's Ode to Water // National Geographic. 2016. 17 Feb. URL: <https://www.nationalgeographic.com/travel/article/a-travelers-ode-to-water> (дата обращения: 24.04.2021).
22. Kehoe J. Ecotourism could help the "Amazon of north America" recover. Here's how // National Geographic. 2021. 16 April. URL: <https://www.nationalgeographic.com/travel/article/the-amazon-of-north-america-is-disintegrating-visit-mindfully> (дата обращения: 23.04.2021).
23. Bond M. The Fight to Save Africa's Rhinos // National Geographic. 2016. 11 Feb. URL: <https://www.nationalgeographic.com/travel/article/the-fight-to-save-africas-rhinos> (дата обращения: 25.04.2021).
24. Free as a Bird in Cambodia // National Geographic. 2016. 16 Feb. URL: <https://www.nationalgeographic.com/travel/article/free-as-a-bird-in-cambodia> (дата обращения: 20.04.2021).
25. Солодилова И. А., Перевалов В. В. Ценностная картина мира как объект лингвистического изучения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки, Филология. 2018. № 3. С. 180–183.
26. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 1995.

Информация об авторе.

Рамантова Ольга Вячеславовна – кандидат филологических наук (2017), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, коммуникативная лингвистика, теоретическая фонетика. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7235-4057>. E-mail: ms.ramantova@mail.ru

REFERENCES

1. Gedgafova, N.A. (2018), "Linguistic representation of the category of attractiveness in a popular science travel journal", *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhskii philological bulletin], no. 1, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-reprezentatsiya-kategorii-attraktivnosti-v-nauchno-populyarnom-zhurnale-puteshestviy> (accessed 25.01.2021).
2. Elkina, I.I. (2016), "The author and the addressee of media texts about travelling", *Memoirs of NovSU*, no. 2 (6), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtor-i-adresat-trevel-mediateksta> (accessed 24.01.2021).
3. Kazina, A.I. (2019), "Basic Linguo-Cognitive Peculiarities of Travel Blog Discourse: Stimulation of Cognitive Intents, Self-Presentation and Self-Communication (by the Material of the English Language)", *Philology. Theory & Practice*, vol. 12, no. 7, pp. 192–196. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.41>.
4. Luchinskaya, S.Yu. (2009), "Travel magazines in the context of mass media globalization", Abstract of Can. Sci. (Philol.) dissertation, KubSU, Krasnodar, RUS.
5. Pogodaeva, S.A. (2008), "Linguistic Arguments in French Tourism Discourse", Abstract of Can. Sci. (Philol.) dissertation, ISLU, Irkutsk, RUS.
6. Polezhaev, Yu.G. (2016), "The Cognitive and Axiological Aspect of Travel Magazines", *Philology. Theory & Practice*, no. 4 (58), ch. 2, pp. 142–144.
7. Ramantova, O.V. (2020), "Language Actualization of Slow Travelling in English Travel-Discourse", *Kazan Science*, no. 8, pp. 42–48.
8. Red'kina, T.Yu. (2014), "Ethical and cultural speech norms in travel media text", *Ecology of Language and Communicative Practice*, no. 1, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-i-kulturno-rechevye-normy-v-trevel-mediatekste> (accessed: 24.02.2021).
9. Tarnaeva, L.P. and Datsyuk, V.V. (2013), "Tourist discourse: linguo-pragmatic characteristics", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9* [Bulletin of St Petersburg University. Series 9], no. 3, pp. 229–235.
10. Filatova, N.V. (2014), "Discourse of the tourism sector in pragmatic and linguistic aspects", Abstract of Can. Sci. (Philol.) dissertation, MSLU, Moscow, RUS.
11. Honore, C. (2004), *In Praise of Slowness: Challenging the Cult of Speed*, Ontario, Random House, Toronto, Canada.
12. Chon, K.S. (2012), *The Tourism and Leisure Industry: Shaping the Future*, Routledge, N.Y., USA.
13. *Macmillan Dictionary*, available at: <https://www.macmillandictionary.com/buzzword/entries/slow-travel.html> (accessed 24.03.2021).
14. Kadachieva, Kh.M. and Magomedova, N.Z. (2010), "The value picture of the world and its reflection in the English language (based on modern British stories)", *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art history*, iss. 49, no. 34 (215), pp. 48–50.
15. Bouchet, C.M. (2016), "Local Flavor: Mojitos in Havana", *National Geographic*, 19 Feb., available at: <https://www.nationalgeographic.com/travel/article/where-to-find-the-best-mojitos-in-havana> (accessed 24.04.2021).
16. "Local Flavor: Hot Chicken in Nashville" (2016), *National Geographic*, 26 Feb., available at: <https://www.nationalgeographic.com/travel/article/local-flavor-hot-chicken-in-nashville> (accessed 24.04.2021).

17. "Just back: Paris" (2015), *National Geographic*, 22 Jan., available at: <https://www.nationalgeographic.com/travel/intelligent-travel/2015/01/22/just-back-paris/> (accessed 15.04.2021).
18. Abercrombie, P. (2016), "Discover Italy's Aperitivo Capital", *National Geographic*, 29 Feb., available at: <https://www.nationalgeographic.com/travel/article/italys-aperitivo-capital-turin-vermouth-torino> (accessed 24.04.2021).
19. O'Keefe, S. (2018), "Find the best foodie souvenirs in France", *National Geographic*, 24 Dec., available at: <https://www.nationalgeographic.com/travel/intelligent-travel/2016/01/20/david-lebovitzs-favorite-edible-french-souvenirs> (accessed 28.04.2021).
20. "Everything to know about Hawaii Volcanoes National Park" (2019), *National Geographic*, 15 July, available at: <https://www.nationalgeographic.com/travel/national-parks/hawaii-volcanoes-national-park> (accessed 24.04.2021).
21. Readicker-Henderson, E. (2016), "A Traveler's Ode to Water", *National Geographic*, 17 Feb., available at: <https://www.nationalgeographic.com/travel/article/a-travelers-ode-to-water> (accessed 24.04.2021).
22. Kehoe, J. (2021), "Ecotourism could help the "Amazon of north America" recover. Here's how", *National Geographic*, 16 April, available at: <https://www.nationalgeographic.com/travel/article/the-amazon-of-north-america-is-disintegrating-visit-mindfully> (accessed 23.04.2021).
23. Bond, M. (2016), "The Fight to Save Africa's Rhinos", *National Geographic*, 11 Feb., available at: <https://www.nationalgeographic.com/travel/article/the-fight-to-save-africas-rhinos> (accessed 25.04.2021).
24. "Free as a Bird in Cambodia" (2016), *National Geographic*, 16 Feb., available at: <https://www.nationalgeographic.com/travel/article/free-as-a-bird-in-cambodia> (accessed 20.04.2021).
25. Solodilova, I.A. and Perevalov, V.V. (2018), "Valuable picture of the world as an object of linguistic study", *Modern Science: Actual Problems of Theory & Practice. Series of Humanities*, no. 3, pp. 180–183.
26. Hornby, A.S. (1995), *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Information about the author.

Olga V. Ramantova – Can. Sci. (Philology) (2017), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, communicative linguistics, lexicology, theoretical phonetics. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7235-4057>. E-mail: ms.ramantova@mail.ru

Когнитивно-дискурсивное исследование миграционного дискурса (на материале англоязычных медиатекстов)

Н. В. Степанова✉

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

✉nathalie.tresjolie@icloud.com

Введение. Настоящая статья представляет собой фрагмент исследования, посвященного изучению миграционного дискурса. В миграционном дискурсе применяется персуазивная стратегия, реализуемая посредством частной стратегии оценочного информирования, которое осуществляется главным образом при помощи персуазивной тактики этикетирования, внедряемой в текст в том числе благодаря когнитивной метафоре. Метафора позволяет сопоставлять экономические и политические понятия с простыми и наглядными для аудитории образами. Построение схем концептуальной интеграции дает возможность отследить процесс формирования того или иного образа и, соответственно, имплементации персуазивной стратегии в медиатексте. В современных исследованиях одним из вариантов концептуальной интеграции считается механизм интертекстуальности, поскольку благодаря интертекстуальным отсылкам устанавливается связь с фоновыми знаниями.

Методология и источники. Материалом для исследования послужили статьи на английском языке, опубликованные в американских периодических изданиях: <https://www.nytimes.com>, <https://www.washingtonpost.com>, <https://edition.cnn.com>. На первом этапе исследования статьи рассматривались на уровне текста с выявлением лексических, синтаксических и стилистических аспектов функционирования дискурса. На втором этапе (дискурс как дискурсивная практика) были исследованы отдельные примеры интертекстуальности, включая глубинный слой интертекста – когнитивный. Сущность третьего этапа работы с медиатекстами заключалась в поиске взаимосвязи и взаимовлияния по линии дискурс–социальная практика. На данной стадии исследования фокус внимания был смещен с собственно медиатекста на общественно-политическую ситуацию, в контексте которой данный текст был порожден. На каждом из уровней была предпринята попытка определить, какие из перечисленных средств способствуют актуализации персуазивной стратегии в медиатексте.

Результаты и обсуждение. Явление миграции рассматривается в медиатекстах максимально объективно, приводятся как плюсы, так и минусы миграционного процесса. Стратегия оценочного информирования и соответствующие тактики нацелены главным образом на описание действий политических деятелей. Тактика дискредитации, направленная против Д. Трампа, соседствует с тактикой положительной репрезентации Д. Байдена и, таким образом, происходит поляризация по линии «мы – они» (мы – Байден, они – Трамп) посредством лингвистических средств, а также когнитивной метафоры. В рассмотренных статьях часто встречаются лексемы из собственно миграционного дискурса, милитаристского дискурса, а также широко распространена лексика, описывающая события периода пандемии коронавируса и сопутствующих экономических потрясений. С точки зрения интертекстуальных отсылок любопытным представляется

© Степанова Н. В., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

высокий процент числительных и имен собственных, создающих впечатление авторитетности излагаемого материала. Когнитивный слой интертекста широко представлен концептуальной метафорой. Отдельные метафоры, рассмотренные в статье, участвуют в репрезентации миграции и миграционного кризиса, другие способствуют осмыслению прямо или косвенно связанных с миграцией процессов и явлений политического и экономического порядка. Наиболее распространенными в изученном корпусе текстов оказались метафора-заболевание, метафора – природное явление и товарно-вещевая метафора.

Заключение. Исследованный миграционный дискурс эксплицитно связан с политикой, вопросами власти и влияния. Персуазивная стратегия способствует конструированию образов политиков: Трамп – через те ошибки, которые он совершил на посту президента США, его неадекватные и подчас жестокие действия в отношении мигрантов, Байдена – через социальные проблемы, которые новому президенту необходимо решить. Очевидно, что миграционный вопрос является при этом ключевым, тестовым заданием, к работе над которым Байдену пришлось приступить сразу после прихода к власти.

Ключевые слова: стратегии, тактики, стратегия оценочного информирования, когнитивно-дискурсивный анализ, миграционный дискурс, кризисный дискурс, когнитивная метафора, концептуальная интеграция, интертекстуальность, дискурс как социальная практика.

Для цитирования: Степанова Н. В. Когнитивно-дискурсивное исследование миграционного дискурса (на материале англоязычных медиатекстов) // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 4. С. 104–118. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-104-118

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 13.05.2021; принята после рецензирования 03.06.2021; опубликована онлайн 24.09.2021

Cognitive-Discursive Study of Migration Discourse (Based on English-Language Media Texts)

Nataliia V. Stepanova[✉]

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

[✉]nathalie.tresjolie@icloud.com

Introduction. This article is a fragment of a study on migration discourse. The migration discourse uses a persuasive strategy implemented by means of evaluation information strategy. Evaluation information strategy is carried out mainly through persuasive tactics, which are introduced into the text thanks to the cognitive metaphor. Metaphor allows to compare economic and political concepts with simple and visible images. The construction of conceptual integration schemes makes it possible to track the process of forming a particular image and, consequently, implementing a persuasive strategy in a media text. In modern research, the mechanism of intertextuality can be analyzed in terms of conceptual integration, since intertextual references make a connection with background knowledge.

Methodology and sources. The material for the study was articles in English published in American periodicals: <https://www.nytimes.com>, <https://www.washingtonpost.com>, as well as on the website <https://edition.cnn.com>. At the first stage of the study, articles were considered at the text level with the identification of lexical, syntactic and stylistic aspects of the functioning of the discourse. At the second stage (discourse as a discursive practice), examples of intertextuality were investigated, including the depth layer of intertext – cognitive one. The essence of the third stage of work with media texts was the search for interconnection and

mutual influence of discourse and social practice. At this stage of the study, the focus of attention was shifted from the media text itself to the socio-political situation in the context of which this text was generated. At each level, an attempt was made to determine which of the means contribute to the realization of the persuasive strategy in the media text and how it is carried out.

Results and discussion. The phenomenon of migration is examined in media texts as objectively as possible, both the pros and cons of the migration process are given. The evaluation strategy and related tactics are mainly aimed at describing the actions of politicians. Discrediting tactics directed against Trump are adjacent to Biden's positive representation tactics and, thus, we-they polarization (we-Biden, they-Trump) through linguistic means, as well as cognitive metaphor is performed. In the articles reviewed, lexemes from the migration and militaristic discourse are often found, and vocabulary describing the events of the coronavirus pandemic period and the accompanying economic crisis are widespread. From the viewpoint of intertextual references, a high percentage of numerals and proper names, which give the impression of the authority of the material, might be of particular interest. The cognitive layer of intertext is widely represented by a conceptual metaphor. Some metaphors discussed in the article participate in the representation of migration and the migration crisis, other metaphors contribute to understanding political and economical processes and phenomena directly or indirectly related to migration. Metaphor-disease, metaphor-natural phenomenon and commodity-material metaphor were the most common in the studied body of texts.

Conclusion. The migration discourse studied is explicitly related to politics, to issues of power and influence. The persuasive strategy contributes to the construction of images of politicians: Trump is introduced through the mistakes that he made as president of the United States, as well as his inadequate and sometimes cruel actions against migrants, Biden is represented through social problems that he needs to solve performing the role of the president elect. Obviously, the migration issue is a key factor, a test task, which Biden will have to work on immediately after coming to power.

Key words: strategies, tactics, strategy of evaluative information, cognitive-discourse analysis, migration discourse, crisis discourse, cognitive metaphor, conceptual integration, intertextuality, discourse as a social practice.

For citation: Stepanova N. V. Cognitive-Discursive Study of Migration Discourse (Based on English-Language Media Texts). DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 4, pp. 104–118. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-104-118 (Russia)

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 13.05.2021; adopted after review 03.06.2021; published online 24.09.2021

Введение. В миграционном дискурсе успешно применяется **персуазивная** стратегия, реализуемая посредством частной стратегии *оценочного информирования*. Суть оценочного информирования состоит в создании определенного образа объекта, а не в его объективном описании [1]. При этом на первый план выходит эмоционально-аффективное воздействие, вытесняющее рациональное мышление, используются оценочная лексика и экспрессивные структуры, присутствует ориентация на определенную референтную группу. В политическом дискурсе оценочное информирование осуществляется главным образом с помощью персуазивной тактики *этикетирования*, которая реализуется двумя способами. Первый способ – противопоставление «своего» (мы) и «чужого» (они). Второй является логическим продолжением первого и заключается в *положительной характеристике «своего» и дискредитации*

«чужого». Тактики, способствующие реализации стратегии оценочного информирования, многообразны. Например, тактика *групповой идентификации*, ведущая к формированию национальной, этнической, территориальной или политической идентичности (использование лозунговых слов). И соответственно – тактика *дискредитации* или *политического размежевания*, способствующая приписыванию «чужому» отрицательных характеристик. Это так называемая тактика «навешивания ярлыка» [2; 3, с. 86–87]. Персуазивные тактики внедряются в текст в том числе благодаря когнитивной метафоре. Персуазивный дискурс в целом метафоричен, и каждая отдельная метафора придает ему убедительности. Метафора позволяет сопоставить сложные экономические и политические понятия с более простыми и наглядными для аудитории образами. Построение схем концептуальной интеграции дает возможность отследить процесс формирования того или иного образа и, соответственно, имплементации персуазивной стратегии в медиатексте [3, с. 76]. В современных исследованиях одним из вариантов концептуальной интеграции считается механизм интертекстуальности, поскольку благодаря интертекстуальным отсылкам устанавливается связь с фоновыми знаниями. При этом происходит взаимодействие когнитивных структур, связанных с новым текстом и претекстом. Данное взаимодействие может быть рассмотрено в том числе при помощи теории концептуальной интеграции, где наряду с понятием «смешанное пространство» появляется термин «интертекстуальное смешанное пространство», которое образуется в ходе чтения нового текста [4, с. 70–71].

Методология и источники. Материалом исследования послужили статьи на английском языке, опубликованные в американских периодических изданиях: <https://www.nytimes.com>, <https://www.washingtonpost.com>, <https://edition.cnn.com>.

На первом этапе исследования в соответствии с трехмерной схемой Н. Фэркло [5] были рассмотрены характеристики медиадискурса каждой статьи как текста. На этой стадии были выявлены лексические, синтаксические, стилистические аспекты функционирования дискурса. На втором этапе (дискурс как дискурсивная практика) были исследованы отдельные примеры интертекстуальности, включая глубинный слой интертекста – когнитивный. Здесь изучению подверглась когнитивная метафора, при этом непосредственно исследование в рамках теории блендинга предварялось дефиниционным анализом компонентов метафоры с использованием одноязычных словарей, что позволило выявить различные значения лексических единиц, формирующих рассматриваемые исходные пространства. Наконец, сущность третьего этапа работы с медитекстами заключалась в поиске взаимосвязи и взаимовлияния по линии дискурс–социальная практика. На данной стадии исследования фокус внимания был смещен с собственно медиатекста на общественно-политическую ситуацию, в контексте которой этот текст был порожден. На каждом из уровней была предпринята попытка определить, какие из перечисленных средств способствуют актуализации персуазивной стратегии в медиатексте.

Результаты и обсуждение. В исследованном материале авторы акцентируют внимание прежде всего на миграционной политике Дональда Трампа и Джо Байдена. ИмPLICITное противопоставление фигур двух американских президентов присутствует в каждом из медиатекстов. Стратегия оценочного информирования реализуется при помощи тактики этикетирования, которая, в свою очередь, воплощается посредством тактики формирования групповой идентичности и тактики дискредитации (политического размежевания).

Таким образом миграционный дискурс в значительной степени приобретает характер политического (медиаполитического) дискурса.

Рассмотрим, каким образом персуазивная стратегия может быть актуализована в миграционном дискурсе: (1) *President Trump didn't force Mexico to pay for a border wall, but his bully tactics turned the country into a formidable barrier to the destitute Central Americans who travel north toward the U.S. border in mass migration events known as caravans* [6]. В данном предложении реализуется тактика дискредитации, направленная против миграционной политики Д. Трампа. Тактика политического размежевания актуализована посредством использования экспрессивной лексики (*bully, formidable, destitute*), синтаксического противопоставления с ироничным подтекстом (*didn't force to pay for a border wall, but used bully tactics*). В примере присутствуют лексические единицы, наиболее типичные для миграционного дискурса: *mass migration* и *caravans*. В следующем предложении медиатекста наблюдается дальнейшее применение тактики дискредитации: (2) *Mexican President Andrés Manuel López Obrador, who took office in 2018 after telling supporters that his country would no longer do the Americans' "dirty work" on immigration enforcement, was forced to do exactly that because of Trump's threats to cripple the Mexican economy with trade penalties* [6]. Президент Мексики был вынужден (*forced*) продолжить выполнение «грязной» (*dirty*) работы по осуществлению иммиграционного законодательства (*immigration enforcement*) под воздействием президента США. Деятельность Трампа по отношению к экономике Мексики описывается словом *cripple* (искалечить, изувечить, парализовать). Рассмотрим данную когнитивную метафору (рис. 1).

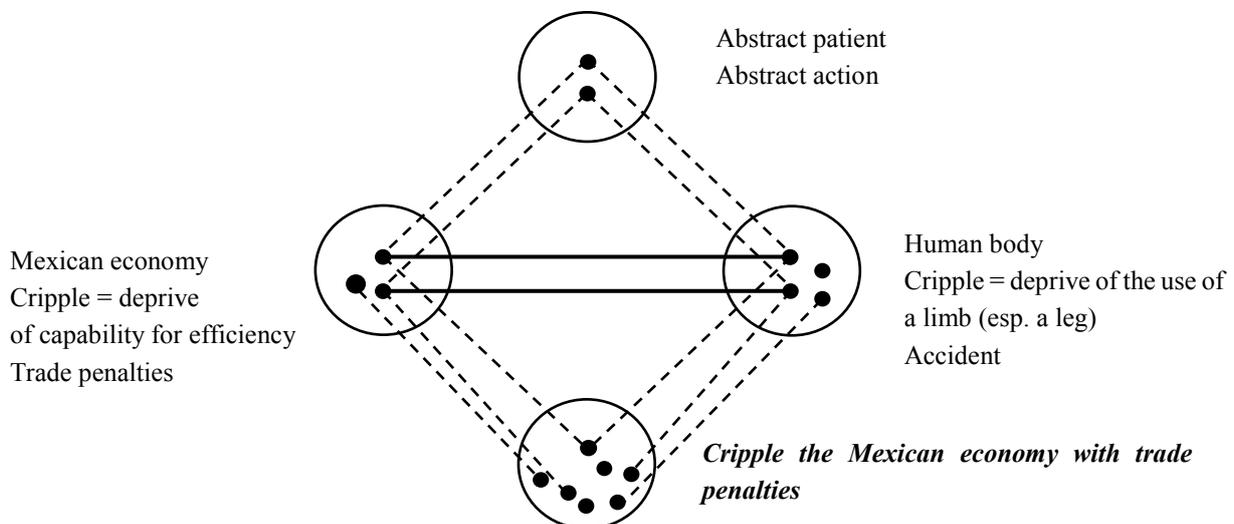

Рис. 1. Сеть концептуальной интеграции для *Cripple the Mexican economy with trade penalties*

Fig. 1. Conceptual integration process for *Cripple the Mexican economy with trade penalties*

В словаре Вебстера приводятся два основных значения слова *cripple* [7]. В прямом смысле *cripple* означает *искалечить, изувечить, парализовать* (*to deprive of the use of a limb and especially a leg*), например, *the accident left him crippled*. В метафорическом понимании *cripple* означает *лишить эффективности, целостности или силы* (*deprive of capability for service or of strength, efficiency, or wholeness*). Таким образом, анализ словарных дефиниций данной лексической единицы подсказывает путь актуализации метафоры и, соответственно,

раскрывает сущность метафорического осмысления рассматриваемого политико-экономического явления. Межпространственная проекция основана на витальных отношениях аналогии, которые высвечивают принципиально важные признаки обоих пространств. Так, операция композиции соединяет в интертекстуальном бленде следующие элементы исходных пространств: экономика и тело человека, лишение экономики эффективности и нанесение увечий телу, торговые санкции и несчастный случай, который привел к увечьям. Все допущения и коннотации, возникающие при осмыслении прямого значения слова *cripple*, переходят в процессе операции завершения и к метафорическому значению данной лексической единицы. Ощущение тревоги, депрессии, отчаяния, порожденные физическим состоянием тела, проецируются в смешанное пространство, в результате чего в сознании аудитории образ экономики, подвергшейся торговым санкциям Трампа, становится мрачным и лишенным всяких перспектив. Сопоставление экономики с человеческим телом, а финансовых кризисов – с заболеваниями является типичным для медиаполитического дискурса в целом [8]. Искалеченное тело может быть лишено какой-то своей части, например ноги, «искалеченная» экономика в свою очередь становится гораздо менее эффективной и целостной, теряя возможность выполнять свои ключевые функции. Любопытным представляется использование в этом контексте выражения *trade penalties* (торговые санкции). Состояние тела *cripple* возникает, как правило, случайно, в результате несчастного случая, в то время как состояние *cripple* в экономике спровоцировано сознательно, в данном случае действиями Трампа. Данное допущение в дискурсе статьи придает политике экс-президента США особую жестокость. В этом случае можно говорить о контаминации дискурсов, поскольку кроме собственно медиаполитического и кризисного здесь присутствует миграционный дискурс.

Далее автор статьи вводит выражение *unleashed an unprecedented militarized crackdown* (реализовал беспрецедентную военизированную расправу / жестокое преследование / закручивание гаек / пенреccии): (3) *López Obrador unleashed an unprecedented militarized crackdown on Central American travelers, blocking their caravans, rounding up families and allowing U.S. authorities to return non-Mexican border-crossers to Mexico for the first time* [6]. Актуализации тактики дискредитации в данном случае способствует негативно окрашенная лексика из милитаристского (*blocking, unprecedented militarized crackdown*) и собственно миграционного (*caravans, border-crossers*) дискурса.

В следующем абзаце наблюдается развертывание не только миграционного, но и кризисного дискурса с применением тактики положительной репрезентации Д. Байдена и дискредитации Д. Трампа: (4) *President-elect Joe Biden could face a difficult test at the border as soon as he takes office. He has pledged to revoke the Migration Protection Protocols that Trump used to bounce border-crossers back into Mexico, but Biden has not indicated how he might handle a new influx of tens of thousands of migrants trying to enter the country. With Central America's economies **hammered by the coronavirus pandemic** and several powerful hurricanes this year, the elements of a new crisis are gathering* [6]. Отрицательная репрезентация Трампа осуществляется за счет использования выражения с негативной коннотацией *bounce border-crossers back into Mexico* (вышвырнуть тех, кто пересекает границу, из страны). Байден обязался отменить протоколы против незаконного ввоза мигрантов, позволившие

Трампу так поступить. Однако он не указал, как именно будет справляться с потоком десятков тысяч мигрантов (*has not indicated how he might handle a new influx of tens of thousands of migrants*). Интересно, что автор не выказывает явной симпатии Байдену, но при этом применяет по отношению к нему тактику положительной репрезентации и тактику формирования групповой идентичности на контрасте с полностью негативным образом Трампа, реализуя имплицитное противопоставление по линии «мы–они», используя пресуппозицию некой разумности Байдена и его желания решать «наши» проблемы. Автор статьи конструирует образ Д. Байдена именно через те социальные проблемы, решение которых предстоит недавно избранному президенту. Очевидно, что миграционный вопрос является при этом ключевым, тестовым заданием, к работе над которым Байдену придется приступить сразу после прихода к власти. Однако миграционный кризис сосуществует с целым рядом других социальных проблем, крайне осложняющих ситуацию: пандемия коронавируса, разрушающая экономику, а также серьезные природные катаклизмы. Кризисный дискурс вводится с помощью собственно лексической единицы *crisis*, а также посредством когнитивной метафоры *economies hammered by the coronavirus pandemic* (пандемия нанесла удар по экономике). Обратимся к данной метафоре (рис. 2).

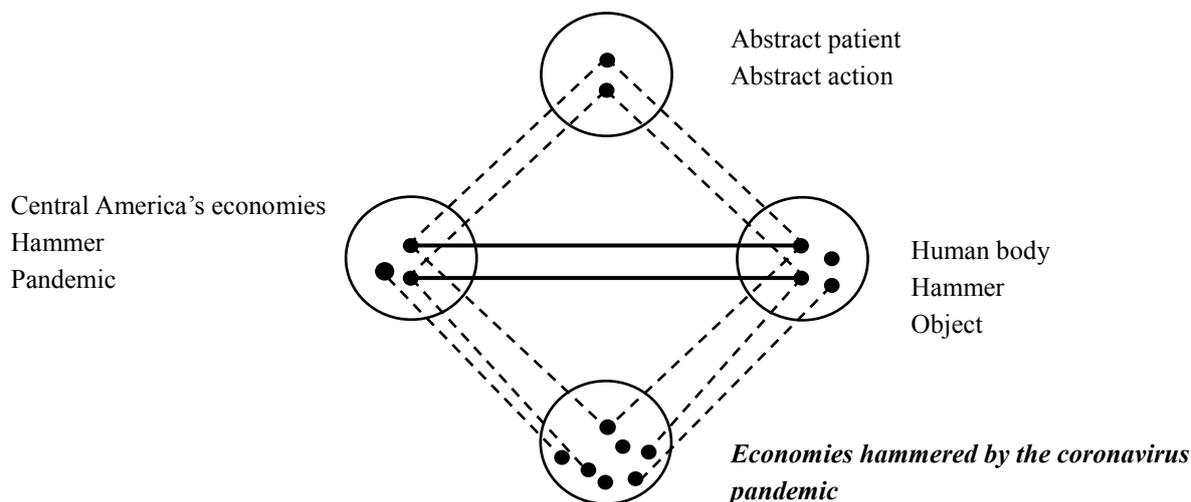

Рис. 2. Сеть концептуальной интеграции для *Central America's economies hammered by the coronavirus pandemic*

Fig. 2. Conceptual integration process for *Central America's economies hammered by the coronavirus pandemic*

В результате смешения двух исходных пространств пандемия коронавируса воспринимается как удар молотком или другим тяжелым предметом по какой-либо части тела. Как и в предыдущем примере, рынок/экономика сравнивается с телом человека. Упрощенная аналогия проявляется в том, что урон, нанесенный коронавирусом мировому рынку, настолько велик, что его можно сопоставить только с ударом молотком. В эмерджентной структуре бленда осуществляется операция развития, которая позволяет проследить фоновые знания, возникающие в результате подобного сравнения. Так, удар тяжелым предметом может повлечь за собой серьезные последствия: от ушибов до летального исхода, что вызывает ощущение боли и морального упадка. В связи с этим воздействие пандемии на мировую экономику приобретает такие же коннотации, связанные с пессимистическими настроениями и отсутствием веры в будущее.

Нормализация отношений с Мексикой и решение миграционных проблем, по мнению автора медиатекста, потребует от Байдена больших усилий и дипломатического подхода. Дискурс, который разворачивается при описании вероятных действий нового президента США, является достаточно метафоричным и идиоматическим, насыщенным когнитивными метафорами, устойчивыми выражениями и экспрессивной лексикой: (5) “*Biden will not have an easy set of choices, but I think he will try to thread the needle between a more humanitarian approach and a need to avoid getting overwhelmed,*” said Wayne, who teaches at American University [6]. (6) “*What he can do is try to forge a more effective partnership with Mexico to see the common value of dealing with this in an orderly way, and not letting it get out of hand.*” [6]. Выражение *to thread the needle* авторски обыгрывается: после него появляется предлог *between*, соединяющий два сложно совместимых подхода к решению проблемы (баланс между гуманным отношением к мигрантам и переполненность страны мигрантами). Далее следует метафора *to forge a more effective partnership with Mexico* (выковать более эффективное партнерство с Мексикой). Данная метафора (сопоставление политических/экономических явлений с металлическим предметом) встречается довольно редко и не относится к числу характерных для миграционного дискурса. Мысль автора подкрепляется идиомой *get out of hand* (стать бесконтрольным, выйти из повиновения), которая подчеркивает опасения, связанные с решением миграционных проблем, с возможным выходом этих проблем из-под контроля президента.

В другом медиатексте тема миграционных потоков продолжается в контексте того наследия, которое Дональд Трамп оставил Джо Байдену: (7) *When President-elect Joe Biden comes into office, he will inherit the Trump administration’s restrictionist immigration agenda, which cut access to asylum and has kept migrants in limbo in Mexico while they await humanitarian protection in the US* [9]. Рассмотрим дважды используемую в статье когнитивную метафору *Mexico is limbo*, с помощью которой Мексика сравнивается с чистилищем, с преддверием ада для потенциальных мигрантов (рис. 3).

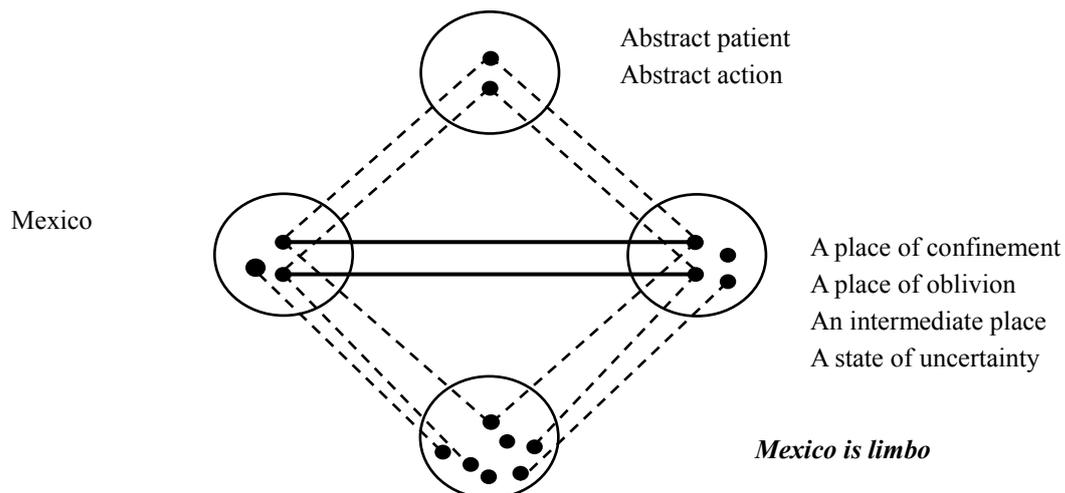

Рис. 3. Сеть концептуальной интеграции для *Mexico is limbo*

Fig. 3. Conceptual integration process for *Mexico is limbo*

Limbo согласно словарю Вебстера [7] имеет несколько значений: 1) A place or state of confinement (место или состояние заточения/заклчения); 2) A place or state of neglect or

oblivion (место или состояние, в котором людей подвергают пренебрежительному или жестокому обращению, предают забвению); 3) An intermediate or transitional place or state (промежуточное или переходное место или состояние); 4) A state of uncertainty (состояние неуверенности). В процессе межпространственного отображения все характеристики исходного пространства *Limbo* проецируются в исходное пространство *Mexico*. В эмерджентной структуре интертекстуального бленда Мексика превращается в место, где мигранты содержатся в состоянии заключения, в котором их подвергают жестокому обращению и оставляют в состоянии неопределенности.

Все эти допущения в контексте статьи подводят читательскую аудиторию к мысли о том, что политика экс-президента США Дональда Трампа оказалась не только неудачной, но и жестокой по отношению к мигрантам. Таким образом, имплицитно происходит актуализация стратегии оценочного информирования посредством тактики дискредитации (политического размежевания). Политическое размежевание основано также на том, что в приведенном предложении указано, что Джо Байдену придется «унаследовать» иммиграционную повестку Трампа.

Автор статьи подчеркивает готовность избранного президента к изменениям, признавая при этом, что привести страну к этим изменениям будет непросто: (8) *Biden has promised swift change, but it won't be simple*. Далее приводятся примеры цитат, в которых речь идет о последующих действиях Байдена: (9) “*They're realizing that they have two months to figure out a really complicated mess of things,*” ... “*People are really overwhelmed trying to figure out the sheer issues, the sheer number of pieces you have to coordinate...*” [9]. В данном фрагменте присутствует лексика с отрицательной коннотацией (*mess of things, overwhelmed*), а также лексический повтор слова *sheer* (*простой*), позволяющий заострить внимание на сложности поставленных задач: казалось бы, перед президентом США стоит ряд *простых* проблем, есть *просто* некоторое количество вопросов, требующих координирования, однако все это вместе приводит к ощущению полной *перегруженности* (*overwhelmed*). Авторы статьи транслируют образ политика как человека, которому предстоит решение большого количества разнообразных задач, что потребует от него сил и политического мастерства.

Один из медиатекстов начинается с реализации тактики дискредитации Д. Трампа: (10) *Donald Trump will soon be gone from the White House. But in the millions of homes where Latino immigrants live, the questions that have dominated the past four years will not soon go away: Will I ever see my mother again? Will there be a time where I won't live with the fear of disappearing on my way to work, never to be seen again by my neighbors? Will I be able to go to college? Will my parents ever escape the nightmare of immigration bureaucracy?* [10]. Первые два предложения семантически противопоставлены друг другу. Оттенок эмоциональности и отчаяния дискурсу придает также следующий за ними риторический вопрос: (11) *Will I ever see my mother again?* Далее друг за другом идут другие подобные социально ориентированные вопросы, при помощи которых актуализируется тактика дискредитации. Лексические повторы, синтаксический параллелизм и риторические вопросы не могут не обратить на себя внимание читателя и вызвать его сочувствие и сострадание. Читательская аудитория, ознакомившись с данным фрагментом текста, может сделать вывод о том, что во всех напастьях мигрантов виноват именно Дональд Трамп, имя которого упоминалось в начале абзаца.

Статья посвящена будущему незарегистрированных (*undocumented*) мигрантов, что заявлено в заголовке медиатекста. В самой статье слово *undocumented* встречается многократно, фактически в каждом абзаце. В одном из абзацев оно было использовано три раза подряд: (12) *There are 11 million undocumented immigrants in this country, and millions who are the children, siblings and spouses of the undocumented; they live in the uneasy cultural and legal limbo of the “mixed status” family. And even if you’re a U.S. citizen who’s never met or worked alongside an undocumented immigrant, the fate of the democracy you cherish is tied to theirs* [10]. Данный абзац интересен тем, что в нем приводятся конкретные данные по общей численности мигрантов в стране (11 млн), а также тем, что в конце последнего предложения используется манипулятивное обращение к гражданину США: если вы гражданин США, который никогда не встречал неподтвержденных мигрантов и не работал с ними, вы должны осознавать, что *судьба демократии, которая вам так дорога, связана именно с ними*. Таким образом, автор статьи стремится воздействовать на своего читателя, взывает к его совести, утверждая, что подлинная демократия невозможна без учета интересов всех граждан страны, в том числе и интересов мигрантов. Также в примере присутствует слово *limbo*, уже описанное ранее, с той разницей, что в данном случае ему предшествует прилагательное *legal*, что делает контекст предложения несколько ироничным, поскольку подвешенное состояние, которое само по себе всегда неприятно, получает законный статус. Эта статья написана от первого лица, и автор приводит в ней примеры из собственной жизни, что, несомненно, оживляет повествование и, вероятно, вызывает доверие читателя: (13) *This summer I traveled to central Pennsylvania to meet a family friend who is undocumented* [10]. Автор статьи выступает в поддержку мигрантов, реализуя таким образом тактику положительной репрезентации в их отношении: (14) *The labor of undocumented workers sustains this country. During the pandemic, they perform essential tasks in hospitals, farm fields, grocery stores and other places. They feed this country, clean our homes and help raise our children. Their daily anxieties and their frustrations are a central element in the emotional landscape of this country* [10] (*В ходе пандемии мигранты выполняют важную работу в больницах, полях, магазинах и других местах. Они кормят эту страну, убираются в наших домах и помогают воспитывать наших детей. То, что их беспокоит, те проблемы, с которыми они сталкиваются ежедневно, – центральный элемент эмоционального пейзажа этой страны.*) Любопытно, что автор называет США «этой» страной, будто немного дистанцируясь от нее. Он подчеркивает, что «они» «нам» помогают, однако противопоставления по линии «мы–они» в данном случае нет, напротив, речь идет о взаимодействии, о консолидации сил.

Рассмотрим метафору *Migrants’ anxieties are central element of US emotional landscape* (рис. 4). Опираясь на данные словаря Вебстера [7], рассмотрим основные значения компонентов метафоры: *anxieties* и *landscape*. *Anxiety* определяется в словаре как *uneasiness/nervousness* (*беспокойство/нервозность*), *sense of apprehension* (*чувство опасения/дурное предчувствие*), *mentally distressing concern* (*тревожное беспокойство*), *a strong desire mixed with fear/doubt* (*сильное желание, смешанное со страхом/сомнением*). Дефиниции единицы *landscape*: *the landform of a region* (*ландшафт местности*), *a portion of territory viewed at one time from one place* (*область территории, полностью просматриваемая из одного места*), *an area of activity* (*область деятельности*). Межпространственное отображение соединяет элементы исходных пространств, в

результате чего страх, беспокойство и опасения начинают восприниматься как один из ключевых элементов территории Мексики.

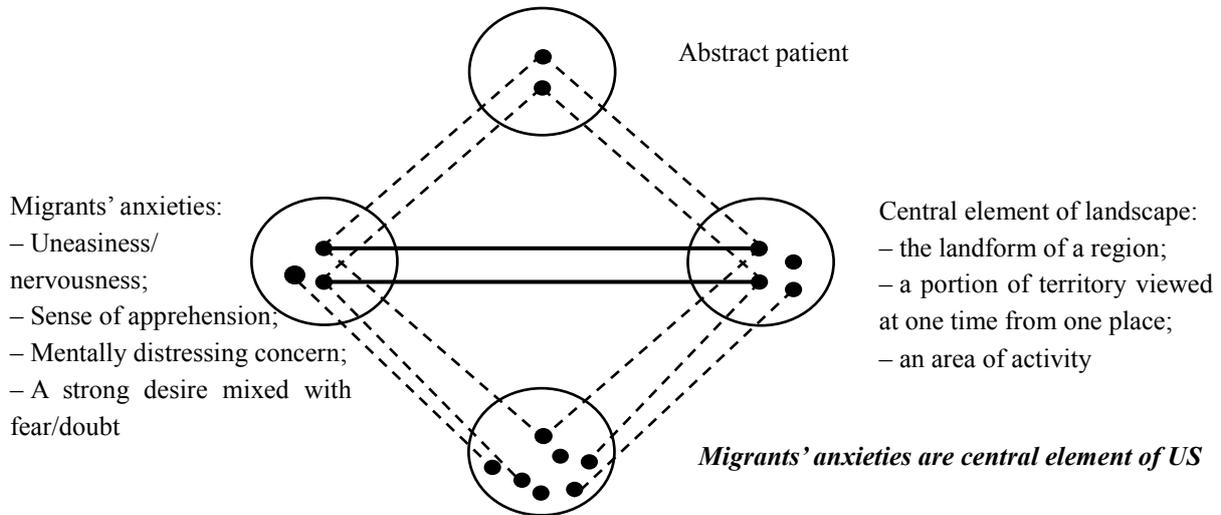

Рис. 4. Сеть концептуальной интеграции для *Migrants' anxieties are central element of US*

Fig. 4. Conceptual integration *Migrants' anxieties are central element of US*

Как известно, в миграционном дискурсе наиболее популярны метафоры, сопоставляющие миграцию с различными природными явлениями, чаще всего с водой (поток, всплеск, приливы и отливы, лавины и др.), также могут встретиться метафоры-заболевания, в основном в случае контаминации миграционного и кризисного дискурсов. Тем не менее в миграционном дискурсе присутствуют и другие, более редкие типы метафор. Приведем пример: (15) *We are slowly creating a caste of permanently undocumented Latino people in the United States. Politicians like Mitch McConnell helped kill immigration reform efforts when Barack Obama was president. He was also an ally of the Trump administration as it used immigrants as props in a theater of cruelty, from the Muslim ban to the attempt to kill DACA that reached the Supreme Court this spring* [10].

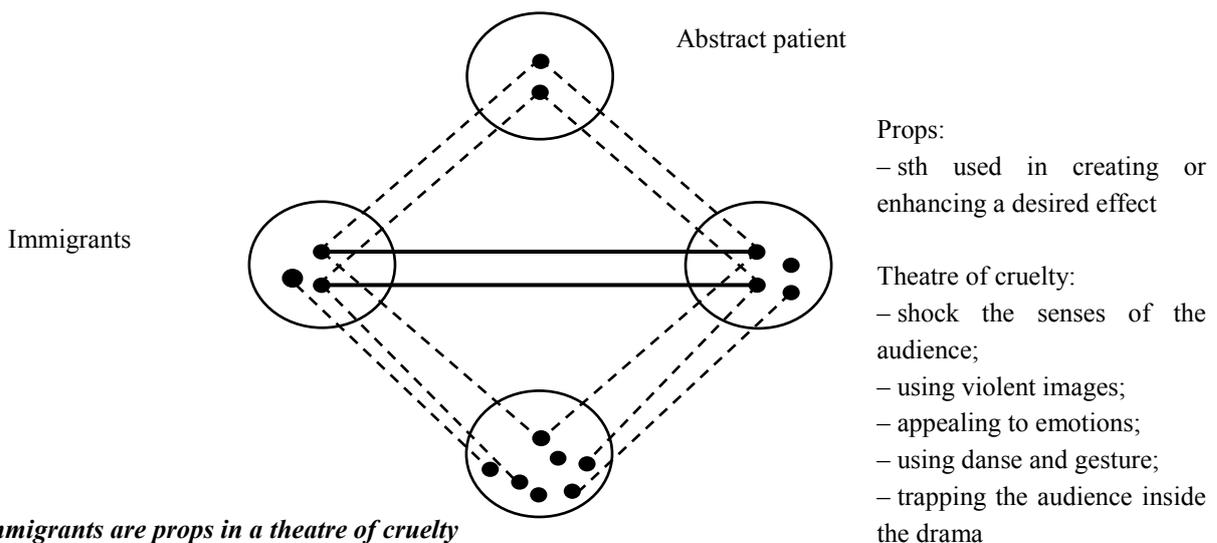

Рис. 5. Сеть концептуальной интеграции для *Immigrants are props in a theatre of cruelty*

Fig. 5. Conceptual integration *Immigrants are props in a theatre of cruelty*

В этом контексте мигранты метафорически и иронически сравниваются с декорациями и реквизитом в театре жестокости. Разберем, как здесь осуществляется концептуализация (рис. 5). *Props* определяется в словаре Вебстера [7] как *sth used in creating or enhancing a desired effect* (подпорки; реквизит; нечто, что участвует в создании или усилении желаемого воздействия). *Theatre of cruelty* (театр жестокости) включает следующие компоненты: *shock the senses of the audience* (шокирование чувств аудитории), *sometimes using violent images* (иногда с применением жестоких изображений), *appealing to emotions* (обращение к эмоциям), *using dance and gesture* (использование танцев и жестов), *trapping the audience inside the drama* (попытка заманить зрителя в драматическое действие). В интертекстуальном смешанном пространстве сети концептуальной интеграции иммигранты воспринимаются как театральные реквизиты, как элемент декораций, лишенный индивидуальности и самостоятельности и служащий поддержкой театра жестокости, основанного Трампом.

Итак, согласно результатам проведенного исследования *тактика дискредитации*, направленная против Трампа, соседствует с *тактикой положительной репрезентации* Байдена и таким образом происходит поляризация по линии «мы–они» (мы – Байден, они – Трамп) посредством лексических, синтаксических и стилистических средств, а также когнитивной метафоры. Среди лексико-стилистических средств реализации указанных тактик фигурирует *ирония*. К синтактико-стилистическим способам актуализации тактик относятся главным образом *лексические повторы*, *синтаксический параллелизм* и *риторические вопросы*. К наиболее частотным лексическим единицам относится слово *migrant* в различных формах: *migrants*, *migration*, *immigrants* [11–17]. Лексема *migrant* многократно используется в сочетании с различными прилагательными и глаголами. Также в рассмотренных статьях часто встречаются лексемы из собственно миграционного дискурса: *asylum seekers* [9, 12, 14, 16], *refugees* [9, 11, 16], *border*, *border-crossers* [6, 9, 15], *caravans* [6, 12], *undocumented* [9, 11, 13, 16]. Широко распространена лексика, описывающая события периода пандемии коронавируса и сопутствующих экономических потрясений: *covid 19*, *coronavirus*, *pandemic*, *recession*, *crisis* [6, 9, 11, 12, 16]. Лексическая единица *crisis* используется в каждом медиатексте. Встречаются лексические единицы из милитаристского дискурса: *blocking*, *unprecedented militarized crackdown* [6].

С точки зрения интертекстуальных отсылок любопытным представляется высокий процент числительных и имен собственных, создающих впечатление авторитетности излагаемого материала. Когнитивный слой интертекста широко представлен концептуальной метафорой. Отдельные метафоры, рассмотренные в статье, участвуют в репрезентации собственно миграции и миграционного кризиса, другие способствуют осмыслению прямо или косвенно связанных с миграцией процессов и явлений политического и экономического порядка. **Метафора-заболевание** участвует в осмыслении ущерба, нанесенного экономике Трампом (*cripple*). **Метафора – природное явление** используется в собственно миграционном дискурсе (*landscape*). **Товарно-вещевая метафора** встречается в отдельных фрагментах кризисного, экономического и миграционного дискурса (*hammered by pandemic*, *partnership is a metallic object*, *theatre of cruelty*). Когнитивная метафора способствует формированию образа Мексики как места, опасного для жизни: страх, беспокойство и опасения начинают восприниматься как один из ключевых элементов территории.

Однако по результатам комплексного исследования *дискурса как текста, дискурсивной практики и социальной практики* в миграционном дискурсе нет исключительно отрицательного представления миграции, практически отсутствуют элементы расистского дискурса и дискурса вражды. Вместо этого дискурс приобретает политический характер, раскрывающий суть противостояния двух политических деятелей – глав государства. Явление миграции рассматривается максимально объективно, с разных сторон, приводятся как плюсы, так и минусы миграционного процесса. Достаточно часто авторы медиатекстов высказывают по отношению к мигрантам сочувствие и сострадание, подчеркивают, что американское общество должно оставаться открытым и демократичным, поддерживающим мигрантов.

Заключение. Миграционный дискурс напрямую связан с политикой, с вопросами власти и влияния. Персуазивная стратегия способствует конструированию образов политиков: Байдена – через социальные проблемы, которые необходимо решить, Трампа – через те ошибки, которой он совершил. Очевидно, что миграционный вопрос является при этом ключевым, тестовым заданием, к работе над которым Байдену придется приступить сразу после прихода к власти. Персуазивная стратегия также участвует в актуализации противопоставления фигур политических деятелей, которое является единственным воплощением дискурса вражды в рассмотренном корпусе медиатекстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степанова Н. В. Метафорическая репрезентация миграционного кризиса как природного явления водной стихии (на материале агглюязычных медиатекстов) // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 3. С. 107–121. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-107-121.
2. Голоднов А. В. Специфика реализации персуазивной стратегии оценочного информирования в различных типах текста риторического метадискурса // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. Сер. Филология. 2009. Т. 2, № 5. С. 122–134.
3. Степанова Н. В. Персуазивность vs эвазивность: стратегии в современном политическом интервью // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 3. С. 79–89. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-79-89.
4. Сопина А. Л. Когнитивный аспект интертекстуальности английского художественного текста: на материале романов Д. Лоджа: дис. ... канд. филол. наук / СПбГЭТУ «ЛЭТИ». СПб., 2019.
5. Fairclough N. *Language and Power*. 2nd ed. London: Longman, 1995.
6. Sieff K., Miroff N. Migrant caravans could be early test for Biden and post-Trump relations with Mexico // *The Washington Post*. 2020. 2 Dec. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/12/02/biden-migrant-caravans/> (дата обращения: 28.01.2021).
7. Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 28.01.2021).
8. Степанова Н. В. Метафорическое осмысление кризиса как природного явления в контексте теории концептуальной интеграции // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 3 (69). Ч. 3. С. 157–165.
9. Alvarez P., Sands G. Biden administration prepares to inherit controversial Trump immigration policies // *CNN Politics*. 2020. 29 Nov. URL: <https://edition.cnn.com/2020/11/29/politics/biden-trump-immigration/index.html> (дата обращения: 24.01.2021).
10. Tobar H. What the Future Holds for Undocumented Immigrants // *The New York Times*. 2020. 1 Dec. URL: <https://www.nytimes.com/2020/12/01/opinion/trump-biden-immigration-reform.html?searchResultPosition=3> (дата обращения: 24.01.2021).

11. Jordan M. Children from Immigrant Families Are Increasingly the Face of Higher Education // The New York Times. 2020. 15 Oct. URL: <https://www.nytimes.com/2020/10/15/us/immigrant-families-students-college.html?searchResultPosition=5> (дата обращения: 18.01.2021).
12. Alvarez P. Supreme Court to hear challenges to Trump border wall funding and asylum policies // CNN Politics. 2020. 19 Oct. URL: <https://edition.cnn.com/2020/10/19/politics/supreme-court-immigration-border-wall-asylum/index.html> (дата обращения: 23.01.2021).
13. Alvarez P. Trump administration hypes immigration enforcement in key swing state ahead of election // CNN Politics. 2020. 16 Oct. URL: <https://edition.cnn.com/2020/10/16/politics/trump-sanctuary-city-election-pennsylvania/index.html> (дата обращения: 01.02.2021).
14. Tapiero E., Kottasová I. French police officers suspended after a video emerges of them beating a Black man // CNN Europe. 2020. 28 Nov. URL: <https://edition.cnn.com/2020/11/26/europe/france-police-violence-video-intl/index.html> (дата обращения: 31.01.2021).
15. Alvarez P. Trump administration tries to push last-minute immigration limits // CNN Politics. 2020. 19 Nov. URL: <https://edition.cnn.com/2020/11/19/politics/immigration-trump-transition/index.html> (дата обращения: 31.01.2021).
16. Rahim Z. The UK considered shipping migrants 4,000 miles away. This is the influential minister in charge of immigration policy // CNN UK. 2020. 3 Oct. URL: <https://edition.cnn.com/2020/10/03/uk/priti-patel-uk-home-secretary-gbr-intl/index.html> (дата обращения: 02.02.2021).

Информация об авторе.

Степанова Наталья Валентиновна – кандидат филологических наук (2014), доцент (2018), профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, дискурсивный анализ, медиадискурс, теория перевода. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0920-753X>. E-mail: nathalie.tresjolie@icloud.com

REFERENCES

1. Stepanova, N.V. (2021), "Metaphorical Representation of the Migration Crisis as a Natural Phenomenon of the Water Element (Based on American Media Texts)", *DISCOURSE*, vol. 7, no. 3, pp. 107–121. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-107-121.
2. Golodnov, A.V. (2009), "The specifics of the implementation of a persuasive strategy of evaluative information in various types of text of rhetorical metadiscourse", *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina. Filologiya* [Bulletin of Leningrad State University im. A.S. Pushkin. Philology], vol. 2, no. 5, pp. 122–134.
3. Stepanova, N.V. (2019), "Persuasion vs evasion: strategies in political interview", *DISCOURSE*, vol. 5, no. 3, pp. 79–89. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-79-89.
4. Sopina, A.L. (2019), "The cognitive aspect of the intertextuality of the English literary text: based on the novels of D. Lodge", Can. Sci. (Philol.) Thesis, SPbETU, SPb., RUS.
5. Fairclough, N. (1995), *Language and Power*, 2nd ed., Longman, London, UK.
6. Sieff, K. and Miroff, N. (2020), "Migrant caravans could be early test for Biden and post-Trump relations with Mexico", *The Washington Post*, 2 Dec, available at: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/12/02/biden-migrant-caravans/> (accessed 28.01.2021).
7. *Merriam Webster Dictionary*, available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (accessed 28.01.2021).
8. Stepanova, N.V. (2017), "Metaphoric understanding of the crisis as a natural phenomenon in the context of the theory of conceptual integration", *Philology. Theory & Practice*, no. 3 (69), part 3, pp. 157–165.

9. Alvarez, P. and Sands, G. (2020), "Biden administration prepares to inherit controversial Trump immigration policies", *CNN Politics*, 29 Nov., available at: <https://edition.cnn.com/2020/11/29/politics/biden-trump-immigration/index.html> (accessed 24.01.2021).

10. Tobar, H. (2020), "What the Future Holds for Undocumented Immigrants", *The New York Times*, 1 Dec., available at: <https://www.nytimes.com/2020/12/01/opinion/trump-biden-immigration-reform.html?searchResultPosition=3> (accessed 24.01.2021).

11. Jordan, M. (2020), "Children from Immigrant Families are Increasingly the Face of Higher Education", *The New York Times*, 15 Oct., available at: <https://www.nytimes.com/2020/10/15/us/immigrant-families-students-college.html?searchResultPosition=5> (accessed 18.01.2021).

12. Alvarez, P. (2020), "Supreme Court to hear challenges to Trump border wall funding and asylum policies", *CNN Politics*, 19 Oct., available at: <https://edition.cnn.com/2020/10/19/politics/supreme-court-immigration-border-wall-asylum/index.html> (accessed 23.01.2021).

13. Alvarez, P. (2020), "Trump administration hypes immigration enforcement in key swing state ahead of election", *CNN Politics*, 16 Oct., available at: <https://edition.cnn.com/2020/10/16/politics/trump-sanctuary-city-election-pennsylvania/index.html> (accessed 01.02.2021).

14. Tapiero, E. and Kottasová, I. (2020), "French police officers suspended after a video emerges of them beating a Black man", *CNN Europe*, 28 Nov, available at: <https://edition.cnn.com/2020/11/26/europe/france-police-violence-video-intl/index.html> (accessed 31.01.2021).

15. Alvarez, P. (2020), "Trump administration tries to push last-minute immigration limits" // *CNN Politics*, 19 Nov., available at: <https://edition.cnn.com/2020/11/19/politics/immigration-trump-transition/index.html> (accessed 31.01.2021).

16. Rahim, Z. (2020), "The UK considered shipping migrants 4,000 miles away. This is the influential minister in charge of immigration policy", *CNN UK*, 3 Oct., available at: <https://edition.cnn.com/2020/10/03/uk/priti-patel-uk-home-secretary-gbr-intl/index.html> (accessed 02.02.2021).

Information about the author.

Nataliia V. Stepanova – Can. Sci. (Philology) (2014), Docent (2018), Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, discourse analysis, media discourse, stylistics, translation theory. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0920-753X>. E-mail: nathalie.tresjolie@icloud.com

Интердискурсивность биофикционального повествования: образ Петербурга в романе М. Брэдбери «To the Hermitage»

Н. А. Урусова[✉]

НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

[✉]urusova308@gmail.com

Введение. Настоящее исследование посвящено специфике реализации интердискурсивности как авторской стратегии текстопорождения в постмодернистском художественном биографическом повествовании (биофикции). Актуальность работы обусловлена интересом современной лингвистики к характеру взаимодействия различных типов дискурса в тексте художественного произведения. Также актуальным представляется исследование не до конца изученных механизмов авторской репрезентации инокультурного контекста, в частности, особенностей моделирования образа русского города в англоязычном повествовании. Научная новизна исследования связана с выбором для анализа биофикционального текста, конститутивные особенности которого изучены еще не полностью.

Методология и источники. Материалом исследования послужил текст англоязычного постмодернистского романа-биофикции М. Брэдбери «To the Hermitage» («В Эрмитаж»), повествующий о поездке Д. Дидро в Петербург по приглашению Екатерины Второй, а также о современной экспедиции (конец XX в.) с целью изучения наследия французского философа. Для понимания междискурсного взаимодействия использовалась методика, разработанная В. Е. Чернявской и предполагающая выявление содержательно-тематических блоков в ткани текста.

Результаты и обсуждение. При анализе художественного пространства данного биофикционального текста были выявлены такие «центральные текстоформленные» дискурсы, как англоязычный дискурс описания русской культуры, исторический, политический, автобиографический дискурсы. Также в текстовой ткани наблюдаются проекции «периферийных» дискурсов, а именно: экономического, литературного, французского разговорного и некоторых других.

М. Брэдбери использует стратегию целенаправленно инсценируемой интердискурсивности с целью персуазивного воздействия на читательское сознание, а также для вовлечения читателя в рефлексивную игру в семантическом поле «фактологичность–фикциональность».

Заключение. Проведенное исследование установило, что интердискурсивность является одной из доминантных авторских стратегий построения биофикционального повествования, которая отражает основные особенности текстов, созданных в постмодернистской парадигме: смешение литературных жанров, игровой монтаж различных дискурсов и ироничный тон.

Ключевые слова: дискурс, интердискурсивность, стратегия инсценируемой интердискурсивности, исторический дискурс, англоязычный дискурс русской культуры, автобиографический дискурс, постмодернизм.

Для цитирования: Урусова Н. А. Интердискурсивность биофикционального повествования: образ Петербурга в романе М. Брэдбери «To the Hermitage» // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 4. С. 119–130. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-119-130

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 07.04.2021; принята после рецензирования 28.04.2021; опубликована онлайн 24.09.2021

Interdiscursivity of Biofictional Narration: the Image of Petersburg in M. Bradbury's "To the Hermitage"

Nadezhda A. Urusova✉

Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

✉urusova308@gmail.com

Introduction. The present paper deals with the interdiscursivity in postmodern literary biographic narration (biofiction) in which interdiscursivity is viewed as the author's strategy of text formation. The relevance of the study is conditioned by the interest of modern linguistics in interaction of different discourse types in literary texts. It is also relevant to study different techniques that the English author uses to represent an external linguocultural context, namely, to create the image of a Russian city in the English-language narration. The novelty of the research is implied by the choice of material under examination, as the constitutive elements of biofictional narration have not been fully defined yet.

Methodology and sources. The study is drawn on M. Bradbury's English-language postmodern biofictional novel *To the Hermitage*. This biofiction depicts D. Diderot's trip to St. Petersburg, where he was invited by Catherine the Great. It also recounts the adventures of a modern expedition, which came to the same destination to study the French philosopher's heritage. The research of discourse interaction is based on a methodology, developed by V. Chernyavskaya. It combines traditional methods of stylistic analysis with discourse analysis.

Results and discussion. While analysing the literary space of the biofiction, the following "central" discourses have been identified: Russian-culture-oriented discourse of English as well as historical, political, and autobiographical discourses. The narration is also rich in traits of "periphery" discourses, to name just a few: economical, literary, colloquial French, etc. M. Bradbury uses the strategy of simulated interdiscursivity to make a persuasive impact on a reader's mind, at the same time involving the reader in fact-fiction semantic game.

Conclusion. The analysis highlighted here proved the fact that interdiscursivity is one of the dominant mechanisms an author uses to construct biofictional narration. This strategy reflects some key features of postmodern texts, such as blending of literary genres, a playful montage of different discourse types and ironic mode of narration.

Key words: discourse, interdiscursivity, strategy of simulated interdiscursivity, historical discourse, Russian-culture-oriented discourse of English, autobiographical discourse, postmodernism.

For citation: Urusova N. A. Interdiscursivity of Biofictional Narration: the Image of Petersburg in M. Bradbury's "To the Hermitage". DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 4, pp. 119–130. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-119-130 (Russia)

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 07.04.2021; adopted after review 28.04.2021; published online 24.09.2021

Введение. Интердискурсивность, понимаемая как взаимодействие различных дискурсов, является одним из относительно новых, но чрезвычайно востребованных понятий в современной лингвистике и литературоведении. Однако лежащее в ее основе понятие дискурса до сих пор не имеет однозначной трактовки в современной науке. Среди множества подходов к определению дискурса можно выделить два основных направления: рассмотрение

дискурса как когнитивно-коммуникативного события [1, с. 13–16; 2, с. 114] и как зоны фиксации значений [1, с. 7–13]. Именно второй взгляд на дискурс, восходящий к идеям М. Фуко, обозначавшего термином *discourse* социально и исторически обусловленную систему знаний, накопленных человечеством [3], представляется наиболее продуктивным для нашего исследования. Таким образом, дискурс рассматривается как совокупность текстов, объединенных общей темой, «в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и другими факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим особую – ту, а не иную – упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте» [2, с. 117].

Важно отметить принципиальную открытость дискурса и, соответственно, текста как его фрагмента. В. Е. Чернявская предлагает рассматривать открытость текста «метасистеме дискурса» как текстовый признак, обеспечивающий целостность текста, называя его «дискурсивностью» [2, с. 125]. Именно с этим свойством текста связаны категории интертекстуальности и интердискурсивности, и текст, и дискурс существуют в «открытом семиотическом универсуме» [4, с. 344].

Традиционно под интертекстуальностью (узкая модель интертекстуальности [5, с. 107]) понимается маркированное заимствование элементов других текстов, называемых интертекстуальными включениями. И. В. Арнольд разделяла внешнюю интертекстуальность, при которой происходит смена субъекта речи, и внутреннюю интертекстуальность – «фиктивную», если текстовые включения принадлежат тому же автору [6, с. 422]. В когнитивно-дискурсивной парадигме последняя соотносится с дискурсом автора и дискурсом персонажа. Широкая, или радикальная, модель интертекстуальности, связанная с именами М. М. Бахтина, Ю. Кристевой, Ю. Лотмана и других ученых, рассматривает текст как безграничный бесконечный интертекст и таким образом оказывается обращенной к дискурсу, т. е. к «тексту в совокупности с его широким экстралингвистическим – социокультурным, историческим, психологическим, прагматическим и т. д. – фундаментом и обогащенному “фактором адресанта и адресата”» [5, с. 107]. Интердискурсивность реализуется как взаимопроникновение различных типов дискурса, характеризующих разные области человеческого знания и практики, как «монтаж текстотипов», т. е. как «взаимодействие прототипических образцов», которое протекает не «бесшовно» [5, с. 108–109]. Очень продуктивно с этой точки зрения исследование художественных текстов, которые полидискурсивны по своей природе, являясь «зоной авторских артикуляций различных дискурсов» [1, с. 120].

Впервые понятие интердискурсивности было выдвинуто французским философом М. Пешё, который, развивая теорию «преконструкта» как отсылки к предшествующей внешней конструкции по отношению к тому, что «сконструировано» высказыванием, пришел к выводу о существовании «интердискурса» – «сложного целого с доминантой дискурсивных формаций» [7, с. 239, 266–267]. Е. В. Белоглазова назвала подобное широкое понимание интердискурса «радикальным» [8, с. 359], противопоставляя его узкой концепции маркированной интердискурсивности, предложенной В. Е. Чернявской [5]. «Шов» на стыке дискурсов может располагаться как на поверхностном (языковом), так и глубинном (когнитивном) уровне дискурса [8, с. 360].

В. Е. Чернявская выделяет естественную и инсценируемую смену дискурсов. Последняя трактуется как особая стратегия автора, «осознанно и целенаправленно решающего задачу формулирования своего текста» [5, с. 108]. Данная стратегия текстопостроения может иметь разные функции – контактоустанавливающую, эмотивную, игровую, вовлекающую в интеллектуальное взаимодействие [9, с. 805], и особенно характерна для авторов постмодернистских повествований. Н. С. Олизько считает интердискурсивность одной из категорий именно постмодернистского письма, рассматривая ее не только как взаимную связь «художественного дискурса постмодернизма с различными дискурсами», но и с другими видами искусства как знаковыми системами в пространстве семиосферы [10, с. 99]. Это мнение поддерживает и З. М. Чемодурова, утверждая, что постмодернистские художественные тексты представляют собой зону «пародийно-игрового пересечения, взаимоналожения, интеграции различных дискурсов» [11, с. 76].

Большинство исследователей постмодернизма [11–13], отмечают, что для постмодернистской парадигмы характерны гибридные литературные формы; фрагментарность повествования; игровой, в том числе цитатно-пародийный, монтаж различных дискурсов; растворение голоса автора в используемых дискурсах; ироничный тон и пародия. Одной из таких гибридных форм, получившей широкое распространение в конце XX – начале XXI вв., является вымышленное биографическое повествование, которое многие ученые [14] обозначают термином «биофикция». Биофикция базируется на биографии реального исторического лица, но одной из конститутивных особенностей данной постмодернистской литературной формы является намеренная игра в семантическом поле фактологичности – фикциональности, проявляющаяся разнообразными языковыми механизмами выражения интертекстуальности и интердискурсивности.

Соответственно, целью нашего исследования является попытка проанализировать роль интердискурсивности при моделировании образа Петербурга в постмодернистском англоязычном биофикциональном дискурсе.

Методология и источники. К настоящему моменту в лингвистике сложился целый ряд подходов к дискурсивному анализу текста, из которых для наших целей наиболее релевантной оказалась методика, разработанная В. Е. Чернявской [2, с. 126–150]. Эта методика подразумевает два ключевых этапа. Задачей первого этапа является установление тематической связанности текста посредством лексико-семантического анализа. На втором этапе выявляются следы и проекции различных дискурсов, переключающих сознание реципиента в другую систему знаний и кодов, и устанавливается дискурсивная связанность. Маркерами включения иного дискурса служат как языковые средства, так и «операциональные стратегии тематического развертывания» [2, с. 131].

Эмпирической базой исследования послужил текст англоязычного постмодернистского романа-биофикции М. Брэдбери «To the Hermitage» («В Эрмитаж»), повествующего о двух реально состоявшихся путешествиях в Россию. Первая поездка была предпринята Дени Дидро по приглашению Екатерины Второй в XVIII в., вторая экспедиция состоялась во время перестройки в рамках научного конгресса «Diderot Project» («Проект Дидро»).

Результаты и обсуждение. М. Брэдбери известен своей игровой манерой повествования, стилистической доминантой которого является ирония, реализуемая в том числе благодаря широкому использованию стратегии целенаправленно инсценируемой интердискурсивности.

Роман-биофикция «To the Hermitage», представляя собой художественное повествование, соотносится с литературно-художественным дискурсом и обладает характерными для него дискурсивными и текстовыми признаками: нарративностью и литературностью [1], т. е. имеет фабулу (события из жизни Дидро и современной научной экспедиции) и сюжет (определенный порядок расположения событий, переплетение двух линий повествования и пространственно-временная организация текста, отражающие авторскую точку зрения), которые фикционально представлены в жанре романа. Художественный дискурс актуализируется использованием языковых средств в эстетической функции: эпитетами, метафорическими образами, разнообразными видами повторов, параллельными конструкциями, аллитерацией, перифразом и иронией, а также разнообразием лексических и синтаксических средств, в том числе широким использованием эмоционально окрашенной лексики и многозначных слов, создающих подтекст и реализующих установку автора на «рефлексивную игру» [11, с. 76]. Приведем лишь один характерный пример, расположенный в сильной позиции начала романа: «*He's old, but he's done it; and the sheer fact of his arrival in Petersburg, his sudden appearance at the great Court of the North, is itself prodigious, one of the little wonders of the world*» [15, с. 1]. В приведенном отрывке маркерами художественного дискурса являются эпитеты *sheer, sudden, great, prodigious*, перифраз *Petersburg – Court of the North*, синонимические повторы: *his arrival – his sudden appearance, prodigious – one of the little wonders*, метафорический образ-аллюзия *one of the little wonders of the world*, элементы аллитерации и ассонанса: *He's old, but he's done it* и *one of the little wonders of the world*, а также синтаксическая сложность представленного предложения. Многозначность реализуется благодаря многоуровневой структуре текста.

На поверхностном уровне этот отрывок представляет удивительный приезд Дидро в Петербург одним из чудес света, но благодаря иррадиации стилистической функции [6, с. 160] в воспринимающем сознании чудесное появление (*appearance*) распространяется и на Петербург, который также становится референтом метафоры *one of the little wonders of the world*. Ирония – неотъемлемый компонент коммуникативно-творческой стратегии М. Брэдбери, базируется на актуализации нескольких смыслов атрибутива *prodigious*: 1) вышеназванное «causing amazement or wonder» и 2) «extraordinary in bulk, quantity, or degree: ENORMOUS», подразумевающее чрезмерность – «felt as going far beyond a previous maximum (as of goodness, greatness, intensity, or size)» и имплицитное оценочное номинальное значение из дальнейшего текста абзаца *the Orthodox pomp*. Проспективный характер эпитета *prodigious* проявляется в потенциальном, но не раскрываемом в данном контексте значении «resembling or befitting a prodigy: STRANGE, UNUSUAL» (все определения [16]). Однако в последующем повествовании эпитет *strange* становится одним из устойчивых определений Петербурга, отражая индивидуально-авторское видение русского города: *that strangest of all cities* [15, с. 23], *the world's strangest water-city* [15, с. 41], *the heartland city so strangely stuck out here* [15, с. 65].

При анализе дискурсного пространства художественного текста выявляются как «центральные текстоформленные» дискурсы, так и включения «периферийных» дискурсов [1, с. 122–129], а задачей исследователя является расшифровка общего смысла текста, пропускающего из «сплетения внутритекстовых связей и его широкого экстралингвистического фона» [2, с. 145].

Одним из центральных дискурсов биофикции «To the Hermitage» выступает англоязычный дискурс описания русской культуры, в том числе русской истории, представленный диахронически двумя дискурсными формациями: ТОГДА (THEN) – времена правления Екатерины Второй (в частности, 1773 г.) и СЕЙЧАС (NOW) – трагические события сентября–октября 1993 г. вследствие внутривластной конфронтации. При описании внешней для английского языка русской культуры его словарный состав адаптируется «в соответствии со спецификой внешней культуры» [17, с. 7]: появляются особые наименования, передающие ее специфические реалии – так называемые русизмы, роль которых в биофикциональном повествовании, так же, как и в исторической беллетристике [18, с. 92], заключается в создании подлинного культурно-исторического фона.

С первых страниц романа Брэдли искусно создает русский культурный контекст, насыщая описание Петербурга маркерами русской культурной ориентации: *the Hermitage, the Winter Palace, the Neva, Tzar, Tzarina, boyars, Don Cossacks, hussars, the Empress's White Guard, Smolny Academy for Noble Girls, the Orthodox church, the Nevsky Prospekt* [15, с. 1–23], которые свидетельствуют о естественной интердискурсивности художественного текста, одновременно позволяя автору реализовать установку на аутентичное моделирование фактографической составляющей образа русского города.

Как известно, субъектно-речевая организация художественного дискурса репрезентует мировидение автора художественного текста, «отражающего определенные идейно-художественные взгляды, которые находят воплощение в словесно-речевой структуре произведения» [19, с. 12] и актуализируются в том числе при помощи стратегии монтажа дискурсов. Позволим себе привести несколько многословный, но очень характерный пример. Гомодиегетический повествователь, подготовившись к поездке в Россию и прочитав книгу французского посла при дворе Екатерины II графа Сегюра, а также собрав мнения современных путешественников, рассуждает о российской экономике:

Even at that date, he [Comte de Segur] was struck by the unusual nature of the Russian economy. "Here one must forget the rules of finance one learns in other countries," he noted. "The mass of banknotes, the realization that there are no reserves to back them, the use of strange and unusual coinages, the kind of thing that in other lands would bring collapse or revolution, here cause no surprise at all. The great Empress Catherine could, I've no doubt, turn leather into money should she wish." Well, plus ça change; as it was, so it is now. To this day the rouble is a strange, part-convertible currency, a set of roguish numbers, a con man's fancy that has never truly replaced barter in silks and camels, icons, part-worn dresses, Turkish drugs, old lampshades, surplus nuclear missiles, loaves and fishes, live and dead souls. In the hard heyday of Communism, the special shops for the nomenklatura traded, of course, in dollars <...>. Now, in the fine new free-market era, when the nomenklatura prefers to see itself as the mafia, no smart Russian hotelier, sommelier, blackmailer, bribe-taker or capitalist oligarch would dream of trading in anything else. <...>.

These days nobody in Russia knows what money is worth; they just know it's a mad and ridiculous invention no one can get enough of. That's why it will be difficult to make a fair and reliable exchange in the grand and noble banks of Petersburg [15, с. 15–16].

Анализируемый отрывок предстает как точка взаимоналожения нескольких дискурсов, в первую очередь экономического и исторического, каждый из которых отчетливо выделяется в текстовой ткани. Лексическими маркерами экономического дискурса являются прототипические единицы *economy, finance, banknotes, reserves, coinages, part-convertible currency, barter, traded/trading, free-market, money, exchange, banks*, а также названия валют *the rouble* и *dollars*. Исторический дискурс представлен маркерами русской культурной ориентации англоязычного текста: *souls, nomenclatura, revolution, Communism*. Далее в тексте можно выделить следы и проекции других дискурсов, рассматриваемых как сегменты человеческой когнитивно-коммуникативной деятельности: разговорного дискурса (восклицания *Well, of course*), российских социально-исторического (*mafia, blackmailer, bribe-taker, capitalist oligarch*) и военно-политического (*nuclear missiles*) дискурсов.

За счет разнообразных стилистических приемов – перечисления (*silks and camels, icons, part-worn dresses, Turkish drugs, old lampshades, surplus nuclear missiles, loaves and fishes, live and dead souls*), параллельных конструкций, литературной аллюзии (*dead souls*) и иронии, а также обилия лексических единиц с оценочной, чаще всего негативной, коннотацией: двукратное повторение *unusual* и *strange* (ср. с *prodigious* 3. «resembling or befitting a prodigy: STRANGE, UNUSUAL» [16]), *struck by, collapse, roguish, a con man's fancy, fine, (no) smart, mad, ridiculous, difficult, fair, reliable, grand* и *noble*, – Брэдбери, широко используя лингвистические средства, характерные для другого типа дискурса, придает своему описанию российской экономики большую выразительность и экспрессивность, таким образом вызывая эмоциональный отклик у читателя.

По мнению З. М. Чемодуровой, неизменным компонентом интерпретационной программы, заложенной автором постмодернистского текста, является возникновение когнитивного диссонанса [20], обусловленного в данном фрагменте включением в англоязычный текст, ориентированный на описание русской культуры, элемента французского разговорного дискурса (*plus ça change*). Вместе с тем усиленный графическим выдвиганием этот элемент служит средством глобальной связанности, представляет собой интертекстуальную отсылку к протагонисту исторической повествовательной линии – французскому философу Д. Дидро, и одновременно привлекает внимание читателя к выводу автора об историческом постоянстве хаоса в российской экономике.

На композиционном уровне также наблюдается игровое пересечение дискурсов: в дискурс повествователя от первого лица, представляющий собой ироничный краткий исторический обзор российской экономики, включается цитата из книги графа Сегюра. Не называя конкретного источника (*a book*) и таким образом вызывая сомнение в подлинности цитаты, Брэдбери в характерной для постмодернизма манере вовлекает читателя в игру в семантическом поле фактографичность–фикциональность.

Текстовое целое создается из переплетения различных дискурсов, которые актуализируются благодаря использованию соответствующих прототипических лексических компонентов, переключающих сознание адресата в «иное ментальное пространство», где оно «начинает “работать” с другими кодами, смыслами, системами знания при оценке и интерпретации данного в тексте содержания» [5, с. 109]. Таким образом, автор использует стратегию инсценируемой интердискурсивности с целью «персуазивного, в той или иной степени манипулятивного воздействия» на воспринимающее сознание [Там же].

В анализируемом отрывке обращает на себя внимание выбранная Брэдбери дескриптивная стратегия тематического развития. Мастерски переплетая инодискурсные элементы, автор фокусирует внимание читателя на описании России и российской действительности. Многократное повторение этнонима *Russian/Russia*, использование ксенонимов (*Empress Catherine, rouble, souls* (= «serfs, esp. with reference to the feudal system of Tsarist Russia» [21]), *Communism, nomenklatura, Petersburg*), передающих реалии русской жизни, и других лингвистических маркеров русской культурной локализации текста (*icons, nuclear missiles, mafia, oligarch*) в сочетании с этнонимом *Turkish* и тематическими единицами *in silks and camels* активизирует в читательском сознании представление о России как об азиатской стране. С помощью различных механизмов прагматического фокусирования: конвергенции стилистических приемов, сцепления, реализуемого в первую очередь анафорическим семантическим повтором темпоральных обстоятельств *Even at that date – To this day – Now – These days*, механизма выдающейся детали в виде неожиданного включения на французском языке, а также иронии (например, *it's a mad and ridiculous invention no one can get enough of* и *it will be difficult to make a fair and reliable exchange in the grand and noble banks of Petersburg*), автор создает у читателя впечатление, что в этой стране во все времена существовали странные, непонятные европейцу правила, касающиеся не только финансово-экономической сферы, но и общественно-политических сторон жизни.

Лексические единицы *revolution, Communism, nuclear missiles, nomenklatura, capitalist oligarch* вербализируют другой центральный дискурс романа-биофантастики – политический. Моделируя образ Петербурга, Брэдбери часто запускает механизм переключения сознания адресата из исторической или культурной плоскости в политическое и идеологическое когнитивное пространство. Так, во второй главе несколько страниц посвящены описанию процесса строительства Петром Первым триумфальной столицы на Неве (*a triumphal capital on the Neva* [15, с. 22]), которую он задумал как реплику Амстердама. После перечисления всех запланированных архитектурных и гидротехнических сооружений внимание читателя неожиданно деавтоматизируется за счет включения в историческую часть текста прототипической единицы постсоветского политического дискурса *gulag*, преобразованную в причастие прошедшего времени: «*Swedish slaves and gulaged Russian serfs might have dug the foundations, raised the roofbeams, perished in the Finnish swamplands in their hundreds of thousands*» [15, с. 22]. В девятой главе, посвященной современности, один из персонажей рассказывает анекдот о встрече английского философа Исая Берлина, одного из основателей современной либеральной политической философии, с Анной Ахматовой в ее квартире на Фонтанке и добавляет: «*They say Stalin was so angry he started the Cold War*» [15, с. 121]. И выбор главного действующего лица этой мини-истории, и прецедентное имя советского лидера *Stalin*, и лексическая единица *the Cold War* являются сигналами инсценируемой смены дискурса, которые активируют механизм переключения воспринимающего сознания к другой когнитивной системе, связанной с идеолого-политическим противостоянием Запада и Советского Союза – одной из типичных тем политического дискурса 50–80-х гг. XX в.

М. Брэдбери использует стратегию инсценируемой смены дискурса на протяжении всего романа. В тексте биофантастического повествования массивно артикулируются такие

дискурсы, как философский и постмодернистский, а также периферийные дискурсы: академический, музыкальный, русской и зарубежной классической литературы, изобразительного искусства и психоанализа и некоторые другие.

Необходимо отметить и искусную артикуляцию автобиографического дискурса, которая также осуществляется в технике игрового монтажа дискурсов. Как известно, автобиографический модус повествования, отражающий фрагментарность субъекта и стирание онтологических границ между фактом и вымыслом, является неотъемлемым компонентом произведений, созданных в эстетической парадигме постмодернизма [22, с. 118]. Современное повествование ведется от лица писателя и ученого, очень напоминающего самого Брэдбери [23, 24], который с самоиронией представляет себя читателю профессиональным наблюдателем, человеком, предпочитающим размышления действиям: *«I'm a writer: a professionally observant person, one of those collectors of life's little data, an avid thinker of thoughts and a watcher of things»* [15, с. 26], *«I'm a writer: in other words, the sort of person who, by nature, love, vocation, motivation, prefers writing to doing...»* [15, с. 84]. Однако именно протагонист биографической части романа – Дени Дидро – представляется его сыну двойником Мальколма Брэдбери. Во вступительном эссе для сайта, посвященного своему отцу, Доминик Брэдбери, пытаясь подобрать нужные слова, чтобы кратко охарактеризовать его жизненный путь и личность, использует характеристику французского философа из романа *«To the Hermitage»* – сердечный и щедрый, знаменитый и доброжелательный, остроумный и мудрый: *«...he had described his hero, Denis Diderot, with the words "Warm and generous, famous and friendly, witty and wise" [15, с. 1] in his opening line. This was my father; this was Malcolm Bradbury, in a nutshell»* [25]. Фабула современной части повествования основана на реальных автобиографических данных: М. Брэдбери действительно принимал участие в «Diderot Project», организованном Техническим университетом Стокгольма, в рамках которого совершил поездку в Санкт-Петербург [26, с. 1]. Все перечисленное позволяет отнести автобиографический дискурс к одним из центральных текстоформленных дискурсов названного романа-биофикции.

Заключение. Проведенное исследование подтвердило вывод исследователей (З. М. Чемодуровой, Н. С. Олизько и др.) об интердискурсивной природе постмодернистских художественных текстов. Интердискурсивность является одной из доминантных стратегий текстообразования, используемой автором анализируемого биофикционального повествования, также принадлежащего к постмодернистской парадигме. Стоит отметить, что, поскольку нашей основной задачей являлось определение роли интердискурсивности при моделировании образа Петербурга, за рамками нашего исследования остались некоторые другие интересные особенности междискурсного взаимодействия, характеризующие данный роман, например, использование диалога в текстовой ткани биофикции.

Проведенный анализ позволил установить, что, даже обращаясь к фактологическому историко-культурному, авто- и биографическому материалу, автор-постмодернист использует стратегию смешения дискурсов с целью вовлечения читателя в игру в семантическом поле «правда–вымысел». Игра дискурсов позволяет писателю управлять воспринимающим сознанием, привлекая читательское внимание к эстетическим взглядам и идеологическим установкам, значимым для создателя художественного текста. Этот вывод подтверждается широко

представленными в биофикциональном повествовании прототипическими единицами политического, социально-идеологического и философского дискурсов, которые вербализируются и при моделировании образа русского города, Петербурга. Монтаж дискурсов как авторская стратегия текстопорождения реализуется Брэдбери на глубинном уровне: сознание читателя постоянно переключается в иное когнитивное пространство, актуализируемое соответствующими прототипическими дискурсными единицами, которые действуют как слова-катализаторы, запускающие механизм перехода в другую ментальную сферу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс. СПб.: Норма, 2006.
2. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: ФЛИНТА, Наука, 2013.
3. Фуко М. Археология знания / пер. с фр.; под ред. Б. Левченко. Киев: Ника-центр, 1996.
4. Филиппова С. Г. Об интердискурсивном характере художественного текста // *STUDIA LINGUISTICA*. 2013. № XXII. С. 343–351.
5. Чернявская В. Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2004. № 1. С. 106–111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekst-i-interdiskurs-kak-realizatsiya-tekstovoy-otkrytosti> (дата обращения: 20.03.2021).
6. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: ФЛИНТА, 2010.
7. Пешё М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // *Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса* / пер. с фр. Л. А. Илюшечкиной. М.: Прогресс, 1999. С. 225–290.
8. Белоглазова Е. В. Интердискурсивность // *Дискурс-Пи*. 2010. № 1–2 (9–10). С. 359–360.
9. Чемодурова З. М. Интердискурсивность современных публицистических текстов гастрономической тематики // *Когнитивные исследования языка*. 2020. № 2 (41). С. 801–805.
10. Олизько Н. С. Интердискурсивность как категория постмодернистского письма // *Вестн. Челябинск. гос. ун-та*. 2007. № 15. С. 95–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interdiskursivnost-kak-kategoriya-postmodernistskogo-pisma> (дата обращения: 20.03.2021).
11. Чемодурова З. М. Игровой «монтаж» дискурсов различных типов в постмодернистском художественном тексте // *Вестн. Череповецк. гос. ун-та*. 2013. Т. 2, № 1. С. 74–78.
12. Киреева Н. В. Постмодернизм в зарубежной литературе. М.: ФЛИНТА, Наука, 2004.
13. Пестерев В. А. Постмодернизм и поэтика романа: историко-литературные и теоретические аспекты. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001.
14. Lackey M. Introduction to focus: Biofiction – its origins, natures, and evolutions // *American Book Review*. 2017. Vol. 39, no. 1. P. 3–4. DOI: <https://doi.org/10.1353/abr.2017.0123>.
15. Bradbury M. *To the Hermitage*. London: Picador, 2012.
16. Merriam-Webster Online Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/prodigious> (дата обращения: 20.03.2021).
17. Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012.
18. Белоглазова Е. В. Русскоязычные вкрапления в аутентичной англоязычной литературе: к поэтике русизмов в нерусской литературе // *ДИСКУРС*. 2019. Т. 5, № 3. С. 90–98. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-3-90-98>.
19. Воронцова Т. И. Картина мира в тексте английской баллады (когнитивная основа и языковая репрезентация): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2003.
20. Чемодурова З. М. Когнитивный диссонанс как компонент интерпретационной программы постмодернистского художественного текста // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2019. № 2. С. 55–64.
21. Oxford English Dictionary online. URL: <https://www.oed.com/oed2/00231475> (дата обращения: 20.03.2021).

22. Gibbons A. Contemporary Autofiction and Metamodern Affect // *Metamodernism: historicity, affect and depth after postmodernism* / ed. by R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen. London, N. Y.: Rowman & Littlefield International, 2017. P. 117–130.

23. Merritt S. Paperback of the week: To the Hermitage. Malcolm Bradbury // *The Guardian*. 2001. 11 Mar. URL: <https://www.theguardian.com/books/2001/mar/11/features.review3> (дата обращения: 20.03.2021).

24. Shapiro J. Adventures in Postmortemism // *The New York Times*. 2001. 1 April. URL: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/01/04/01/reviews/010401.01shapirt.html> (дата обращения: 20.03.2021).

25. Bradbury D. Introduction Essay. URL: http://www.malcolmbradbury.com/essay_biography.html (дата обращения: 20.03.2021).

26. Sahin U. On the Trail of Diderot // *International Journal of Humanities and Social Science*. 2018. Vol. 8, no. 1. P. 1–14. URL: https://www.researchgate.net/publication/339229877_On_the_Trail_of_Diderot (дата обращения: 20.03.2021).

Информация об авторе.

Урусова Надежда Александровна – преподаватель департамента иностранных языков НИУ «Высшая школа экономики», ул. Союза Печатников, д. 16, Санкт-Петербург, 190121, Россия. Автор 3 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвокультурология, стилистика, дискурс. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-114X>. E-mail: urusova308@gmail.com

REFERENCES

1. Andreeva, V.A. (2006), *Literaturnyi narrativ: tekst i diskurs* [Literary narrative: text and discourse], Norma, SPb., RUS.

2. Chernyavskaya, V.E. (2013), *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Linguistics of text. Linguistics of discourse], FLINTA, Nauka, Moscow, RUS.

3. Foucault, M. (1996), *Arkheologiya znaniya* [The archeology of knowledge], Transl. by Levchenko, B., in Levchenko, B. (ed.), Nika-Centr, Kiev, Ukraine.

4. Filippova, S.G. (2013), "On the interdiscursive nature of a literary text", *STUDIA LINGUISTICA*, no. XXII, pp. 343–351.

5. Chernyavskaya, V.E. (2004), "Intertext and interdiscourse as a realization of textual openness", *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Cognitive linguistics issues], no. 1, pp. 106–111, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekst-i-interdiskurs-kak-realizatsiya-tekstovoy-otkrytosti> (accessed 20.03.2021).

6. Arnol'd, I.V. (2010), *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality], FLINTA, Moscow, Russia.

7. Peshjo, M. (1999), "Common truths. Linguistics, semantics, philosophy", *Kvadratura smysla: frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Squaring of meaning: the French school of discourse analysis], Transl. by Ilyushechkina, L.A., Progress, MOSCOW, RUS, pp. 225–290.

8. Beloglazova, E.V. (2010) "Interdiscursivity", *Discourse-P*, no. 1–2 (9–10), pp. 359–360.

9. Chemodurova, Z.M. (2020), "Interdiscursivity of Modern Non-Fiction about Gastronomy", *Cognitive Studies of Language*, no. 2 (41), pp. 801–805.

10. Oliz'ko, N.S. (2007), "Interdiscursivity as a category of postmodern writing", *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], no. 15, pp. 95–104, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/interdiskursivnost-kak-kategoriya-postmodernistskogo-pisma> (accessed 20.03.2021).

11. Chemodurova, Z.M. (2013), "Playful "montage" of different discourse types in postmodern literary texts", *Cherepovets State University Bulletin*, vol. 2, no. 1, pp. 74–78.

12. Kireeva, N.V. (2004), *Postmodernizm v zarubezhnoi literature* [Postmodernism in foreign literature], FLINTA, Nauka, Moscow, RUS.

13. Pesterev, V.A. (2001), *Postmodernizm i poetika romana: Istoriko-literaturnye i teoreticheskie aspekty* [Postmodernism and the Poetics of the Novel: Historical, Literary and Theoretical Aspects], Izdatel'stvo VolGU, Volgograd, RUS.

14. Lackey, M. (2017), "Introduction to focus: Biofiction – its origins, natures, and evolutions", *American Book Review*, vol. 39, no. 1, pp. 3–4. DOI: <https://doi.org/10.1353/abr.2017.0123>.

15. Bradbury, M. (2012), *To the Hermitage*, Picador, London, UK.

16. *Merriam-Webster Online Dictionary*, available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/prodigious> (accessed 20.03.2021).

17. Kabakchi, V.V. and Beloglazova, E.V. (2012), *Vvedenie v interlingvokul'turologiyu* [Introduction to Interlinguoculturology], Izdatel'stvo SPbGUEF, SPb., RUS.

18. Beloglazova, E.V. (2019), "Russkij jazyk in native English-language fiction: towards the poetics of russisms in non-Russian literature", *DISCOURSE*, vol. 5, no. 3, pp. 90–98. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-3-90-98>.

19. Vorontsova, T.I. (2003), "Picture of the world in the text of an English ballad (Cognitive basis and linguistic representation)", Abstract of Dr. Sci. (Philol.) dissertation, Herzen State Pedagogical University, SPb., RUS.

20. Chemourova, Z.M. (2019), "Cognitive dissonance as a component of the interpretive program of a postmodern literary text, *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Cognitive linguistics issues], no. 2, pp. 55–64.

21. *Oxford English Dictionary online*, available at: <https://www.oed.com/oed2/00231475> (accessed 20.03.2021).

22. Gibbons, A. (2017), "Contemporary Autofiction and Metamodern Affect", *Metamodernism: historicity, affect and depth after postmodernism*, in Van den Akker, R., Gibbons, A. and Vermeulen, T. (eds.), Rowman & Littlefield International, London, N.Y., pp. 117–130.

23. Merritt, S. (2001), "Paperback of the week: To the Hermitage. Malcolm Bradbury", *The Guardian*, 11 Mar., available at: <https://www.theguardian.com/books/2001/mar/11/features.review3> (accessed 20.03.2021).

24. Shapiro, J. (2001), "Adventures in Postmortemism", *The New York Times*, 1 April, available at: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/01/04/01/reviews/010401.01shapirt.html> (accessed 20.03.2021).

25. Bradbury, D., *Introduction Essay*, available at: http://www.malcolmbradbury.com/essay_biography.html (accessed 20.03.2021).

26. Sahin, U. (2018), "On the Trail of Diderot", *International Journal of Humanities and Social Science*, vol. 8, no. 1, pp. 1–14, available at: https://www.researchgate.net/publication/339229877_On_the_Trail_of_Diderot (accessed 20.03.2021).

Information about the author.

Nadezhda A. Urusova – Lecturer at the Department of Foreign Languages, Higher School of Economics, 16 Soyuza Pechatnikov str., St Petersburg 190121, Russia. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: cultural linguistics, stylistics, discourse studies. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-114X>. E-mail: urusova308@gmail.com

Дискурсивные стратегии косвенного извинения в англоязычном межличностном общении

Е. Ю. Ильинова, О. С. Волкова[✉], В. А. Литвинова

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

[✉]olgavolkova@volsu.ru

Введение. Актуальность работы обусловлена возросшим интересом лингвистов к проблеме поддержания и восстановления гармонии речевого взаимодействия, вежливого межличностного общения. Цель исследования: с помощью моделирования дискурсивных параметров коммуникативной ситуации извинения выявить лингвостратегическую специфику их реализации в форме прямого и косвенного извинения, описать дискурсивно-прагматические особенности преобладающих в англоязычной интеракции вариантов косвенного извинения.

Методология и источники. Эмпирической базой исследования стала собственная коллекция примеров: 172 текстовых фрагмента, отобранных способом сплошной выборки из аутентичных текстов современных британских писателей (R. Joyce, J. Rowling, R. Golman), скриптов художественных фильмов на английском языке («Bridget Jones' Diary», directed by Sharon Maguire, «Emma» – Directed by Douglas McGrath, etc.). За единицу анализа был принят речевой акт извинения, нацеленный на демонстрацию осознания нарушения конвенций межличностных отношений и вежливого общения. Возникшая потребность в проведении лингвопрагматического анализа прямых и косвенных извинений в общении на английском языке обусловила применение метода параметрического моделирования, предполагающего построение модели ситуации общения с выделением констант – параметров, которые варьируются в зависимости от условий их применения. Изучение стратегемно-тактических особенностей речевого поведения в ситуациях косвенного извинения с помощью контент-анализа сопровождалось применением интерпретативного анализа мотивов, причин и условий. Анализ содержания высказываний в рамках категориальной ситуации извинения включал учет особенностей лексико-грамматического, синтаксического оформления стратегий и тактик извинения и прощения.

Результаты и обсуждение. В ситуации межперсональной интеракции на английском языке в целях восстановления гармонии, нарушенной вследствие случайного или намеренного отклонения одним из коммуникантов от норм поведения, возникает необходимость обращения к коммуникативному сценарию извинения. В ходе параметрического моделирования была установлена вариативность реализации сценария в соответствии со стратегиями прямого и косвенного извинения, основанная на оценке степени нанесенного ущерба. Представлены результаты анализа прагмалингвистических особенностей реализации вариантов развития сценариев прямого и косвенного извинения на англоязычном материале. Подтверждено, что непосредственная интенция извинения, вербализованная в речевом акте просьбы о прощении, составляет основу сценария прямого извинения и в англоязычной коммуникации усиливается алгоритмизированной последовательностью речеповеденческих действий: признание вины, оправдание, перекалывание вины, сообщение о чувствах, призыв к эмпатии.

© Ильинова Е. Ю., Волкова О. С., Литвинова В. А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

В отличие от сценария прямого извинения, в ситуациях косвенного извинения наблюдается замещение просьбы о прощении одним или несколькими речевыми действиями, что подтверждает гипотезу об их компенсирующей функции в англоязычной межличностной коммуникации. В работе приводятся результаты количественно-качественного подсчета, позволившего сделать вывод о стратегических предпочтениях англоговорящих коммуникантов, гендерной обусловленности выбора, частотности и эффективности применения речевых действий при реализации выявленных вариантов сценариев извинения.

Заключение. Дискурсивные стратегии косвенного извинения, выраженные в речевых актах интенсификации или минимизации вины в случае нанесения обиды или причинения разной степени ущерба второму лицу, относятся к ценностно-ориентированным средствам регулирования межличностных отношений в англоязычном социуме, отражают специфику коммуникативного самодистанцирования и сохранения личного пространства.

Ключевые слова: извинение, речевой акт, коммуникативная стратегия, сценарий косвенного извинения, английский язык.

Для цитирования: Ильинова Е. Ю., Волкова О. С., Литвинова В. А. Дискурсивные стратегии косвенного извинения в англоязычном межличностном общении // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 4. С. 131–144. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-131-144

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 09.04.2021; принята после рецензирования 29.04.2021; опубликована онлайн 24.09.2021

Discursive Strategies of Indirect Apology in English-Language Personal Communication

Elena Yu. Ilyinova, Olga S. Volkova[✉], Valentina A. Litvinova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

✉olgavolkova@volsu.ru

Introduction. The urgency of the paper is due to the increased interest of linguists in the harmony of interaction and polite interpersonal communication maintenance and restoration. By means of discursive parameters of the communicative situation of apology modelling the research aims to identify the linguistic and strategic peculiarities of their realization in the form of direct and indirect apologies, and to describe the discursive and pragmatic specificity of indirect apology scenario, which prevails in the English-language interaction.

Methodology and sources. The research is carried out on the material of modern British writers' original texts (R. Joyce, J. Rowling, R. Goldman) and scripts of feature films in English (Bridget Jones' Diary, directed by Sharon Maguire, Emma – Directed by Douglas McGrath, etc.) selected by means of a continuous selection method, 172 text excerpts verbalize direct or indirect apologies. The speech act of apology, being a unit of the analysis, is aimed at demonstrating awareness of interpersonal relations and polite communication conventions violation. Linguistic-and-pragmatic analysis of direct and indirect apologies application stipulated the use of parametric modelling method, which involves building a model of communicative situation with the identification of constants, or parameters that vary and adapt to the circumstances of their use. The study of the strategic and tactical peculiarities of communicative behavior in situations with explication of indirect apology was performed by using content analysis method. It was accompanied by application of interpretive analysis of motives, reasons and conditions.

In the course of the study, content analysis was applied to state out the subject matter of apologizing and forgiveness statements within the framework of a categorical communicative situation and the subsequent description of their lexical, grammatical, and syntactic peculiarities.

Results and discussion. In order to restore harmony broken by accidental or deliberate violation of norms and conventions the communicants use direct or indirect apologies in situations of interpersonal interaction. The parametric modelling method application has enabled the identification of scenario realization variability and proved its conformity with direct and indirect apology strategies. The scenario realization mostly depends on the assessment of severity of the damage caused. The pragmatic-and-linguistic peculiarities of direct and indirect apology scenarios development in English speech practice have been considered and described. The immediate apology intention, which is verbalized in the speech act of forgiveness request, constitutes the basis for direct apology scenario and is intensified by algorithmized sequence of speech-behavioral actions, such as admitting the guilt, giving excuses, shifting blame, communicating feelings, calling for empathy. In situations of indirect apology, as compared with the direct apology scenario, the replacement of a request for forgiveness by means of one or several speech actions is observed, which confirms the hypothesis of their compensating function in English-speaking interpersonal communication. The paper presents the results of a quantitative and qualitative calculation, which has enabled the researchers to draw a conclusion about the strategic preferences of English-speaking communicants, their gender-stipulated choice, frequency and effectiveness of speech actions application whilst the identified variants of apology scenarios implementation.

Conclusion. The discursive strategies of indirect apology, which are expressed by means of speech acts of fault intensification and minimizing, uttered in case of offence or damage of various degree caused to a person, are viewed as value-oriented means of interpersonal relations regulation in the English-speaking community. They reveal the specificity of communicative self-distancing and personal space preservation.

Key words: apology, speech act, communicative strategy, indirect apology scenario, English language.

For citation: Ilyinova E. Yu., Volkova O. S., Litvinova V. A. Discursive Strategies of Indirect Apology in English-Language Personal Communication. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 4, pp. 131–144. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-131-144 (Russia)

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 09.04.2021; adopted after review 29.04.2021; published online 24.09.2021

Введение. Коммуникативные и дискурсивные свойства извинения неоднократно привлекали внимание отечественных и зарубежных лингвистов. В отечественной риторике был период, когда извинение рассматривалось как типовая форма речевого этикета [1, 2 и др.] без учета лингвокультурных и ситуативных условий употребления, т. е. как изолированная форма общения. Обращение к ситуативно обусловленным примерам открыло новые перспективы для лингвистического анализа извинения с позиции теории лингвистической вежливости [3–7]. Далее исследователи обратились к верификации теоретических положений об извинении в условиях естественной коммуникации [8]. Наблюдения за прагматикой речевого акта извинения в различных языках и культурах позволили выявить общие дискурсивные характеристики коммуникативной ситуации, составить сценарий извинения и выражения вины, обосновать этнокультурную и социальную специфику формул извинения при их употреблении в речи [9–12 и др.].

Среди разных подходов к выбору критериев и описанию дискурсивных признаков извинения активно используются указания на его мотивированность и степень нанесенного ущерба оппоненту и наличие/отсутствие проявлений эмоций и чувств [10–11]. В зависимости от этого речевой акт извинения причисляется к следующим типам: *конвенциональные* (формальные, когда извинение использовано для привлечения внимания, смягчения просьбы, в таких ситуациях признаки обиды минимальны или вовсе отсутствуют), *лицоугрожающие* (извинение используется как несогласие, вызов, оно мотивировано обидой и вызывает негативную реакцию второй стороны), а также *реальное извинение* (в случае причинения серьезного материального или морального ущерба) [9]. Р. Ратмайр предложила классификацию на базе различий нарушения этикета и выделила *конвенциональные извинения* (при незначительных нарушениях этикета, для минимизации дискомфорта, возникшего в связи с незначительными нарушениями этикета), *метакоммуникативные извинения* (при нарушениях норм ведения беседы, для корректировки речеповеденческой оплошности), *извинения по существу* (при более серьезном нарушении границ личной сферы адресата, как материальной, так и идейной, в случае намеренного или случайного проступка, например, при нарушении договоренностей, невнимательности и небрежности, когда второму лицу нанесен материальный или иной ущерб) [10, с. 13–37]. Приведенные подходы к классификации извинения объединяет прагматическая цель коммуникативного действия: осознав факт отклонения от этикетных конвенций (нарушение межличностной дистанции, проявление невнимательности, непочтения к другому лицу) или нарушения этики, принятой в отдельном социуме, совершить коммуникативное действие, способное в определенной степени восстановить нарушенную гармонию межличностных отношений.

В рамках прагматического подхода особое значение приобретает степень оценки нарушения или урона в зависимости от типа культуры и социального статуса общающихся. Например, в европейском культурном ареале неприкосновенность личности охраняется юридическими и моральными запретами, вторжение в личное пространство другого человека не приветствуется и требует активации акта извинения [10, с. 22]. С помощью этого акта извиняющийся пытается сохранить социальный имидж человека, знающего нормы и принимающего модели межличностных отношений, приемлемые в его социокультурном сообществе. По мнению лингвокультурологов, речевой акт извинения непременно входит в состав востребованных форм коммуникации [9, 10, 13 и др.], однако в англоговорящем социуме разные формы извинения отличаются самой высокой частотностью использования [14].

При любом нарушении личного пространства, возникновении угрозы социальному имиджу партнеров, отклонении от конвенций вежливого и предупредительного поведения активизируется коммуникативный акт извинения в типовых форматах *I am sorry, Excuse me, Pardon, Take my apologies, etc.* Данную особенность межличностного общения специалисты по межкультурной коммуникации связывают с различиями в восприятии нормы для межличностной дистанции между коммуникантами. Повторим, что, по мнению исследователей, в английской культуре межличностная дистанция длиннее, чем в русской, при этом доминирует конвенция внимания и вежливости, что проявляется в требовании взаимно направленного поддержания статуса партнеров. Именно такие конвенции объясняют выводы о том, что в англоязычной коммуникации имеется больше причин для обращения к актам извинения, чем в других культурах [13].

Приведенные данные свидетельствуют о стойком интересе специалистов к явлению извинения и анализу коммуникативно-дискурсивных условий его использования в речевой практике, актуальным считаем обращение к малоизученному вопросу о закономерностях выбора формы извинения и причин вариативности при реализации сценария извинения.

Гипотеза исследования. В работе мы придерживаемся точки зрения, в соответствии с которой извинение – это не только речевой акт, но и типовая коммуникативная ситуация, входящая в фонд общей коммуникативной компетенции человека; она активируется при нарушении конвенций гармонии межличностных отношений под давлением внешних причин: отклонение от этикета поведения или причинение ущерба разной степени тяжести второй стороне. В зависимости от ситуативных условий и разновидностей нарушения конвенций в исследовательских целях можно выделить разновидности коммуникативной ситуации извинения (например, этикетное, металингвистическое, извинение по существу). Степень эмоциональности конвенционального или металингвистического извинения отличается от извинения по существу, которое непременно сопровождается проявлениями эмоций стыда, раскаяния при осознании вины.

Полагаем, что каждая из перечисленных разновидностей извинения имеет сценарно-вариативное выражение в границах отдельной коммуникативно-дискурсивной культуры, на особенности реализации общего сценария влияют личностные и гендерные характеристики человека, испытывающего потребность в извинении и/или выражении чувства вины. Речевой акт извинения составляет вербальную основу коммуникативной ситуации, он нацелен на корректировку и восстановление межличностных отношений. Подчеркнем, что сценарий коммуникативной ситуации извинения актуализируется при осознании потребности в коррекции межличностных отношений вследствие несоблюдения человеком этических норм и/или конвенций вежливого общения, что мотивирует экспликацию просьбы о прощении за допущенные проступки, причинившие урон или нанесшие вред другому человеку. Коммуникативно-дискурсивную основу сценария извинения составляет набор коммуникативных действий, передающих чувство сожаления, вины, раскаяния, просьбу о прощении, а также дополнений в форме высказываний, поясняющих причину проступка, обещаний исправиться, предложений о примирении. При реализации сценария извинения в англоязычном межличностном общении наблюдается вариативность в использовании указанных коммуникативных действий, она зависит от социального, в том числе гендерного, фактора, психоэмоционального состояния общающихся. Извиняющийся, пытаясь сохранить свой социальный имидж, может избрать стратегию прямой или косвенной формы выражения извинения по существу (реального извинения).

Целью данного исследования является моделирование дискурсивных параметров ситуации реального извинения, выявление лингвостратегической специфики их реализации в формате сценария прямого и косвенного извинения и обоснования дискурсивно-прагматических особенностей доминирования вариантов косвенного извинения в англоязычном межличностном общении.

Методология и источники. Эмпирической базой для этого исследования стала собственная коллекция примеров: 172 текстовых фрагмента, отобранных способом сплошной выборки из аутентичных текстов современных британских писателей, скриптов художественных фильмов на английском языке. За единицу анализа был принят речевой акт

извинения, нацеленный на демонстрацию осознания вины за разные степени нарушения конвенций межличностных отношений и вежливого общения, значимым было наличие маркера эмоциональной оценки степени урона, что определяло отнесение ситуации к типу реального извинения.

Поставленные цели и задачи исследования потребовали разработки методики анализа текстового материала с опорой на следующие процедуры и методы дискурсивного анализа: параметрическое моделирование ситуации, контент-анализ и лингвопрагматическая интерпретация диалогических фрагментов, лингвистическое наблюдение за функционированием языковых средств, количественный подсчет для выявления закономерностей.

Проведение дискурсивного анализа извинений в обыденном общении на английском языке с опорой на параметрическое моделирование коммуникативной ситуации позволило выявить общие аналоговые константы дискурсивной модели, которые варьируются в зависимости от условий их применения в реальном общении. Для моделирования коммуникативной ситуации «извинение» были избраны следующие параметры: понятийное и ценностное содержание представления об извинении, характеристики участников ситуации с учетом их социокультурных (гендерных, возрастных, ролевых) и психоэмоциональных характеристик, ценностные конвенции и условия, под влиянием которых активизируется интенция извинения, чувственно-эмоциональный компонент, а также сценарность речевого поведения, предполагающая выявление стратагемно-тактических векторов общения и лингво-прагматический анализ собственно речевых актов извинения и сопровождающих их иных речевых действий. Метод контент-анализа, суть которого заключается в изучении содержания высказываний в рамках категориальной ситуации общения с последующей лингвопрагматической интерпретацией интенций каждого высказывания и с учетом особенностей их лексико-грамматического и синтаксического оформления [15], позволил собрать коллекцию речевых форм актов извинения и прощения в англоязычном межличностном общении для следующего этапа – лингвопрагматического анализа выделенных речевых актов с последующим обобщением и выявлением типовых для англоязычной традиции межличностного общения форм речевого поведения в ситуации извинения. Наблюдения за системностью их чередования в интеракциях позволили выделить алгоритмизированную последовательность этих речевых актов и выявить их вариативные комплексы.

Результаты и обсуждение. Все приведенные подходы к дискурсивной классификации извинения позволяют охарактеризовать извинение как корректирующую форму речевого действия с особой прагматической целью, активированной ситуацией, осознав факт отклонения от этикетных конвенций (нарушение межличностной дистанции, проявление невнимательности, непочтения к другому лицу) или нарушения этики, принятой в отдельном социуме, совершить коммуникативное действие, способное в определенной степени подкорректировать или восстановить нарушенную гармонию межличностных отношений. Отметим, что на данном этапе исследования анализировались примеры коммуникативной ситуации извинения по существу [10], или этическое извинение [11]. Оно рассматривается нами как дискурсивное целое с эмоционально-оценочным параметром, поскольку речеповеденческое взаимодействие партнеров выстраивается под воздействием эмоций огорчения, разочарования, страха утраты позитивного социального имиджа. Степень эмоциональной во-

влеченности, умение и желание контролировать проявление чувств и эмоций, или эмоциональная компетенция личности [16], являются, на наш взгляд, значимым параметром коммуникативной ситуации, подтверждающим ощущение вины. Его включение в общую модель важно для корректной интерпретации мотивов, причин, условий речевых актов извинения и прощения, указывающих на актуализацию стратегии прямого или косвенного извинения.

В коммуникативной ситуации «извинение» присутствуют две стороны, одна из которых осознает, что своими действиями (вербальными или невербальными) наносит ущерб второй стороне; осознав, что после этого появилась угроза разрушения позитивного социального имиджа и разрыва отношений, первая сторона признает вину и просит о прощении. В соответствии с этикетными ожиданиями вторая сторона (обиженное лицо) распознает интенцию извиняющегося адресанта и в идеале после обмена некоторыми типовыми репликами может принять извинение. Обмен репликами, реализующими коммуникативные стратегии поведения в ситуации «извинение», представляется интеракциональным при доминировании реплик извиняющейся стороны.

Указанные методы и приемы дискурсивного анализа 172 оригинальных диалоговых фрагментов на английском языке позволили выделить типовые акты выражения извинения и сопровождающие акты признания вины, объяснения причин, выражения чувств и эмоций, уточнить их различия по степени ущерба, нанесенного другому лицу, определить коммуникативный вес этих речевых актов и смоделировать общий сценарий коммуникативной ситуации извинения, определить ее стратегическую и сценарную специфику. В ходе верификации общей модели на собственном англоязычном материале были установлены признаки стратегической вариативности реализации общего сценария извинения по существу в англоязычном межличностном общении, обоснованы закономерности выбора самых часто используемых типов речевых актов при реализации косвенного извинения в сравнении с прямым, считающимся базовым.

Кратко представим позицию о сценарности прямого извинения по существу. Идентифицирующим маркером такого сценария в англоязычном общении является непосредственная экспликация просьбы о прощении с использованием типовых речевых формул с семантикой извинения: (*I'm*) *sorry* / *Excuse me* / *Pardon (I beg your pardon)*, *apologies*, *apologize*, *regret*. На поведенческий мотив извиняющейся стороны влияет осознание степени нанесенного ущерба адресату, социальные и психоэмоциональные характеристики коммуникантов, а также характер межличностных отношений и условия актуализации коммуникативной ситуации извинения.

В английской дискурсивной культуре ситуация «извинение» опирается на этическую оценку поведения человека в социальном пространстве. Среди этических норм традиционно выделяют: честность, добро, сострадание, сдержанность, уважение к личности другого, самоуважение и др. [13]. Отклонение от принятых норм поведения, демонстрация несдержанности, грубости формирует отрицательный моральный имидж, создает условия для разрыва отношений. Осознав губительность действий для своего имиджа и поддержания отношений с другим человеком, индивидуум предпринимает попытку исправить это с помощью речевых актов извинения. Отметим, что вслед за другими исследователями (например, М. Дойчманом [9], Р. Ратмайр [10], В. А. Литвиновой [11], В. И. Карасиком [12])

и др.) коммуникативное поведение извиняющегося человека можно охарактеризовать как самоосуждение с демонстрацией эмоции переживания, при этом самоосуждение может получить прямую и косвенную экспликацию, что позволяет выделить две разновидности сценария извинения: прямого и косвенного.

Экспликация **прямого извинения** является вербализованным самоосуждением, признанием значимости для извиняющегося моральных и нравственных правил, определяющих этику отношений между собеседниками в отдельном социуме. Произносящий прямое извинение осознает, что его собеседник рассержен, обижен, и для этого существует объективный повод. С помощью прямого извинения он пытается освободиться от чувства вины и отрицательных эмоций второй стороны, осуждающей его проступок. Языковыми маркерами раскаяния являются лексико-грамматические средства, которые подчеркивают эмоциональную тональность вины в речевом поведении.

Выбор той или иной формулы прямого извинения напрямую связан с коммуникативной задачей адресанта. Каждая форма прямого извинения (*I'm sorry; Excuse me; Pardon; I beg your pardon, etc.*) обладает собственным прагматическим смыслом, передает свои оттенки самоосуждения и эмоции раскаяния [17], применяется в разных коммуникативно-дискурсивных условиях (на это указывают, например, данные корпусного исследования [18]).

Однако в ситуациях извинения по существу одного акта прямого извинения может быть недостаточно. По данным проведенного нами анализа, речевой акт извинения часто сопровождается некоторыми факультативно выбранными из типового набора речевыми актами пояснений, объяснений причин проступка, усиленным описанием чувств и эмоций, обещаниями. Кроме того, в англоязычном межличностном общении с помощью интеракции извинения часто поддерживается специфичное для дискурсивной традиции Британии требование дистанцирования и сохранения личного пространства. Нарушением можно считать открытое выражение чувств, эмоций, мнений. В случае личной несдержанности человек осознает отклонение от конвенции «граница социального пространства личности» и совместно с актом извинения использует акт объяснения причин своего проступка. Так, в следующей ситуации мужчина извиняется перед девушкой, потому что понял: открыто сообщив ей о своих чувствах, он забыл об этике сдержанности. Изменение ее поведения становится знаком, и чтобы вернуть утраченное доверие, он прибегает к объяснениям:

He put his arm around her, and she did not shrug it off. They stood without speaking while she blew her nose, and then he felt her tense to move away, and he said, "Mary..." – "What?" – "I've got to – Mary, I think I'm in love with you."

He knew for a few seconds the glorious pride of the skydiver who pushes off firm floor into limitless space. Then she pulled away.

"Gavin. I" – "I'm sorry," he said, observing with alarm her repulsed expression. "I wanted you to hear it from me. I told Kay that's why I wanted to split up, and I was scared you'd hear it from someone else. I wouldn't have said anything for months. Years," he added, trying to bring back her smile and the mood in which she found him sweet [19, p. 455].

Стремясь оправдать свой неэтичный поступок, Гавин использует цепочку речевых актов извинения, объяснения, раскаяния, отчего его речевая партия удлиняется. Прямое признание вины, раскаяние завершает просьба о прощении. Очевидно, что для него отношения

с Мэри значимы, на это указывает прямое описание эмоционального состояния молодого человека: он испытывает чувство вины (*I'm sorry*), он напуган (*I was scared*).

В отличие от прямого извинения, нацеленного на минимизацию ущерба, **косвенное извинение** реализуется с помощью замещения речевого акта извинения как самоосуждения, признания вины (*Excuse me*) или описания состояния смущения и неловкости (*I am sorry*) речевыми актами из фонда дополнительных для коммуникативной ситуации извинения или избирает иные формы разговора, переводит тему самоосуждения в тему интенсификации описания эмоционального состояния. Отметим, что если в других этнокультурах такое поведение может быть воспринято негативно и интерпретировано как попытка избежать ответственности, то в британском социуме этот сценарий достаточно широко используется. Так, Е. Огиерманн [20, с. 36] подчеркивает, что англичанин может расценивать прямые извинения как угрозу собственному положительному образу и межличностному социальному равновесию [20, с. 37], а косвенное извинение, так же как и прямое, направлено на восстановление отношений между партнерами, только стратегии достижения данной цели отличаются.

Проведенный нами лингвопрагматический анализ подтвердил это положение, так как указал на частотность некоторых разновидностей речевых актов, используемых для замещения прямого признания вины и просьбы о прощении, имеющих в подтексте интенцию коррекции нарушенных межличностных отношений. В таком случае мотив извинения и признания вины подменяется речевыми актами, функционально сводящими акт признания вины к отговорке о ненамеренности, объяснению причин совершения неприемлемых действий. Выбор речевых актов в таком случае имеет некоторую свободу, но высокую частотность в нашем материале показали речевые акты объяснения причин, которые вызвали у осуждаемого действие или поступок, ссылка на ненамеренность произошедшего, перенос вины на другое лицо или обстоятельства, излишне эмоциональное описание собственного состояния.

Приведенный ранее список возможных речевых актов и данные нашего лингвопрагматического анализа позволяют прийти к выводу об актуализации в ситуации косвенного извинения стратегий минимизации ущерба имиджу лица, совершившего проступок с помощью тактического смещения фокуса темы высказывания: вместо признания вины и просьбы о прощении индивидуум приводит доводы, нивелирующие его личную вину, или уходит в описание своего эмоционального состояния, косвенно интенсифицируя эмоциональный признак ситуации извинения. По нашему мнению, при замещении темы признания вины на нивелирование ущерба в сценарии косвенного извинения могут использоваться *тактики намеренной интенсификации* или *минимизации вины*.

С опорой на стратегический аспект интенсификации вины, описанный в публикации Е. Огиерманна [20], нами была разработана процедура лингвопрагматического анализа речевой партии извиняющегося лица в ситуации косвенного извинения с целью выделения тем коммуникативных действий (КД), замещающих акт признание вины (ПВ) при обращении к указанным тактикам.

Приведем пример *тактики намеренной интенсификации вины*: “*I wanted to say something to you before,*” he said. “*I should have said something. I just couldn't bring myself to do it, Bin. Oh, I feel really shit.*” – “*No, no, you mustn't,*” she said, *groping for the companionship of*

his fingers. But he dipped his hand between his knees and her arm was left shipwrecked on the table [21, p. 38]. В данном отрывке мужчина косвенно выражает интенцию самоосуждения и вины с помощью преувеличенно эмоционального описания своих переживаний: *I should have said something* (осознает, что поступил неправильно); *I just couldn't bring myself to do it* (ищет оправдания); *Oh, I feel really shit* (эмоционально описывает свое состояние). С помощью коммуникативных действий с интенцией описания эмоционального состояния затеняется интенция признания вины и раскаяния.

Тактика интенсификации вины (ИВ) реализуется в нескольких вариантах сценария косвенного извинения: Модель ИВ-1 [Признание вины → Оправдание]; Модель ИВ-2 [Признание вины с последующим призывом к эмпатии]; Модель ИВ-3 [Признание ответственности → Сообщение о чувствах → Призыв к эмпатии]. В таких случаях наблюдается смещение тематического фокуса к описанию собственных эмоций виноватого, что косвенно указывает на наличие ощущения вины у говорящего.

Тактика минимизации вины (МВ) нацелена на выход из дискомфортной ситуации с наименьшими потерями для имиджа лица, ощущающего необходимость извиниться. Она реализуется посредством двух моделей с вариантами тематических отклонений от главной темы ситуации извинения с помощью коммуникативных действий отрицания или уклонения от ответственности, перекладывания вины на пострадавшую сторону, самооправдания. В первой модели вместо извинения дается объяснение причин проступка, что может быть расценено как оправдание: Модель МВ-1 [Оправдание → Объяснение причин]. Модель МВ-2 показывает вариативное своеобразие интенции нивелирования вины, оно проявляется в выборе разных тактических ходов с возможностью подключения и акта оправдания: МВ-2а [Отрицание ответственности + Констатация факта]; МВ-2b [Отрицание ответственности + Перекладывание вины]; МВ-2с [Уклонение от ответственности (адресант не признает свою вину) + Перекладывание вины на оппонента + Оправдание]; МВ-2d [Отрицание ответственности + Оправдание]. В приводимой далее ситуации реализуется модель МВ-2d, поскольку взрослый сын, который обещал приехать к матери, должен сообщить, что по личным причинам не сможет этого сделать, он виноват, так как не сообщил ей об этом раньше: *GERRY. Hello, Momma... yes, I must have gotten here all right since I'm talking to you... I don't mean to be snotty. It's just that I'm busy and... yes, I'll be home usual time... what Novena? (A shadow leaves.) Will you please stop saying snotty? Snotty's an ugly word. All I mean is that I – I can't take the time to go to a Novena. I haven't done any of the packing yet... yes, I'm sure I can manage it. I know you don't ...* [19].

В этой ситуации проявляется раздражение, нежелание сына признать вину за невнимательность и забывчивость, он оправдывает себя, ссылаясь на занятость (объяснение: *It's just that I'm busy*; констатация факта: *All I mean is that I – I can't take the time to go to a Novena*), выражает недовольство (*I must have gotten here all right since I'm talking to you; I don't mean to be snotty; Will you please stop saying snotty? Snotty's an ugly word*).

Заключение. Проведенное исследование позволило подтвердить гипотезу о ценности коммуникативного акта извинения в англоязычном межличностном общении, где приветствуется сдержанность и социальное дистанцирование, не нарушающее персональные границы каждого человека. Любое отклонение от морально-этических, нравственных, этикетных и других норм и конвенций вежливости и предупредительности предполагает корректирующее коммуникативное действие – извинение.

В статье извинение рассмотрено как речевое действие, погруженное в ситуативные условия нарушения гармонии межличностных отношений, осознание которых требует выражения сожаления о содеянном, признания вины, просьбы о прощении. Однако в связи с особенностями межличностного дистанцирования, принятой конвенцией о сохранении социального имиджа (лица) англичане имеют выбор стратегии вербализации интенции извинения. Параметрическое моделирование коммуникативной ситуации извинения и анализ дискурсивных стратегий речевых актов извинения в англоязычном межличностном общении позволили установить две возможные стратегии выражения просьбы о прощении – прямое и косвенное извинение по существу (реальное извинение).

Коммуникативная ситуация прямого извинения маркирована непосредственной экспликацией просьбы о прощении с использованием стандартных речевых формул с семантикой извинения (*I'm sorry; Excuse me; Pardon; Take my apology, etc.*), а также наличием эмоционального отношения. Причиной обращения к стратегии прямого извинения становится осознание намеренных или случайных вторжений в личные границы адресата, нарушений, принятых в данном социуме правил и норм поведения, причинений духовного или материального ущерба партнеру, нарушения личных договоренностей, обман, оскорбления, грубость и другие виды невежливого и неэтичного поведения, отрицательно воздействующие на отношения людей. Каждая из указанных причин активизирует намерение восстановить ухудшившиеся отношения.

Более сложное стратегическое воплощение имеет ситуация косвенного извинения, при котором дискурсивная часть предполагает использование ряда тактических приемов уклонения от вербального признания вины. В ходе лингвопрагматического анализа были выявлены тактики косвенного извинения, позволяющие сместить тематический фокус высказываний, скрыть извинение за речевыми актами с другими интенциями – тактики интенсификации или минимизации вины. Высказывания, интенсифицирующие вину, считаются компенсирующими сам акт извинения, в них доминирует описание эмоций и ощущений лица, совершившего проступок, но сам акт извинения не звучит. Тактика минимизации вины позволяет с помощью объяснения причин, констатации обстоятельств, приведших к нарушениям, а также с помощью перекладывания вины на другое лицо косвенно указать на присутствие ситуации нарушения, но отклонить свою прямую причастность или личное участие в создании неприятной ситуации. Каждая из указанных тактик косвенного извинения прошла верификацию на аутентичном материале. Сделано заключение о доминировании случаев обращения к косвенным тактикам извинения, что подтверждает положение о таком значимом параметре межличностного общения в англоязычной культуре, как забота о социальном и эмоциональном балансе, не допускающем прямой критики в отношении другого лица.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Формановская Н. И., Шевцова С. В. Речевой этикет. Русско-английские соответствия: справочник. М.: Высш. шк., 1990.
2. Цюра С. В. Коммуникативно-прагматические особенности высказываний извинений: автореф. дис. ... канд. филол. наук / ЧНУ им. Б. Хмельницкого. Киев, 1994.
3. Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

4. Edmondson W. J. On Saying You're Sorry // *Conversational Routine: Explorations in standardized communication situations and prepatterned speech* / ed. by F. Coulmas. Hague: Mouton, 1981. P. 281–286.
5. Lakoff R. The logic of politeness: or minding your P's and Q's // *Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1973. P. 292–305.
6. Leech G. N. *Principles of Pragmatics*. London: Longman, 1983.
7. Olshtain E. Apologizes Across Language // *Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies* / ed. by S. Blum-Kulka, J. House, G. Kasper. Norwood, New Jersey: Ablex, 1989. P. 155–173.
8. Blum-Kulka S., Olshtain E. Requests and apologies: A cross-cultural study of speech act realization patterns (CCSARP) // *Applied Linguistics*. 1984. Vol. 5, no. 3. P. 196–213. DOI: <https://doi.org/10.1093/applin/5.3.196>.
9. Deutschmann M. Apologizing in British English. Sweden: Umea University, 2003. URL: https://www.researchgate.net/publication/277765449_Apologising_in_British_English/link/565d6d5c08ae1ef929826111/download (дата обращения: 28.10.2020).
10. Ратмайр Р. Прагматика извинения: сравнительное извинение на материале русского языка и русской культуры / пер. с нем. Е. Б. Араловой. М.: Языки славянской культуры, 2003.
11. Литвинова В. А. Лингвокультурная специфика речевого акта «этикетное извинение» в британской коммуникативной традиции // *Вестн. ВолГУ. Сер. 2. Языкознание*. 2017. Т. 16, № 2. С. 160–167. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.17>.
12. Карасик В. И. Аксиология прощения в русской и английской лингвокультурах // *Лингвокультурные ценности в сопоставительном аспекте* / под ред. В. И. Карасика, Н. А. Красавского. Волгоград: ПринТерра–Дизайн, 2018. С. 76–92.
13. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
14. Fox K. *Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour*. London: Hodder, 2005.
15. Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. URL: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/filosofija_jazyka/leontovich_metody_kommunikativnykh_isledovaniy/32-1-0-4646 (дата обращения: 25.05.2020).
16. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.
17. Литвинова В. А. Коммуникативно-прагматическая специфика английского этического извинения // *Вестн. ВолГУ. Сер. 2. Языкознание*. 2015. № 5 (29). С. 109–113. DOI: <https://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.5.12>.
18. Литвинова В. А. Диахроническое корпусное изучение социально-гендерной стратификации речевых актов извинения (на материале BNC1994 и BNC2014) // *Теоретические и прикладные аспекты корпусных исследований* / под ред. Л. А. Кочетовой. Вып. 2. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2018. С. 16–22.
19. Rowling J. K. *The Casual Vacancy*. Boston: The Little, Brown & Company, 2012.
20. Ogiermann E. On apologising in negative and positive politeness cultures. Amsterdam: John Benjamins, 2009. DOI: <https://doi.org/10.1075/pbns.191>.
21. Joyce R. *A Snow Garden and Other Stories*. N. Y.: Random House, 2015.

Информация об авторах.

Ильинова Елена Юрьевна – доктор филологических наук (2009), профессор кафедры английской филологии Волгоградского государственного университета, Университетский пр., д. 100, Волгоград, 400062, Россия. Автор более 150 научных публикаций. Сфера научных интересов: коммуникативная лингвистика, лингвопрагматика, лингвокультурология, дискурс. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3310-4020>. E-mail: ilynov@volsu.ru

Волкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук (2009), доцент кафедры английской филологии Волгоградского государственного университета, Университетский пр.,

д. 100, Волгоград, 400062, Россия. Автор 43 научных публикаций. Сфера научных интересов: коммуникативная лингвистика, лингвопрагматика, лингвокультурология, дискурс. E-mail: olgavolkova@volsu.ru

Литвинова Валентина Александровна – кандидат филологических наук (2015), старший преподаватель кафедры английской филологии Волгоградского государственного университета, Университетский пр., д. 100, Волгоград, 400062, Россия. Автор 25 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвокультурология, дискурс, коммуникативная лингвистика, лингвопрагматика. E-mail: val-litvinova@volsu.ru

REFERENCES

1. Formanovskaya, N.I. and Shevtsova, S.V. (1990), *Rechevoi etiket. Russko-angliiskie sootvetstviya* [Speech etiquette. Russian-English correspondences], Vysshaya shkola, Moscow, USSR.
2. Tsyura, C.V. (1994), "The communicative and pragmatic features of making an apology", Abstract of Can. Sci. (Philol.) dissertation, ChNU, Kiev, Ukraine.
3. Brown, P. and Levinson, S.C. (1987), *Politeness: Some Universals in Language Usage*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
4. Edmondson, W.J. (1981), "On Saying You're Sorry", *Conversational Routine: Explorations in standardized communication situations and prepatterned speech*, in Coulmas, F (ed.), Mouton, Hague, NED, pp. 281–286.
5. Lakoff, R. (1973), "The logic of politeness: or minding your P's and Q's", *Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*, Chicago Linguistic Society, Chicago, USA, pp. 292–305.
6. Leech, G.N. (1983), *Principles of Pragmatics*, Longman, London, UK.
7. Olshtain, E. (1989), "Apologizes Across Language", *Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies*, in Blum-Kulka, S., House, J. and Kasper, G. (eds.), Ablex, Norwood, New Jersey, pp. 155–173.
8. Blum-Kulka, S. and Olshtain, E. (1984), "Requests and apologies: A cross-cultural study of speech act realization patterns (CCSARP)", *Applied Linguistics*, vol. 5, no. 3, pp. 196–213. DOI: <https://doi.org/10.1093/applin/5.3.196>.
9. Deutschmann, M. (2003), *Apologizing in British English*, Umea University, Sweden, available at: https://www.researchgate.net/publication/277765449_Apologising_in_British_English/link/565d6d5c08ae1ef929826111/download (accessed 28.10.2020).
10. Rathmayr, R. (2003), *Pragmatika izvineniya: Sravnitel'noe izvinenie na materiale russkogo yazyka i russkoi kultury* [Pragmatik der Entschuldigungen. Vergleichende Untersuchung am Beispiel der russischen Sprache und Kultur], Transl. by Aralova, E.B., Yazyki slavyanskoi kultury, Moscow, RUS.
11. Litvinova, V.A. (2017), "Linguocultural Specificity of the Speech Act "Etiquette Apology" in the British Communicative Tradition", *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Jazykoznanije* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 2, pp. 160–167. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.17>.
12. Karasik, V.I. (2018), "Axiology of forgiveness in Russian and English linguocultures", *Lingvokul'turnye tsennosti v sopostavitel'nom aspekte* [Linguocultural values in a comparative aspect], in Karasik, V.I. and Krasavskii, N.A. (eds.), PrinTerra-Dizain, Volgograd, RUS, pp. 76–92.
13. Larina, T.V. (2009), *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [Category of politeness and communication style: comparison of English and Russian linguocultural traditions], Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, Moscow, RUS.
14. Fox, K. (2005), *Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour*, Hodder, London, UK.
15. Leontovich, O.A. (2011), *Metody kommunikativnykh issledovaniy* [Communication research methods], Gnozis, Moscow, RUS, available at: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/filosofija_jazyka/leontovich_metody_kommunikativnykh_issledovaniy/32-1-0-4646 (accessed 25.05.2020).

16. Shakhovskii, V.I. (2008), *Lingvisticheskaya teoriya emotsii* [Linguistic theory of emotions], Gnozis, Moscow, RUS.

17. Litvinova, V.A. (2015), "Communicative and Pragmatic Specificity of the English Ethical Apology", *Science Journal of VolSU. Linguistics*, no. 5 (29), pp. 109–113. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.5.12>.

18. Litvinova, V.A. (2018), "Diachronic corpus study of socio-gender stratification of speech acts of apology (based on BNC1994 and BNC2014)", *Teoreticheskie i prikladnye aspekty korpusnykh issledovaniy* [Theoretical and applied aspects of corpus research], in Kochetova, L.A. (ed.), no. 2, Izd-vo VolGU, Volgograd, RUS, pp. 16–22.

19. Rowling, J.K. (2012), *The Casual Vacancy*, The Little, Brown & Company, Boston, USA.

20. Ogiermann, E. (2009), *On Apologising in Negative and Positive Politeness Cultures*, John Benjamins, Amsterdam, NED. DOI: <https://doi.org/10.1075/pbns.191>.

21. Joyce, R. (2015), *A Snow Garden and Other Stories*, Random House, N.Y., USA.

Information about the authors.

Elena Yu. Ilyinova – Dr. Sci. (Philology) (2009), Professor at the Department of English Philology, Volgograd State University, 100 Universitetskii pr., Volgograd 400062, Russia. The author of more than 150 scientific publications. Area of expertise: communicative linguistics, linguistic pragmatics, linguistic culture studies, discourse studies. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3310-4020>. E-mail: ilyinov@volsu.ru

Olga S. Volkova – Can. Sci. (Philology) (2009), Associate Professor at the Department of English Philology, Volgograd State University, 100 Universitetskii pr., Volgograd 400062, Russia. The author of 43 scientific publications. Area of expertise: communicative linguistics, linguistic pragmatics, linguistic culture studies, discourse studies. E-mail: olgavolkova@volsu.ru

Valentina A. Litvinova – Can. Sci. (Philology) (2015), Senior Lecturer at the Department of English Philology, Volgograd State University, 100 Universitetskii pr., Volgograd 400062, Russia. The author of 25 scientific publications. Area of expertise: linguistic culture studies, discourse studies, communicative linguistics, linguistic pragmatics. E-mail: val-litvinova@volsu.ru

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи»;
 - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и английском языках) (1 экз.);
- документы на листах формата А4 (по 1 экз.):
 - распечатку рукописи, подписанную всеми авторами (объем статьи 20 000–40 000 знаков, включая пробелы). К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - рекомендацию кафедры (подразделения) к опубликованию (следует указать предполагаемую рубрику);
 - сопроводительное письмо (только для авторов, не работающих в СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, а).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

• *Заголовочная часть:*

– УДК (выравнивание по левому краю);
– авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;

– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;

– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

• текст статьи;

• приложения (при наличии);

• список литературы (библиографический список);

• справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);

– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название (Title);

– аннотация (Abstract);

– ключевые слова (Keywords);

– список литературы (References);

– справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

- заголовок «Список литературы»;
- библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом

конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В *References* совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI (см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 09.00.01 – Онтология и теория познания;
- 09.00.03 – История философии;
- 09.00.04 – Эстетика;
- 09.00.05 – Этика;
- 09.00.07 – Логика;
- 09.00.08 – Философия науки и техники;
- 09.00.11 – Социальная философия;
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
- 09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

Социология (по научным специальностям):

- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии;
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 22.00.05 – Политическая социология;
- 22.00.06 – Социология культуры;
- 22.00.08 – Социология управления.

Языкознание (по научным специальностям):

- 10.02.04 – Германские языки;
- 10.02.19 – Теория языка;
- 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *Н. В. Кузнецова, М. И. Попова,
Е. А. Ушакова*
Компьютерная верстка *Е. А. Орловой*

Editors: *N. V. Kuznetsova, M. I. Popova,
E. A. Ushakova*
DTP Professional *E. A. Orlova*

Подписано в печать 21.09.21. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 19,37. Печ. л. 18,75. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 96.
Цена свободная.

Signed to print 21.09.21. Sheet size 60 × 84 1/8.
Educational-ed. liter. 19,37. Conventional printed sheets 18,75. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 96.
Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5 Professor Popov Str., St Petersburg 197376, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56